

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Патрикеева Мария Вадимовна

**Крымская война 1853–1856 гг. в литературной памяти
современников**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН
М. И. Щербакова

Москва

2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. КРЫМСКАЯ ВОЙНА 1853–1856 ГГ. В ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ РОССИИ.....	25
ГЛАВА 2. ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА XIX В. О КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ 1853–1856 ГГ.....	45
2.1. Крымская война в оценке русской периодики: репортажи, корреспонденции, хроника	45
2.2. События Крымской войны в эпистолярном наследии современников..	70
2.3. Участники Крымской войны как мемуаристы	95
ГЛАВА 3. КАРТИНЫ И ОБРАЗЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ НА СТРАНИЦАХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА.....	134
3.1. Севастопольские рассказы Л. Н. Толстого как художественное открытие	134
3.2. Поэтические отклики на события Крымской войны	158
3.3. Традиции русской реалистической литературы в повестях, рассказах и очерках о Крымской войне	174
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	193
БИБЛИОГРАФИЯ	198

ВВЕДЕНИЕ

Крымская война 1853–1856 гг. — событие, ставшее своеобразным индикатором состояния всех сфер жизни Российского государства середины XIX в. Война повлияла на политическое, экономическое и общественное будущее России, открыла эпоху Великих реформ: крестьянской, военной, финансовой, судебной и др.

Предметом изучения в настоящей работе является отражение Крымской войны 1853–1856 гг. как одного из ключевых событий русской истории XIX в. на страницах художественных и публицистических произведений, в письмах, дневниках и воспоминаниях участников и современников, в числе которых были Л. Н. Толстой, К. М. Станюкович, К. Н. Леонтьев, В. И. Барятинский, Н. В. Берг и др.

Объект изучения — широкий круг литературных произведений второй половины XIX в. В него вошли как признанные шедевры, отмеченные особым вниманием исследователей (Севастопольские рассказы Л. Н. Толстого, «Севастопольское братское кладбище» А. А. Фета, «Севастопольский мальчик» К. М. Станюковича и др.), так и малоизученные или ранее не изучавшиеся художественные произведения («Восстани, спяй, и воскресит тя Христос!» неизвестного автора, «Кавалер Иван Сысоев» С. В. Максимова, «Русская душа» М. А. Чистякова, «Мозаичная переписка» В. П. Желиховской, «Васька-горнист» Г. А. Мачтета и др.); публикации на страницах журналов «Морской сборник», «Москвитянин», «Современник», «Отечественные записки», газет «Русский инвалид», «Северная пчела», «Московские ведомости» и др.; издания для народа; мемуары кн. В. И. Барятинского, Н. В. Берга, М. А. Вроченского, К. А. Скальковского, В. С. Ракова, В. И. Колчака, Д. А. Столыпина, П. В. Алабина и др.; письма А. В. Рачинского, П. И. Лесли, А. С. Меншикова, М. Д. Горчакова, А. П. Орды, К. Н. Леонтьева, А. Ф. Тютчевой, В. С. Аксаковой и др.;

Степень изученности вопроса. Приоритет в научном изучении предпосылок, условий развития событий и итогов Крымской войны принадлежит историкам и связан с именами генерал-лейтенанта М. И. Богдановича, генерала А. Ф. Гейрота, военного инженера Э. И. Тотлебена, академика Н. Ф. Дубровина и др.

Попытки систематизировать документы, относящиеся к Крымской войне 1853–1856 гг., предпринимались уже в период кампании. Один из наиболее ценных источников — 33-томный «Сборник известий, относящихся до настоящей войны», издававшийся в течение 5 лет с 1854 г. В этой «летописи современных событий, доблестных для России» [Сборник известий ... , с. [3]¹], как называл ее издатель Н. И. Путилов, внимание в первую очередь уделялось историческому контексту: причинам военного поражения, тактическим успехам и ошибкам, результатам военных решений, анализу условий Парижского мирного договора и т. п. В 1863 г. вышла в свет (на русском, немецком и французском языках) двухтомная монография участника Крымской войны военного инженера Э. И. Тотлебена «Описание обороны Севастополя» [Тотлебен] — преимущественно фортификационный военно-исторический труд, в котором осада Севастополя представлена с инженерной точки зрения на основании достоверных планов и чертежей, опровергавших сведения из французских и английских изданий. Анализу причин войны, описанию действий армии посвящен труд генерала А. Ф. Гейрота [Гейрот].

В числе военно-исторических трудов XIX в. важное место занимают исследования военного историка и генерала-лейтенанта М. И. Богдановича «Восточная война 1853–1856 годов» [Богданович] и академика Н. Ф. Дубровина «Восточная война 1853–1856 гг.» [Дубровин 1878] и «История Крымской войны и обороны Севастополя» [Дубровин 1900]. Богданович определил главную причину неудовлетворительного результата усилий русской армии, заключавшуюся, по мнению автора, в том, что войска «не успевали пользоваться благоприятными случаями для поражения неприятеля, неоднократно встречавшимися в

¹ Здесь и далее даем ссылку на пронумерованную часть издания в квадратных скобках согласно порядку страниц.

продолжении войны» [Богданович, с. I]. При этом историк неизменно обращал внимание на то, что в Крымской войне «блистательно выказались военные дарования многих <...> частных начальников и самоотвержение офицеров и нижних чинов Русской армии» [Там же]. Дубровин в предисловии к труду «Восточная война 1853–1856 годов» [Дубровин 1878] указывал на недостаточное осмысление материалов, относящихся к Крымской войне, отмечая, что история этого исторического конфликта «еще так мало разработана», что «издание хотя бы и незначительного числа новых документов не может считаться явлением бесполезным в литературе» [Там же, с. IV].

Осмысление Крымской войны как военной кампании, в которой Россия потерпела болезненное поражение, шло одновременно с ее восприятием как живого свидетельства героизма русских солдат и офицеров. В связи с этим появлялись попытки собрать, обобщить сведения о совершенных ими подвигах. В 1869 г. вышли две книги «Наши богатыри», в каждой из которых были представлены собранные из разных журналов и газет материалы — свидетельства героизма русских бойцов: в первой книге — «подвиги чинов пехотных полков, артиллерии и кавалерии на Дунае и в Крыму» [Наши богатыри, с. 9], во второй — примеры воинской доблести, проявленной во время обороны Севастополя. Безусловно, издание не претендовало на то, чтобы в полном объёме² опубликовать сохранившиеся источники. Напротив, в предисловии к первому сборнику его составитель А. Ф. Погосский отмечает, что «бледна и бледновата вышла книжка» [Там же, с. 3], объясняя это, с одной стороны, тем, что люди, владеющие грамотой, во время войны не ставили перед собой цели фиксировать свершения героев, и с другой, — природной скромностью русских людей («похвальба не в нашей натуре» [Там же, с. 4]).

Особого внимания заслуживает название сборников. «Богатыри» — это в первую очередь великие деятели, прославившие русское оружие, — Петр Первый, А. В. Суворов. Их пример вдохновляет новые поколения: молодые бойцы идут на

² Такая задача была бы невыполнима хотя бы потому, что множество подвигов не передавалось из уст в уста и уходило в небытие, как отмечал в мемуарах офицер А. И. Ершов, «по причине изобилия в самом геройстве» [Ершов, с. 105].

бой «как будто за ними самими, <...> по пламенным следам их» [Там же, с. 6]. Поколения сменяют друг друга, но в основе ратных подвигов неизменно лежит «наследственная доблесть армии» — особый дух: «Нет богатырства могучее этого духа!» [Там же, с. 6–7]

Самостоятельный и весьма ценный пласт материалов о Крымской войне представляют живые отклики очевидцев и непосредственных участников войны, нашедшие отражение в мемуарах и письмах. В 1872–1873 гг. было подготовлено уникальное издание в трех томах: «Сборник рукописей, представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами» [Сборник рукописей ...]. Крымская война оценивается составителями как «одно из величайших событий» в истории России, явившее «с такую силой и в такой высокой простоте <...> движение русского народного духа на защиту родного края» [Там же, т. 1, с. [3]³]. «Сборник рукописей...» — «источник благороднейшего вдохновения» [Там же, с. [4]] — издавался в первую очередь для укрепления патриотизма читателей. Официальные документы Крымской войны были изданы ранее в Военной типографии Санкт-Петербурга [Собрание донесений ...].

Особый интерес представляет труд «Нравственный элемент под Севастополем» генерала от инфантерии, не являвшегося участником Крымской войны, С. К. Гершельмана. Гершельман при изучении нравственного состояния войск во время обороны Севастополя постоянно обращает внимание читателя на широкую доказательную базу своего исследования: он обращается к трудам Богдановича, Дубровина, Тотлебена, П. В. Алабина, к «Сборнику рукописей...» и др. С точки зрения Гершельмана как успешные, так и неудачные действия в ходе обороны были обусловлены не столько численностью войск враждующих сторон, их боевой оснащённостью, сколько нравственным духом, царившим в противоборствующих армиях. Не претендуя на систематичность, последовательность изложения материала, автор приводит своеобразную выборку эпизодов обороны, свидетельствующих о том или ином состоянии войск. Для

³ Здесь и далее даем ссылку на пронумерованную часть издания в квадратных скобках согласно порядку страниц.

успешной реализации военных маневров необходима тесная эмоциональная связь между начальниками и подчиненными, высокий духовный подъем самих военачальников, их умение передать это воодушевление войскам. Гершельман анализирует навыки общения с подчиненными представителями высших военных чинов (С. А. Хрулева, В. А. Корнилова, П. С. Нахимова и др.), однако особое внимание уделяет князю А. С. Меншикову, его многочисленным ошибкам в управлении войсками, удовлетворении их нужд [Гершельман, с. 24–25]. Помимо влияния нравственного элемента на состояние русских войск, в исследовании отмечается и моральный потенциал врагов. Так, Гершельман не без сожаления указывает на упущенную русскими войсками возможность: в момент высадки союзных войск в Крыму их «моральные силы были расшатаны» [Там же, с. 40], однако русские военачальники никак не воспользовались этим и лишь пассивно наблюдали за происходящим, тем самым укрепляя во вражеских войсках веру в успех и неуязвимость⁴. Среди действенных инструментов поддержания в русских войсках боевого духа Гершельман называет знамена, музыку (в том числе песни) [Там же, с. 42, 57, 343, 367], ласковые, даже «семейные», отношения [Там же, с. 439]. Безусловно, наиболее сильным средством воздействия на моральное состояние войск — «лучшей наградой» — признается прибытие в Крымскую армию императора [Там же, с. 394]. Завершая исследование, Гершельман приходит к однозначным и, по его мнению, абсолютно обоснованным выводам. Так, причиной столь долгой обороны, с точки зрения технического оснащения русских войск и их численности, представлявшейся невозможной, Гершельман называет «выдающийся высокий нравственный дух» оборонявшихся, который оказывал негативное воздействие на моральное состояние противника [Там же, с. 449]. Поражения же, которые терпела на всем протяжении обороны русская армия, объясняются в исследовании «невниманием или неумением пользоваться <...> начальниками нравственным элементом» [Там же, с. 455]. Таким образом, русское

⁴ Известен, однако, источник, опровергающий угнетенное состояние союзных войск. По заверению издателей, это переведенный на русский язык достоверный рассказ французского генерала, участника Крымской войны, о ходе кампании – «Крымская экспедиция: Рассказ очевидца, фр. генерала». Автор отмечает, что в объединенных англо-французских войсках «каждый горел нетерпением стать в ряды против грозных победителей при Синопе» [Крымская экспедиция, с. 14].

войско предстает в труде Гершельмана «богатым готовым материалом в нравственном отношении» [Там же, с. 453], но работа с этим материалом, по мнению исследователя, подчас проводилась начальниками, неумело пользовавшимися таким потенциалом или просто игнорировавшими его.

В XX в. исторические исследования Крымской войны продолжились. В 1913 г. вышел двухтомный труд генерала от инфантерии и выдающегося военного историка А. М. Зайончковского «Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой» [Зайончковский 1908–1913]. Ему предшествовали исследования автора, посвященные Синопскому сражению и обороне Севастополя [Зайончковский 1903; Исторический путеводитель ... ; Оборона Севастополя ...]. Строго документированная основа книг, почерпнутая из фондов Государственного архива и императорских библиотек, не допускала вольную трактовку хода Крымской войны, беспристрастность автора подчеркивалась описательным стилем повествования.

В советской исторической науке особое место занимает фундаментальный труд академика Е. В. Тарле «Крымская война». Рассматривая войну 1853–1856 гг. как «один из переломных моментов <...> в истории внутренней и внешней политики России» [Тарле 1950, т. 1, с. 11], автор с опорой на документально подтвержденные факты дал оценку итогам кампании с двух позиций: дипломатической и военной. Согласно первой, это было безусловное поражение России; в военном же отношении, как считал Тарле, преимущество англо-франко-турецкой коалиции было далеко не столь убедительным. Следует подчеркнуть, что в оценке английского академического журнала «The Slavonic and East European Review» [Sumner] в рамках русской исторической науки книга Тарле стала наиболее существенным вкладом в изучение событий Крымской войны после трудов Зайончковского.

В XXI в. изучение фактической стороны событий Крымской войны продолжает С. В. Ченнык — потомственный военный, популяризатор военной истории России. Исследователь стремится максимально объективно осветить события Крымской войны, прослеживает итоги этой кампании в контексте

последовавших за ней военных конфликтов [Ченнык 2010; Он же 2011; Он же 2012; Он же 2014а; Он же 2014б].

Поскольку Россия противостояла внушительной вражеской коалиции, осмысление событий 1853–1856 гг. происходило не только в отечественных, но и в появлявшихся как во время, так и после войны зарубежных публикациях, которые также заслуживают внимания.

Во французской историографии были как периоды повышенного интереса к Крымской войне, так и годы ее забвения. Изучению трудов французских историков, анализу французской научной традиции осмысления Восточной войны, ее отличий от российской и англосаксонской посвящена статья Е. В. Линьковой и М. де Болливье [Линькова, Болливье]. Среди наиболее известных исследований, посвященных Крымской войне 1853–1856 гг., можно выделить труды М. де Фербалье [Ferbaliere], барона Леката де Базанкура [Lecat Bazancourt 1855; Он же 1856; Он же 1856–1857; Он же 1860], ставшего непосредственным свидетелем севастопольской осады, Ж. Ж. Роя [Roy], А. де Жюстиниани [Giustiniani], монографию Алена Гутмана [Gouttman], впервые опубликованную в 1995 г. и выдержавшую несколько переизданий.

Среди переведённых на русский язык английских источников стоит отметить дневниковые записи журналиста Уильяма Рассела (1820–1907), опубликованные под названием «Британская экспедиция в Крым» [Рассел]. Ченнык призывает не искать у Рассела «тактических подробностей отгремевших сражений, статистических таблиц или дипломатических документов» [Ченнык 2016, с. 84]. Первоначальной задачей Рассела как военного журналиста было создание цикла репортажей для газеты «The Times», однако охват событий и территорий оказался настолько масштабным, что уже в 1858 г. репортажи вышли отдельным изданием в Англии. Не лишённые фактических ошибок в оценке манёвров русских войск, репортажи Рассела отличаются критическим подходом к оценке действий англо-французской коалиции. Перевод и публикация корреспонденций английского журналиста на русский язык в 2014 г. стали знаковыми в российской истории и

свидетельствуют о непосредственной связи присоединения Крыма к России с оживлением интереса к событиям Крымской войны.

Среди современных исследований, выполненных английскими военными историками, можно отметить книгу «Крымская война. Британский лев против русского медведя» (перевод на русский язык и публикация в России в 2011 г.) [Суитман, Мерсер], включающую в себя труды Д. Суитмана и П. Мерсера, впервые опубликованные в Великобритании в конце 1990-х гг. Суитман в работе «Балаклава. Атака Легкой бригады» скрупулезно изучает этапы Балаклавской битвы 13 (25) октября 1854 г. Мерсер в «Битве под Инкерманом» проводит детальный анализ Инкерманского сражения, пренебрегая, однако, как русскими, так и французскими источниками. Субъективный, «британоцентричный» подход к оценке событий Крымской войны, ориентация на довольно узкий круг источников (главным историческим ориентиром для Суитмана и Мерсера стал монументальный труд Александра Уильяма Кинглека⁵ «Вторжение в Крым. Его причины и отчет о ходе действий вплоть до смерти лорда Реглана» [Kinglake]) делают содержание трудов английских историков несколько односторонним.

Западные исследователи Крымской войны, безусловно, продемонстрировали неоднозначное, сложное отношение к русским военным, к их действиям и мотивам. Немецкий публицист Ф. Энгельс в работе 1855 г. «Армии Европы» восхищался храбростью, проявленной англичанами в Инкерманском сражении, одновременно отказывая русской пехоте в претензии на особую устойчивость, которой, по его мнению, отнюдь не стоит хвастаться [Энгельс]. А. У. Кинглек — непосредственный участник Крымской войны, лично знавший знаменитого английского военачальника Реглана, высказывался, напротив, сочувственно и, как отмечается в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, «радушно» относился к русским [Энциклопедический словарь, т. 15, с. 65]. Мерсер отмечает и «деятельное руководство Тотлебена» [Суитман, Мерсер, с. 123] при постройке оборонительных сооружений, и вызывающую уважение способность русских «в

⁵ Известно, что трудами А. У. Кинглека интересовался Н. Г. Чернышевский. Именно ему принадлежит перевод в извлечениях части работ Кинглека на русский язык: см. [Чернышевский 1951].

буквальном смысле за одну ночь» не только заделывать бреши в укреплениях, но и модернизировать фортификации [Там же, с. 125–126]. Особенно выразительна данная Мерсером оценка русских офицеров: «Большинство офицеров полкового уровня демонстрировали истинную храбрость и верность долгу, они делали все возможное в условиях существовавшей системы» [Там же, с. 131].

Таким образом, несмотря на разные и подчас противоречивые оценки, в трудах зарубежных историков есть многочисленные свидетельства, подтверждающие особый духовный подъем русских войск.

Сопоставительный анализ отечественных источников с документами, представляющими оценку событий Крымской войны неприятельской стороной, мог бы стать темой самостоятельного исследования.

Филологические исследования темы Крымской войны носили преимущественно монографический характер и были посвящены анализу её преломления в творчестве отдельно взятого писателя или поэта. Самый яркий пример тому — Севастопольские рассказы Л. Н. Толстого.

Севастопольские рассказы — «Севастополь в декабре месяце», «Севастополь в мае» и «Севастополь в августе 1855 года» — включены в том 2 академического Полного собрания сочинений Толстого в 100 т. [Толстой 2002], оснащены обширным научным комментарием, составленным Н. И. Бурнашёвой [Бурнашёва 2002]. Здесь представлена целая панорама сведений о многочисленных прижизненных переизданиях и откликах, вся история восприятия современниками — читателями и критиками — художественных образов, созданных офицером Толстым, участником беспрецедентной героической обороны Севастополя. По выходе в свет первого рассказа «Отечественные записки» сразу обратили внимание, что автор, скрывшийся за инициалами Л. Н. Т., выбрал для себя отличный от официального ракурс восприятия событий: «Прежде всего он берет за руку читателя, который не бывал в Севастополе и не имеет понятия о жизни в осажденном городе, и ведет читателя из улицы в улицу, потом из траншеи в траншею и приводит на страшный бастион № 4-й. Он заставляет читателя испытывать, одно за другим, все чувства — от страха до гордости, и в то время, как

эти чувства сменяются в читателе, он показывает ему бесстрашных защитников наших редутов, которые смеются, курят, заряжают пушки и наблюдают за неприятелем» [Дудышкин].

Это художественное открытие Толстого сочетало в себе глубокий историзм⁶ и непревзойденный психологизм, давшие в своем единении мощный импульс развитию русского романа второй половины XIX в. О своих ощущениях на севастопольских бастионах Толстой так вспоминал в более поздние годы в письме к Н. Н. Ге (сыну): «Все говорили: ужасы, ужасы. А приехали, никаких ужасов нет, а живут люди, ходят, говорят, смеются, едят. Только и разницы, что их убивают» [Толстой 1952, т. 57, с. 292]. Война глазами живого участника выглядела иначе, чем в штабных рапортах и донесениях. Об этом Толстой знал из собственного опыта: по поручению начальника штаба артиллерии генерала Н. А. Крыжановского он составлял «Донесение о последней бомбардировке и взятии Севастополя союзными войсками». «Это был лучший образец той наивной, необходимой военной лжи, из которой составляются описания, — вспоминал Толстой, завершая работу над книгой «Война и мир», — я полагаю, что многие из тех товарищей моих, которые составляли тогда эти донесения, прочтя эти строки, посмеются воспоминанию о том, как они, по приказанию начальства, писали то, чего не могли знать. Все, испытавшие войну, знают, как способны русские делать свое дело на войне и как мало способны к тому, чтобы его описывать с необходимой в этом деле хвастливой ложью. Все знают, что в наших армиях должность эту, составления реляций и донесений, исполняют большей частью наши инородцы» [Толстой 2002, с. 461–462].

Обозначенный Толстым водораздел помогает понять основное отличие оценок и взглядов на военные события, сохранившиеся, с одной стороны, в эмоционально ровных, бесстрастных, сухих исторических документах и исследованиях, а с другой — в памятниках словесности, передающих живое дыхание и нерв эпохи. Такая литературная память, сотканная из воспоминаний,

⁶ Неслучайно западные историки в процессе изучения событий Крымской войны 1853–1856 гг. нередко обращаются к Севастопольским рассказам Л. Н. Толстого как к историческому источнику. См.: [Goultman].

откликов, зарисовок, рассказов, собирается по крупицам, является коллективным творением и достоянием национальной истории. Приведем оценку, высказанную в 1859 г., т. е. более 160 лет назад, на страницах журнала «Русское слово»: «Что, например, может быть безобразнее, бессмысленнее и нелепее тех романов и повестей, которые вышли из-под пера немецких беллетристов, по поводу Крымской войны? У нас отразилась она почти в одном собственно литературном произведении — в “Севастопольских очерках” графа Толстого; но это одно представляет бесконечно более цены, чем те чудовищные рассказы, для которых она послужила материалом в руках немецких, французских и английских писателей» [Орбинский, с. 18].

Заложенные Толстым в Севастопольских рассказах традиции внимательно изучались литературоведами как в XX в., так и современным научным сообществом. В исследованиях анализируется толстовское влияние на авторов, писавших о Крымской войне во второй половине XX в. [Березовская] и в XXI в. [Перевалова 2020], средства художественной выразительности [Введенский; Сафонова; Юлдашева] и стиль Севастопольских рассказов [Брагина; Краснов], тема войны и мира [Ли Кэ; Проскурина; Чичева], патриотизма [Райхлина] и др. Безусловным ориентиром для учёных являются труды Н. И. Бурнашёвой, среди которых значительное место занимают исследования, посвящённые Севастопольским рассказам [Бурнашёва 1978; Она же 2010; Она же 2018].

Литературоведческое осмысление события Крымской войны получили в трудах многих современных учёных. В первую очередь стоит отметить работы Г. В. Федяновой. Целью диссертационной работы исследователя [Федянова 2008б] стало изучение своеобразия поэтических мотивов в литературе периода Крымской войны. Перед нами исследование, которое стремится синхронно рассмотреть «творчество различных поэтов, объединяемых драматизмом военной истории России» [Там же, с. 4]. Безусловной новизной научного труда является то, что автор стремится «обобщить национальные мотивы русской журнальной поэзии периода Крымской войны и сделать обобщающие выводы об их влиянии на общественное сознание и последующую литературу» [Там же, с. 7].

Основательная работа по подбору и изучению стихотворений эпохи Крымской войны проделана К. В. Ратниковым [Ратников]. Наиболее важным оказывается для учёного идея близости лирических произведений периода Крымской войны к такой области литературы, как публицистика. Именно это положение исследователь берёт за основу работы, анализируя, подобно Федяновой, характерные мотивы, проявившиеся в поэзии.

В современном литературоведении значительно более объёмным является корпус исследований, в той или иной степени затрагивавших отражение событий Крымской войны в творчестве отдельных поэтов [Аношкина; Бобылев; Володина; Кириченко; Косякова; Кузьмин; Макеев; Розенблюм; Саюнов].

Русская периодическая печать периода Крымской войны исследовалась многими учёными: Д. К. Васильевой [Васильева], Л. В. Веприцкой [Веприцкая], К. Ю. Зубкова [Зубков], С. А. Касьяненко [Касьяненко] и др. Преимущественно внимание обращалось на историю возникновения и существования отдельных журналов и газет середины XIX в., их идейную платформу, круг авторов и сотрудников. Между тем отсутствуют обзорные труды, посвященные комплексному анализу темы Крымской войны на страницах русской периодики.

Активным введением в научный оборот архивных эпистолярных материалов периода Крымской войны занимаются петербургские исследователи: А. П. Дмитриев и Д. А. Федоров [Крымская война в истории России ...], [Дмитриев 2010; Он же 2013], В. А. Котельников [Леонтьев 2000], О. Л. Фетисенко [Леонтьев 2000; Преемство от отцов ... ; Фетисенко], Д. А. Бадалян [Бадалян], Т. А. Богданова [Богданова 2016а; Она же 2016б], Н. А. Зубкова и Л. Н. Сухоруков [Зубкова, Сухоруков].

В последние годы наметилось обоюдное внимание историков и филологов, обращение к жанрам словесности — художественным, публицистическим, мемуарным, эпистолярным — как источникам изучения роли Крымской войны в истории России. Эту тенденцию подтверждает, например, диссертация Н. В. Шаповаловой «Художественная литература и мемуары как источник по изучению обороны Севастополя в 1854–1855 годах» [Шаповалова 2018б] на

соискание ученой степени кандидата исторических наук. Художественные произведения и мемуаристика рассмотрены как объекты историко-источниковедческого изучения, многие задачи, поставленные в диссертационном исследовании, напрямую связаны с филологической наукой. Неоспоримо важной, с точки зрения литературоведческого подхода, является оценка «значения <...> комплекса массовых источников для понимания эволюции образа обороны Севастополя в общественном сознании» [Там же, с. 5]. Характеризуя методологическую основу своей работы, Шаповалова отмечает, что в процессе исследования неоднократно обращалась к историко-филологическим и литературоведческим приемам и методам (к текстологическим методам и методам структурного анализа) [Там же, с. 6], что подчеркивает междисциплинарный характер исследования.

Тенденция объединения документально-исторических и художественно-публицистических источников при анализе событий Крымской войны, и в частности обороны Севастополя, прослеживается в исследованиях Н. А. Ищенко [Ищенко 2004; Она же 2007; Она же 2008], В. В. Курьяновой [Курьянова 2014; Она же 2015], П. Малиновски и Е. В. Линьковой [Малиновски, Линькова], расширивших границы материала исследования историческими и литературными источниками стран коалиции.

На фоне имеющихся многочисленных трудов историков и литературоведов, посвященных Крымской войне 1853–1856 гг., до сих пор в науке отсутствуют исследования, позволяющие составить общее представление об отношении современников к Крымской войне — представителей различных сословий русского общества.

Актуальность исследования определяется значением литературных источников и памятников словесности для объективной оценки истории России в целом и Крымской войны 1853–1856 гг. в частности. Тема Крымской войны в современной историко-литературной парадигме переживает очевидное обновление, чему способствует существенное расширение фактографической базы исследований: впервые энергично вводятся в научный оборот воспоминания,

письма, дневники и другие свидетельства современников. Этот материал, лишь фрагментарно изученный, нуждается в аналитическом осмыслении как отражение и свидетельство патриотического и духовного подъема всего русского общества, религиозной полемики, конфессиональных столкновений, русской жертвенности за славянство.

Новизна исследования обусловлена в первую очередь обращением к широкому кругу литературных источников и памятников словесности, составляющих крымский историко-литературный контекст середины XIX в. Обзорно-аналитический характер исследования художественной прозы, поэзии, публицистики, мемуаров, писем дает возможность установить доминировавшие настроения русского общества, определить преобладавшие оценки и взгляды. К области научной новизны можно отнести и то, что привлечение не публиковавшихся ранее или редких материалов русской периодической печати существенно расширяет диапазон исследования, обновляя его фактографическую базу и позволяя корректировать утвердившиеся в науке точки зрения на события 1853–1856 гг.

Целью диссертации является комплексное исследование литературных источников, в совокупности отражающих память современников о Крымской войне; реконструкция и описание общих тенденций, формировавших в сознании очевидцев или участников отклики на масштабное историческое событие; аналитический обзор широкого жанрового диапазона этих откликов (художественные и публицистические тексты, мемуаристика, эпистолярный).

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

1. рассмотреть значение Крымской войны 1853–1856 гг. в исторических судьбах России, ее влияние на важнейшие процессы внутри- и внешнеполитической жизни государства;
2. показать неоднородность общественного мнения в осмыслении ключевых событий и итогов Крымской войны;

3. критически осмыслить широкий разброс оценок Крымской войны: с одной стороны — как военного поражения, с другой — как проявления духовной силы и негибаемости русских воинов;
4. изучить трансформацию оценок Крымской войны в научной литературе;
5. предпринять обзор русской периодической печати, освещавшей события Крымской войны, характеризуя при этом идейную платформу издания, круг сотрудников и репутацию в читательских кругах;
6. выявить круг авторов — репортеров, публицистов, литераторов — писавших о Крымской войне, проявлявших особый интерес к этой теме и посылавших свои материалы в периодические издания;
7. провести целостный анализ эпистолярного наследия второй половины XIX в., отразившего важнейшие эпизоды Крымской войны, в частности обороны Севастополя;
8. осветить единый круг идей и тем в письмах современников о Крымской войне, проявление корреспондентами духовно-нравственного подъема и общественной отзывчивости;
9. рассмотреть мемуарные источники, посвящённые событиям Крымской войны, в общей тенденции мемуарной литературы второй половины XIX в.;
10. показать, что взаимовлияние и взаимная обусловленность индивидуального и типического в мемуарах о Крымской войне характерны для большинства авторов;
11. уделить особое внимание Севастопольским рассказам Л. Н. Толстого с точки зрения эволюции творческих принципов автора, в частности его рефлексии, формирования биннома войны и мира, ставшего ключевой темой всего творчества писателя;
12. исследовать художественную систему поэтических образов, лежащую в основе стихотворных произведений периода Крымской войны;

13. вовлечь в научный оборот поэтические и прозаические произведения, прежде не рассматриваемые в контексте Крымской войны или подвергавшиеся лишь общему осмыслению;
14. изучить поэтику художественной прозы, посвящённой Крымской войне, выявив в ней традиционное и новаторское с точки зрения базовых принципов русской реалистической литературы.

Методологическая база исследования. В дополнение к общенаучным методам системного и целостного исследования в работе были использованы сравнительно-исторический, источниковедческий методы, что соответствует комплексному характеру поставленных задач. Жанровое разнообразие материала исследования определило необходимость обращения к историко-литературному описанию и анализу; его историческая основа способствовала успешному сочетанию синхронического и диахронического подходов.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что филологическое исследование переступило границы области изучения исторической науки, расширив круг источников, что способствует сбалансированной оценке ключевых событий и итогов Крымской войны. Сформулировать ее помогают художественные, публицистические, мемуарные и эпистолярные произведения, отразившие высокий патриотический настрой, самоотверженность и победный дух русской армии. Включенные в общеисторический контекст литературные произведения воскрешают нравственно напряженный фон Крымской войны, проясняют духовный аспект ее восприятия.

Практическая значимость работы связана с целостным взглядом на роль и значение Крымской войны в исторических судьбах России, с расширением диапазона источников, в первую очередь литературных, на основе которых возможна достоверная реконструкция восприятия русским обществом этой кампании, ее развития и итогов. Выводы и полученные результаты исследования могут быть использованы в дальнейшем изучении историко-литературного процесса XIX в., истории русского реализма. В ходе работы не только значительно расширен круг авторов, писавших о Крымской войне, но и представлено богатое

разнообразие жанровой палитры произведений, что может быть учтено в учебных курсах истории русской литературы, журналистики, истории. Автор также полагает, что данное исследование может иметь практическое применение в междисциплинарном контексте, способствуя пониманию тесной связи исторического и литературного развития. Проведенный в работе источниковедческий анализ может послужить хорошим примером комплексного подхода к определению места и роли исторических событий в общественной и культурной жизни страны.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Крымская война 1853–1856 гг. как ключевое событие русской истории XIX в. отражена преимущественно в исторических источниках. Существенно дополнить их может комплексное исследование литературных материалов (художественных, публицистических, мемуарных и эпистолярных произведений), сформировавших национальную память о боевом духе и самоотверженной доблести русских защитников Севастополя, Крыма, России.

2. В условиях войны такие традиционные жанровые формы, как репортаж, корреспонденция, хроника, письмо, мемуар, обрели новые качества. В них заметно менялись тональность и общая стилистика: официальная беспристрастность уступала место живому искреннему чувству и сердечной открытости. Письма, как документ эпохи, наполнялись широкой идейной, нравственно-этической проблематикой; из сферы личной жизни вырастали до уровня общественно-политического. Эта тенденция прослеживается и в создававшихся позднее мемуарах. Полученные из первых рук — от участников событий и очевидцев — литературные источники существенно обогащают общую историческую панораму Крымской войны, углубляя ее духовный, патриотический аспект.

3. Художественная образность в передаче картин реальной действительности обладает мощным воздействием на читателя, создавая новые миры, расширяющие исторические горизонты. Подлинным литературным открытием стали Севастопольские рассказы Л. Н. Толстого, в которых категории

исторического настоящего переросли в размышления о вечных ценностях человечества.

4. Поэтические приношения теме Крымской войны и обороны Севастополя характеризуются разнообразием жанровых форм. Стихотворные сочинения различны по своим художественным достоинствам, но общими для них остаются эмоциональный накал, образы Родины-матери и Креста как символа Православной веры, непрощенных врагов и отважного русского воина, мотивы самоутверждения нации и трагизма войны.

5. Посвященные Крымской войне и обороне Севастополя художественные произведения как прозаические, так и поэтические, впитали литературные традиции эпохи и заложили основы нового этапа развития русского реализма, обозначили темы войны и мира, смерти и бессмертия, веры и безверья, правды и лжи, любви и ненависти, верности и предательства, ставшие идейно-художественными, сюжетообразующими доминантами русской классической литературы.

Поставленные цели и задачи определили **структуру работы**: диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, включающего 419 наименований.

В первой главе **«Крымская война 1853–1856 гг. в исторических судьбах России»** рассмотрены роль и значение Крымской войны в политической, экономической, социальной, духовной жизни России. Отмечены различные подходы учёных к осмыслению последствий Крымской войны — как созидательных, так и разрушительных — для российской истории. В историческом контексте рассматриваются вызванные военными событиями изменения в народном сознании, роль войны в формировании и конкретизации русской национальной идеи, что позволило исследователям воссоздать психологический портрет русского человека той эпохи на основе бесчисленного числа примеров героизма и отваги солдат, подвигов священнослужителей (не только в контексте церковной проповеди, но и в связи с непосредственным участием в боях, работой в военных госпиталях). Не меньшее внимание уделено и осмыслению оснований,

способствовавших восприятию Крымской войны как Священной битвы «за ясли Господни». Развитие общественной мысли и журналистики (в первую очередь военной), осознание необходимости проведения реформ рассматриваются как ключевые причины, способствовавшие оживлению деятельности представителей не только государственного аппарата, но и творческих кругов. Таким образом, историческая значимость Крымской войны осмысливается в неразрывной связи с культурным, духовным контекстом российской общественной жизни.

Во второй главе «Документальная проза XIX века о Крымской войне 1853–1856 гг.» представлен фронтальный обзор русской периодической печати, эпистолярная и мемуарная литература современников Крымской войны. Крымская война 1853–1856 гг. стала одной из первых, события которой активно освещались в российской периодической печати. Несмотря на существование в условиях «мрачного семилетия» и строгую цензуру, газеты и журналы того времени стремились как можно оперативнее, точнее, разнообразнее и детальнее представить на своих страницах события войны. Основным направлением при этом было патриотическое: в периодике подчёркивались высокий боевой дух русских войск, вдохновляемых сражением за Православие, религиозная направленность Крымской войны, готовность русских воинов помочь братьям-христианам, стремление защитить на поле боя не только Отечество, но и свою веру.

Дополняют публикации в периодических изданиях, создавая целостную историческую панораму и достоверную картину эпохи, письма и мемуары современников. Мемуары о Крымской войне разнообразны. Их авторы: генералы, офицеры разных родов войск, мичманы, матросы, священники, сёстры милосердия, пленные, журналисты, жёны военнослужащих и др. — излагают собственное видение событий, ценны личностным взглядом, особыми суждениями реальных участников войны и одновременно — непредвзятостью, правдивостью.

Ценными эпистолярными источниками стали письма, авторы которых принимали в Крымской войне непосредственное участие как военнослужащие, военачальники, инженеры, священники, врачи, а также письма, авторы которых находились вдали от боевых действий. В связи с этим одной из важнейших

составляющих эпистолярия становятся сведения о настроениях в обществе, об отношении представителей разных сословий к самой войне, её причинам, ходу, итогам и т. п.

Третья глава «Картины и образы Крымской войны на страницах художественной литературы XIX века» посвящена анализу откликов на события Крымской войны в художественной прозе и поэтических произведениях. В первую очередь рассмотрен уникальный памятник русской реалистической прозы — Севастопольские рассказы Л. Н. Толстого — не только свидетеля, но и участника Крымской войны, «больше всего из патриотизма» [Толстой, т. 2, с. 321] приложившего всевозможные усилия для того, чтобы лично участвовать в сражениях. Севастопольские рассказы анализируются в диссертации как непосредственный предвестник романа-эпопеи «Война и мир»: для Толстого Крымская война 1853–1856 гг. и Отечественная война 1812 г. схожи в первую очередь тем, что в каждой из военных кампаний было явлено торжество патриотизма русского народа — олицетворение духовного превосходства над западным врагом.

Стихотворные произведения, число которых заметно превосходит художественную прозу, предстают в диссертации как совокупность поэтических образов (Родины-матери, Матери-природы, врага, Креста и др.). Устанавливается непосредственная связь количества поэтических откликов с ходом военной кампании. Так, пока Россия воевала только с Турцией и одерживала победы, взлета поэтического творчества не отмечалось. Когда же в начале 1854 г. в войну вступили Великобритания и Франция и русская армия начала терпеть поражения, стихотворений стало появляться все больше. Именно поэтому целый ряд поэтических сборников датируется 1854 г. Авторы осознавали, что поэзия является одним из видов оружия в продолжающейся войне. Сконцентрированный в ней патриотический и героический посыл поднимал боевой дух солдат и офицеров, помогал им выстоять против более сильного врага — целой коалиции государств.

В диссертации отмечается неоднородность восприятия поэтами стран-участниц, противостоявших России. Так, вступление в войну Франции становится

для поэтов поводом вновь обратиться к опыту войны 1812 г.: вспомнить ветеранов — как живых⁷, так и лежащих в могилах, воздать им честь, укорить французов за новое нападение на Россию, несмотря на опыт Наполеона I и его армии. В диссертации проводится обзор стихотворений, написанных не только в ходе Крымской войны, но и по ее окончании. В связи с этим уделяется внимание трансформации системы мотивов и образов, появлению в ней новых мотивов: мотива трагизма войны, мотива забвения.

Изучение картин и образов Крымской войны в художественной литературе дополняет обращение к прозаическим произведениям, которые впитали литературные традиции эпохи и заложили основы нового этапа русского реализма.

В **Заключении** подчеркиваются новаторские аспекты исследования, излагаются основные результаты и подводятся итоги работы.

Материалы исследования проходили **апробацию** в форме докладов на трех конференциях:

1. *Патрикеева М. В.* Крымская война в литературном отражении 1850–1860-х гг. (Москва, ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, Международная научная конференция «Русская литература и национальная государственность XVIII–XIX вв.», 13–15 октября 2020 г.);

2. *Патрикеева М. В.* Крымская война в поэтическом наследии Н. А. Некрасова (Москва, ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, научная конференция «Н. А. Некрасов и русская словесность», 26 октября 2021 г.);

3. *Патрикеева М. В.* Образ врага в стихотворных откликах современников Крымской войны 1853–1856 гг. (Москва, ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, научная конференция «Литературный процесс в России XVIII–XIX вв. Светская и духовная словесность», 25 ноября 2021 г.).

По теме диссертации опубликовано 3 статьи в журналах, входящих в перечень ВАК Министерства высшего образования и науки Российской Федерации:

⁷ А. Г. Тартаковский отмечает, что под влиянием Крымской войны современники наполеоновских войн «вновь почувствовали себя “ветеранами” 1812 г.» и на страницах печатных изданий, частных корреспонденций в 1850-е гг. это словосочетание – ветераны 1812 г. – активно употреблялось [Тартаковский 1980, с. 229].

1. *Патрикеева М. В.* Крымская война 1853–1856 гг. в сюжетах русских басен // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27. № 3. С. 102–106;

2. *Патрикеева М. В.* Русская драматургия периода Крымской войны 1853–1856 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27. № 4. С. 100–106;

3. *Патрикеева М. В.* Актуализация в русской поэзии воспоминаний об Отечественной войне 1812 года в контексте Крымской войны 1853–1856 годов // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 45–54.

ГЛАВА 1. КРЫМСКАЯ ВОЙНА 1853–1856 ГГ. В ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ РОССИИ

В Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. Российская империя противостояла коалиции, состоящей из Великобритании, Франции, Османской империи и Сардинского королевства. Несмотря на то что закончилась война более 160 лет назад и во многом заслонена от нас более поздними и трагическими событиями российской истории, исследователи (историки, философы, социологи, политологи, культурологи и др.) до сих пор пытаются разобраться в ее истинных причинах, месте и роли в истории России.

Осмысление Крымской войны началось практически сразу же после её окончания: в трудах Э. И. Тотлебена [Тотлебен], А. Ф. Гейрота [Гейрот], М. И. Богдановича [Богданович], Н. Ф. Дубровина [Дубровин 1878; Он же 1900]. В XX в. изучение событий Крымской войны продолжили А. М. Зайончковский [Зайончковский 1903; Он же 1908–1913], Е. В. Тарле [Тарле 1950] и др. Среди современных исследователей историю Крымской войны в качестве основного направления научных изысканий выбрал С. В. Ченнык — потомственный военный, офицер, создатель и главный редактор военно-исторического журнала «Military Крым» (опубликовано около 50 выпусков). В рамках серии «Исторический очерк Крымской кампании (1854–1856) Восточной войны (1853–1856)» автором подготовлено пять книг [Ченнык 2010; Он же 2011; Он же 2012; Он же 2014а; Он же 2014б]: «Вторжение» (2010), «Альма» (2011), «Противостояние» (2012), «От Балаклавы к Инкерману» (2014), «Последний штурм» (2014). Тем не менее назвать историю Крымской войны в достаточной степени разработанной нельзя в том числе потому, что «в отечественной истории она представляется как одна из самых непопулярных страниц» [Бесов, с. 5].

Социально-экономическая и общественно-политическая ситуация, сложившаяся в России накануне Крымской войны, была непростой и свидетельствовала о кризисе крепостнической системы. Продолжалось разорение помещного дворянства, назрели серьёзные экономические реформы, в первую

очередь отмена крепостного права, но они не осуществлялись. В этих условиях начало войны означало перемещение акцента общественного внимания в другую сферу — на внешнеполитические вызовы — и временное ослабление внимания к событиям внутренним. В то же время по окончании войны проблемы и противоречия в стране стали ещё более явными и потребовали немедленного решения, поэтому в истории России Крымская война стала своеобразной рубежной чертой, положившей начало значительным изменениям. Собственно, весь XIX в. разделился на периоды до Крымской войны и после неё.

Крымская война оказалась «наиболее серьезным военным поражением страны на протяжении столетия» [Смолин 2002, с. 5], в результате которого Россия лишалась права иметь флот в Черном море, теряла устье Дуная и соответственно утрачивала контроль над этой оживленной торговой артерией, возвращала Турции Карс с другими занятыми территориями в Закавказье. Большинство исследователей считают такой исход неизбежным с учётом использования устаревшего вооружения, слабости флота (количественной и материально-технической) в сопоставлении с британским, неразвитостью современных средств связи, общей отсталостью страны [Керсновский; Корнилов; Павленко; Тимошина]. Кроме того, против России выступило несколько ведущих, наиболее развитых и сильных держав Европы, что делало поражение чуть ли не предопределённым. Слабой стороной российской политики оказалась дипломатическая сфера: ошибки в дипломатии привели к международной изоляции страны, что повлияло на результаты войны в большей степени, чем непосредственно ход военных действий.

Есть и противоположные мнения, учитывающие идеологизированный взгляд на Крымскую войну. Например, Д. Л. Каптарь полагает, что в большинстве исследований царского, а затем советского времени выдвигается спорный «тезис о заметном техническом отставании в оснащении русской армии» [Каптарь, с. 6], в то время как действия русских солдат и офицеров были вполне успешны, да и государственная система в целом достаточно эффективна. Представление об отсталости средств связи в период Крымской войны опровергает Д. А. Ларин:

«Именно наши военные впервые использовали телеграф для передачи шифрованных сообщений в период боевых действий» [Ларин, с. 25].

Мнений о Крымской войне, её причинах, значении для России и мира множество. Особенно выделяются среди исследований публикации, авторы которых применяют по отношению к Крымской войне ту или иную яркую характеристику. Л. Е. Горизонтов считает, что Крымская война стала «испытанием России на имперскую прочность» [Горизонтов, с. 191], которое страна выдержала. В. В. Дегоев присваивает Крымской войне эпитет «странная», считая, что она была предопределена событиями мировой истории предшествующих десятилетий, но в то же время неожиданна, поскольку практически все её участники считали, что обострения внешнеполитических отношений не будет, что удастся обойтись без войны. Но ситуация вышла из-под контроля «“странным” и роковым образом» [Дегоев, с. 146], ясно показав, что войны могут начинаться словно «из ниоткуда», в чём миру ещё пришлось неоднократно убедиться.

Историки далеко не однозначно оценивают итоги этой войны. С одной стороны, это действительно официально признанное поражение, с другой — союзники также потеряли убитыми и ранеными большое количество солдат и были стремились к заключению мира не меньше, чем потерпевшая поражение сторона. Поскольку война велась на разных фронтах, итоги войны отличались в соответствии с географией военных действий. В связи с этим Т. В. Вакулова отмечает: «Кавказскую кампанию Россия выиграла, при этом турки потерпели поражение. Важно, что инициатором мирных переговоров выступила Франция, а не Россия» [Вакулова 2016, с. 40]. При более грамотном политическом руководстве условия мира были бы более благоприятными для России. Но даже подписанный в Париже мирный договор не свидетельствует о полном поражении России, потому что и суверенитет, и целостность страны были сохранены. В связи с этим наиболее выразительной и точной оценкой итогов Крымской войны нам представляется оценка, данная ее современником — святителем Филаретом (Дроздовым), который справедливо отмечал, что Северная сторона Севастополя не была отдана неприятелям, что военного триумфа английских и французских войск не

случилось, а Англия и Франция понесли значительные человеческие потери как от собственно военных действий, так и от болезней, морских бурь [Филарет 1884, с. 102].

Главным внутривосточным итогом Крымской войны стала отмена крепостного права⁸. К. Д. Кавелин в статье 1862 г. «Дворянство и освобождение крестьян», вспоминая общественные настроения во время войны и по её завершении, отмечал, что именно благодаря этой военной кампании «для всех стало до последней очевидности ясно, что крепостное право не может долее держаться, что ему приспел последний час» [Кавелин, с. 34]. Предчувствие скорой крестьянской реформы было и у М. Е. Салтыкова-Щедрина. В мартовском номере 1864 г. «Современника» в обзоре «Наша общественная жизнь» Салтыков-Щедрин называет 1856 г. — год окончания Крымской войны — временем, когда «в воздухе пахло уничтожением крепостного права» [Салтыков-Щедрин, с. 33].

Крымская война привела к изменениям в экономике страны и стимулировала ее модернизацию, проявлявшуюся в течение нескольких следующих десятилетий в «существенном росте промышленного производства и индустриализации, проведении кредитно-денежной политики и протекционизма, создании банковского сектора» [Самохин, с. 468]. Положительное влияние Крымской войны на развитие экономики России отмечают также С. И. Басалай и Б. К. Тебиев [Басалай, Тебиев], В. Л. Степанов [Степанов 2018] и др.

Помимо политических и экономических итогов, важно, как война воздействовала на народное сознание и каким она показала русского человека. Высокому моральному духу армии и русского общества в целом в немалой степени способствовало то, что война воспринималась большинством участвовавших в ней

⁸ Литературная память хранит и иное объяснение проведения крестьянской реформы. Так, в первой книге «Панургово стадо» исторической диалогии В. В. Крестовского «Кровавый пух» (1874) участник польского подполья Василий Свитка и сочувствующий полякам экс-гимназист Иван Шишкин, выдавая себя за бурлаков, распространяют среди крестьян «золотые грамоты», выдавая их за царский манифест. Желая пробудить волнения в крестьянской среде, Свитка и Шишкин сообщают им, что отмена крепостного права стала главным условием заключения мира в Крымской войне, выдвинутым Наполеоном III. Таким образом, подпольщики стремятся представить Александра II в глазах крестьян марионеткой в добродетельных руках Запада: «А Наполеон все-таки приказал волю дать, – и дали! А кабы не он, быть бы нам вечно крепостными!» [Крестовский, с. 467] Французский император, напротив, описывается Свиткой и Шишкиным истинным христианином, добродетельным человеком.

солдат и офицеров как справедливая и продиктованная стремлением освободить братьев по вере от турецкого гнета⁹.

Именно необходимость защиты православного населения Османской империи как главная причина начала Крымской войны была озвучена в ходе Славянского съезда, состоявшегося в Праге в мае 1868 г.: «Крымская война показала славянам то живое участие, которое Россия, или Император Николай Павлович, принимал в судьбе их» [Славянский съезд ... , с. 51]. Это слова члена российской делегации, которая возглавлялась В. И. Ламанским и насчитывала 53 человека, будучи одной из самых многочисленных. Российская сторона, отметив роль России и лично Николая I в судьбах славян, обозначила также и созидательные последствия Крымской войны непосредственно для России: «Эта война принесла нам ту пользу, что многие славяне к нам обратились, и завязались новые сношения» [Там же].

Во многом созидательной для России считали Крымскую войну жители Чехии. Так, чех — собеседник слависта, члена Общества любителей русской словесности П. А. Лавронского — утверждает: «Не вред принесли вам, а через это и нам, а скорее пользу, ведь и важное дело об уничтожении рабства-то, как слышно, началось не без влияния этой войны» [Лавронский, с. 234]. Лавронский передает читателям «Утра» и сведения о том, как чехи переживали события Крымской войны: «Наша Крымская война во все время держала в самом напряженном состоянии умы особенно чехов, вызывала в них постоянно живейший интерес каждым своим поворотом и вертела их настроениями в той же, быть может, мере, в какой отзывались разнообразные фазы ее там, где ближе всего касалась эта война» [Там же]. Автор приводит не только собственные суждения, но и слова чехов, в которых содержатся яркие свидетельства солидарности с Россией: чехи не хотели верить неудачам русских, сетовали на недостоверные сведения о войне в

⁹ В рассказе «Синопский бой» неизвестного автора, современника Крымской войны, подробно описаны многократные преступления Турции против христиан: вторжение турок в Черногорию в 1852 г., действия турецких властей в Болгарии, откровенно богохульное отношение турок к храму Гроба Господня (в храме курили трубку, окна гаремных комнат «выдавались в самый храм» [Синопский бой, с. 2]), зверства турецких войск после захвата в октябре 1853 г. поста Св. Николая (помимо грабежей, совершались крайне жестокие убийства мирного населения: так, иеромонах Серафим был подвергнут многочисленным истязаниям, завершившимся отпилом головы [Там же, с. 8]).

«туземных газетных известиях» [Там же], за победы России служили благодарственные молебны, а после взятия Малахова кургана французами в 1855 г. «плакали втихомолку, думая, что врагам славянства удалось сдавить и последний оплот славянства» [Там же].

Не менее значимым свидетельством восприятия России как защитницы христиан можно считать героическую песню, созданную жителями о. Крит во время Крымской войны. Этот уникальный фольклорный текст¹⁰ сохранил в памяти грек Эммануил Попадаки, который восхищался борьбой жителей Крита за независимость от османского правительства (имеется в виду восстание, начавшееся в 1867 г.) и испытывал искреннюю благодарность «единоверной» России, которая оказывала критянам «нравственную и материальную поддержку в священной борьбе» [Попадаки, с. I]. «Маленькая брошюрка» [Там же, с. III] (именно так называет Попадаки свой труд), по замыслу автора, должна удовлетворить «почтенной желание русской публики» [Там же] — любопытство, стремление узнать как можно больше об острове, который для России являлся «поприщем <...> благотворительности» [Там же]. В своем труде Попадаки затрагивает множество разнообразных аспектов географии, истории, культуры Крита (в брошюре представлены следующие главы: «Географическое обозрение», «Несколько сведений административных и экономических», «Народный быт», «Несколько исторических и политических замечаний»): это и описание городов, крепостей, монастырей, и административное деление острова, и система управления, и описание традиционной мужской и женской одежды, танцев, и характеристика отношений между христианами и мусульманами на острове, и др. В главе «Народный быт» Попадаки уделяет особое внимание описанию народных песен. Одной из характерных для песен критян тем, по словам автора, являлась тема побед над турками: в героических песнях «славят удальцов, отличившихся в то или другое восстание против турок, воспеваются победы над врагами» [Там же, с. 64]. Несмотря на запреты турецкого правительства, эти песни активно распространялись как в устном, так и в письменном виде. Одной из них и оказалась

¹⁰ Отражению событий Крымской войны в русском фольклоре посвящена статья Л. В. Домановского [Домановский].

песня, в которой в иносказательном ключе осмыслялась особая роль православной России в борьбе с угнетением христиан Османской империей. Содержание песни передается автором по памяти в прозе, поскольку во время переезда из Крыма в Петербург в 1860-х гг. он потерял тетрадь, где она была записана. Сюжет плода «народной фантазии» [Там же, с. 65] состоит в следующем. Николай I, в 1853 г. построивший церковь, однажды видит, что она полностью затоплена водой. Священники, за которыми посылает император с просьбой растолковать ему причину затопления, обращаясь в молитве к Богу, слышат от него: «Это слезы христиан, что живут в Турции, что столько лет страдают в страшном рабстве. Над верой их ругаются и над святым причастием; им, как мухам, делают всякий вред» [Там же]. Николай I, услышав это от священников, дает клятву освободить единоверцев и приказывает Меншикову отправиться к султану с требованием свободы для христиан.

Скорость распространения песни по всему острову, ее популярность были настолько велики, что турецкие власти подвергали ее исполнителей и распространителей наказаниям и гонениям. Так, кофейни, где звучала песня, закрывались, а их владельцев арестовывали, школьные учителя запрещали детям петь ее в страхе, что, узнав об этом, турки закроют школу. Однако, несмотря на жесткую цензуру, эта героическая песня в некоторых деревнях Крита исполнялась и в 1864 г. — спустя почти 10 лет по окончании Крымской войны [Там же, с. 66]. Таким образом, можно отметить, что в народном сознании критян 1850–1860-х гг., которые сами страдали от турецкого гнета, Крымская война сохранилась именно как праведно начатая Россией война, знаменующая собой защиту единоверцев от мусульманской Порты.

Поведение солдат, матросов, офицеров во время Крымской войны дает возможность выстраивать психологический портрет русского человека. Это самостоятельный, уверенный в себе, полный внутреннего достоинства, обладающий житейской мудростью, чувством юмора русский человек, в первую очередь простой. Например, Теофил Клемм (1835–1890), потомок переселенцев из Германии XVIII в., бывший во время Крымской войны юнкером, в воспоминаниях

«Друг за друга стояли грудью» так говорит о русском солдате: «Молодец наш солдат. <...> Честно, добросовестно, терпеливо всякие невзгоды переносит — всегда весел, бодр и на свой лад остряк» [Клемм, с. 39]. Схожее описание простого русского бойца дает полковой адъютант Наум Александрович Горбунов, отмечая, что солдаты и во время войны сохраняли в себе типичные черты русских людей: «юмор, врожденную удаль и явное пренебрежение к смерти» [Горбунов, с. 75]. В воспоминаниях Ф. фон Драхенфельса русский солдат предстает как недостижимая вершина терпения, мужества: «Ни один другой солдат всего мира не в состоянии перенести того, что наш без уныния переносит» [Драхенфельс, с. 66].

В результате Крымской войны в коллективном сознании российского общества закрепилось представление о возможности единения, о том, что в сложной ситуации все слои общества могут сплотиться, забыть о взаимных претензиях, классовых различиях. Доказательством этому стали волонтерские военные части, материальная помощь, которая поступала от жителей регионов, напрямую не вовлеченных в военные действия [Макушина], деятельность многочисленных благотворительных организаций, например, службы сердобольных вдов [Иванова]. Гуманитарной можно назвать деятельность сестер милосердия и врачей по спасению жизней раненых солдат, матросов и офицеров, в том числе медиков Черноморского флота. В. В. Крестьянников приводит список из 124 имён врачей-моряков, которые исполняли свой долг под огнём, получая ранения и контузии [Крестьянников, с. 15]. Многие из врачей во время войны погибли или умерли от тифа.

Сведения о пожертвованиях мирного населения разных регионов России на нужды фронта публиковали в газетах. Например, в № 72 «Русского инвалида» от 2 апреля 1855 г. есть публикация о средствах, собранных «на военные потребности и в пользу войск» [Русский инвалид, № 72, с. 341]. В числе жертвователей крестьяне, уездные врачи, священники, чиновники, купцы, мещане, помещики, монахини. Неизвестный автор¹¹ в «Письмах из Севастополя», опубликованных в 1855 г. в № 92 «Русского инвалида», отмечает единство русского народа как на поле брани,

¹¹ В конце публикации стоят инициалы О. К.

так и в делах благотворительности: «Стар и млад спешит под родные знамена, порываясь разделить опасности с братьями по Вере, любви к Родине и Престолу. Кто не может присоединиться к ним, тот часто несет на алтарь отечества свою последнюю копейку» [Письма из Севастополя, с. 441]. Участник Севастопольской обороны генерал Валериан Платонович Зарубаев в своих воспоминаниях отмечает, что помощь приходила со всей страны: «Спасибо, Россия нас не забывала. Присылали деньги, образки, крестики, рубашки, сапоги, полушубки и проч.» [Зарубаев, с. 476]. О помощи русской армии, поступающей от Ярославской губернии, говорит в письме родителям из Симферополя прапорщик Василий Худеков: «Ростов выслал от каждого солдата по образу св. Дмитрия Ростовского Чудотворца» [Худеков, Худеков, с. 53].

Пример благотворительности показывала и царская семья. Это в первую очередь учреждение на средства великой княгини Елены Павловны и с соизволения императора Крестовоздвиженской общины для организации ухода за ранеными и больными, позволившей спасти тысячи жизней, прием на обучение за казенный счет осиротевших в годы войны девочек-дворянок, дарование денежных средств воспитательным домам, богадельням и т. д. В одном из писем генерал-лейтенант К. Р. Семякин говорит о неоценимом вкладе, который члены царской семьи внесли в оборону Севастополя: «Наша царская фамилия неисчерпаемо шлет всего для раненых и больных, и я, право, не успеваю отвечать о получении, – транспорты ходят по десятку подвод» [Семякин, с. 138].

Особенно важным было для национального самосознания то, что противостояла русская армия войскам не одной страны, а целой коалиции. В связи с этим для современников Крымской войны остро стоял вопрос о противопоставлении России и остального мира, в первую очередь — Европы. Например, в записках медика, оказавшегося во время войны в Севастополе, этот город сравнивается с Троей¹², «куда явились на состязание о первенстве, силе и славе целых два мира — мир Русский и Европейский» [Вышеславской, с. 52].

¹² См. в «Севастопольских воспоминаниях...» А. И. Ершова: «В настоящее время говорят даже, что это новая Троя» [Ершов, с. 131].

Цивилизационный подход к событиям истории был разработан в трудах А. С. Хомякова [Хомяков 1994], Н. Я. Данилевского [Данилевский], В. С. Соловьева [Соловьев], Н. А. Бердяева [Бердяев] и других мыслителей. Его становление было тесно связано со славянофильством, представители которого основу самобытности России и русской культуры видели в Православии; оно, как прямое продолжение традиций византийской патристики, в гораздо большей степени, чем западные католицизм и протестантизм, сохранило чистоту Христианства. Для славянофилов и представителей цивилизационного подхода к истории несомненными были мессианская роль России, её самобытный путь и уготованная ей особая роль в жизни и истории других народов и государств. Оценивая события Крымской войны 1853–1856 гг., сторонники цивилизационного подхода к истории видели в этой кампании противостояние России и Запада.

Ещё одна особенность Крымской войны заключается в том, что именно на этой войне сформировалась профессия военного журналиста. Целью газетных и журнальных публикаций было поднятие боевого духа армии и мирного населения, формирование у читателей чувства гордости за свою страну и армию, укрепление патриотизма.

С развитием военной журналистики война стала вестись не только на фронтах, но и в информационном поле. В ходе информационной войны журналисты разных стран возлагали ответственность за развязывание войны на противника, преувеличивали успехи своих войск, преуменьшая победы врагов. Можно говорить о создании в этот период первых политических технологий, основанных на информационных воздействиях, в частности, — технологии формирования образа врага¹³. Этот образ всегда мифологичен, стереотипен и адресован не одному человеку, а большой группе людей. Облик неприятеля психологически необходим воюющей стороне, чтобы оправдать собственные военные действия и возможное в любой момент убийство солдат противоборствующей армии.

¹³ См., например, сборник политических карикатур [Степанов 1855] и альбом литографий «Современные шутки» [Степанов 1856] Н. А. Степанова. Анализ лубочных картин и политических карикатур, посвященных Крымской войне, проводится в исследовании Д. К. Первых и В. В. Первых [Первых, Первых 2015б].

В период Крымской войны Россия воевала не с одним государством, а с коалицией, поэтому образ врага был достаточно сложным. С одной стороны, это религиозный антагонист России в лице Османской империя и забывшая опыт войны 1812 г. Франция — противники, хорошо знакомые русскому солдату. С другой, Англия — враг новый, еще не ощутивший на себе силу русского оружия. Объединяющим началом не только в публицистическом, но и в художественном осмыслении врагов России было изображение противника не православного. Особенно выразительно это отразилось в поэтических откликах на события Крымской войны. Так, в стихотворении П. Татаринова «Правда русского человека» в адрес западных врагов — ненастоящих христиан, предателей веры — звучит упрек: «А какое ваше право / Турок защищать, / Крест позабывать?» [Татаринов 1854а, с. 12] Вступление Англии и Франции в войну на стороне мусульман вызывало в России и возмущение, и недоумение. В заметке «Знамение перста Божия в деле по Восточному вопросу», опубликованной в апреле 1855 г. в «Русском инвалиде», так описывается противоестественность сложившейся ситуации: «Казалось, что и все другие Христианские народы сольются для сей цели в одну массу и восстанут для защиты Христиан; <...> две Христианские нации, Англия и Франция, действительно восстали <...>, но не для обороны Христиан, а для защиты мучителей их, поклонников Магомета» [Знамение перста Божия ... , с. 381]. Осознание того, что война идет не только за спасение христианского населения Османской империи, но и против иноверцев, нашло отражение и в проповедях православных священнослужителей. Например, архиепископ Иннокентий (Борисов) в слове, произнесенном 26 июня 1855 г. в Николаевском соборе Севастополя, называет русских солдат и офицеров «ратниками Божиими» [Слово, сказанное Высокопреосвященным Иннокентием ... , с. 993].

Формирование образа французского врага как в художественных¹⁴, так и в публицистических произведениях было неразрывно связано с событиями

¹⁴ Образ французов как врагов России по войне 1812 г. и Крымской войне проанализирован в нашей статье «Актуализация воспоминаний об Отечественной войне 1812 года в контексте Крымской войны 1853–1856 годов (на материале русской поэзии 1850-х годов) [Патрикеева 2021а].

Отечественной войны 1812 г. А. Г. Тартаковский называет Крымскую войну «мощным возбудителем общественного интереса к эпохе 1812 г.» [Тартаковский 1980, с. 229]. В связи с этим неслучайны многочисленные газетные публикации, напоминавшие читателям о сражениях с Наполеоном I. Например, в выпуске «Русского инвалида» от 6 апреля 1855 г. представлена публикация «Еще воспоминание о 1812 г.» [Лебецкий], составленная из рассказов очевидцев Отечественной войны 1812 г., официальных донесений и произведения писателя Я. С. Деминского «Поход Наполеона в Россию...», а в номере, вышедшем 12 апреля того же года, встречаем «Воспоминания о бытности неприятеля в Москве в 1812 году» П. И. Кичеева [Кичеев]. Даже публикации, посвященные Восточному вопросу, содержали упоминания о войне с французами, которая сравнивалась с Крымской: «Борьба наша, равная достоинством войне 1812 года, тем только ниже ее, что мы ведем ее не против гениального полководца, а против толпы отчаянных торгашей и полков, гонимых на прямую гибель, за дело, которого никто из них не понимает» [Скальковский 1855, с. 372].

Осмысление образа врага происходило и в эпистолярной периодике Крымской войны. Например, «Отрывок из письма из Тифлиса» неизвестного автора начинается с описаний действий союзных войск на восточном берегу Черного моря: французы и англичане обманывали горцев, платя за припасы фальшивой монетой, которая при распиле оказывалась медной, неподобающим образом обращались с черкесскими женщинами. Показательно, что причины таких поступков автор видит в том, что вся европейская цивилизация отреклась от истинных христианских ценностей: «Впрочем, нельзя удивляться, если европейская цивилизация, во главе которой стоят две первейшие нации Запада, не делает людей лучшими, когда принять в рассуждение, что цивилизация эта, утратив элемент христианский, имеет основанием своим в точном смысле Св. Писания, три стихии мира сего, а именно: похоть очес, похоть плоти и гордость житейскую¹⁵. Совершенное забвение 7ой заповеди (*Не прелюбодействуй*. — М. П.) составляет всю сущность оного и душу европейского образованного общества: там

¹⁵ 1 Ин. 2:16: «...всё, что в мире: похоть плоти и похоть очей и гордость житейская – не от Отца, но от мира».

все семь грехов смертных под легким названием страстей, свойственных человеческой природе, потеряли всю силу страшного своего значения; некоторые из них, как то: гордость и честолюбие, обжорство под названием гастрономии имеет своих героев, самолюбие, по европейским, часто языческим понятиям, должно быть началом и главным побуждением всех действий благовоспитанного человека. Среди таких понятий нисколько не удивительно, что все усилия умственных способностей при помощи наук и художеств устремлены ныне на усовершенствование только жизни материальной и на утонченность в наслаждениях благами мира сего, без страха Божия и в противность учению Евангельскому.

Таково европейское просвещение. Чуждое духу христианскому и отвергая промысел Божий, оно дерзает прорекать мир и благоденствие на земле. Во имя сего-то просвещения возгорелась ныне непримиримая война против России за то только, что это антихристианское просвещение не сделало еще в сей последней таких великих успехов, как в западных странах Европы» [ОР РГБ. Ф. 178.1. № 7070/II.24].

Среди эпизодов Крымской войны для формирования её образа в памяти современников наибольшее значение имела оборона Севастополя в 1854–1855 гг. Неслучайно эта оборона воспринималась очевидцами и их потомками непосредственно по ее окончании и спустя десятилетия через Библейские образы. Например, в «Слове по случаю тридцатипятилетия осады Севастополя...» протоирея Петра Смирнова осажденный Севастополь, вставший «один за всю Россию против исполинов мира», горит «как бы в огромной огненной печи вавилонской» [Смирнов, с. 2]; в воспоминаниях артиллерийского офицера А. И. Ершова встречается сделанное святителем Иннокентием сравнение Севастополя с «купиной огненной» [Ершов, с. 263]; в изданной в ознаменование 50-летия первой севастопольской обороны книге А. П. Валуевой-Мунт в числе множества исторических свидетельств обороны приводятся слова очевидцев,

описывавших бомбардировку Севастополя 5 октября 1854 г. как «страшный суд в малом виде¹⁶» [Валуева-Мунт, с. 58].

Оборона продолжалась 349 дней. Одним из наиболее известных фактов обороны города было затопление самых слабых и устаревших кораблей русского флота на входе в Севастопольскую бухту. Это разумное стратегическое решение помешало пройти в бухту флоту союзников, но было очень болезненно воспринято севастопольцами, многие из которых ощутили его не иначе как кощунство, «удар кнута дряхлому коню, с честью отслужившему свой век» [Там же, с. 51]. В «Воспоминаниях старого моряка» Спиридон Афанасьевич Гунаропуло, служивший под началом адмирала П. С. Нахимова, так описал чувства очевидцев затопления судов: «Почти у всех на глазах слёзы, некоторые рыдают» [Гунаропуло, с. 17].

С кораблей были сняты пушки, которые вместе с их командами и вооружением использовались в обороне на очень быстро созданных оборонительных укреплениях. При этом в городе в течение всех одиннадцати месяцев обороны продолжалась культурная жизнь, работал театр, проходили концерты [Шендрикова]. На бастионах даже устраивали музыкальные вечера, о чем вспоминает, например, участник обороны Севастополя А. И. Ершов [Ершов, с. 225].

Оборона Севастополя превратилась в дело не только армии, но и всего народа. В ней принимали участие, наряду с регулярными войсками, ополченцы из других городов [Антипьев], пластуны Черноморского казачьего войска¹⁷ [Чешенова], сестры милосердия¹⁸, отряды которых формировались из женщин-добровольцев, моряки Черноморского флота [Антипов], мирные жители Севастополя [Сидорчук], военные инженеры и строители [Вакулова 2018] и др. В

¹⁶ В воспоминаниях участника Севастопольской обороны А. И. Ершова встречается другой вариант этого выражения, который употребляли в речи неприятели: «Страшный суд в большом виде» [Ершов, с. 112].

¹⁷ В военно-историческом очерке «Казачьи и пластуны» (1877) П. Я. Бугайский отмечает, что в период Крымской войны «казаки и с берегов Дона, и <...> на Кавказе, и самые эти пластуны на всём пространстве военной бури поддержали честь русского оружия» [Бугайский, с. 46].

¹⁸ Вклад сестер милосердия Крестовоздвиженской общины в помощь раненым во время Крымской войны является одной из тем, затронутых И. Т. Осининым в статье «Торжество в Крестовоздвиженской общине сестер милосердия и несколько слов о самой общине», посвященной 10-летию существования общины [Осинин].

воспоминаниях неизвестного автора встречается упоминание о героизме, проявленном ротным цирюльником Сидоровым, который, бросив свой мешок с бритвами, «надел на себя суму с патронами, схватил ружье и побежал вслед за наступающими другими батальонами» [Воспоминания севастопольца ... , с. 23]. Жители Севастополя, в том числе женщины, дети, старики, участвовали в строительстве оборонительных сооружений, мужчины привлекались к охране правопорядка в городе, ремонтным работам. Женский вклад в оборону города отмечен в мемуарах артиллерийского офицера А. И. Ершова: женщины продавали продукты рядом с бастионами «не из барышей, а для Севастопольцев, по силам принося дань общему делу» [Ершов, с. 39], а также носили землю на батарею, которую даже называли «Дамскою» [Там же]. В воспоминаниях солдатки Анны Кузьминичны Любчук, записанных Т. Толычевой¹⁹, встречается упоминание о том, как севастопольцы в едином порыве приступили к строительству батарей, узнав, что к городу подходит неприятель: «Бросились все к делу. Кто песок в подоле носит, кто подвозит камни в тележке. Работали, рук не покладали даже старики и малые дети, а ведь с них и начальство взыскать не могло» [Толычева 1880, с. 188].

Оборона Севастополя явила множество примеров истинного героизма и самоотверженности не только на поле боя. Заслуженное признание получили и люди, внесшие неоценимый вклад в сохранение и спасение человеческих жизней. Например, основоположник русской военно-полевой хирургии Н. И. Пирогов, прибывший в Севастополь из Санкт-Петербурга в самом начале обороны, чтобы организовать лечение и восстановление раненых, работу сестёр милосердия. В годы Крымской войны Пирогов совершил прорыв в военно-полевой хирургии: ввел сортировку раненых, операции под наркозом, использование гипсовых повязок. Пирогов стал своеобразным символом севастопольской обороны — он

¹⁹ Эти воспоминания являются частью публикации «Рассказы о домашнем быте севастопольских жителей во время осады 1854–1855 гг.» [Толычева 1880], опубликованных в сентябрьском номере журнала «Русский вестник» в 1880 г. В этом источнике, действительно, отражены разные ситуации, с которыми сталкивались севастопольцы, в том числе насущные, но обыденные в военное время проблемы: переселение из разрушенного снарядами дома, кормление детей, спасение их жизни, приготовление пищи, способы заработка, в том числе детского, постройка нового жилья по возвращении в разрушенный Севастополь по окончании войны, разговение после Великого Поста, встреча Пасхи, похороны близких и др. Помимо воспоминаний солдатки А. Н. Любчук, в «Рассказах о домашнем быте...» записаны рассказы солдатки М. В. Токаревой, вдовы вахтера А. Ф. Альшевской, монаха Георгиевского монастыря о. Афанасия, протоиерея Александра Демьяновича, лично знавшего Арсения Лебединцева.

неоднократно упоминался в воспоминаниях участников Крымской войны. Так, в мемуарах дочери Евгения Никаноровича Кедрина, участника севастопольской обороны, а после выхода в отставку — педагога, встречаем упоминание об особом таланте врачевания у Пирогова. Друг Кедрина Демидов рассказывал, что сначала раздробленные кости у него из его пяток извлекал Н. Ф. Арендт, а потом Пирогов — разница была ощутимая: офицер «во время операции Арендта не мог сдерживаться от стонов чуть не на весь дом и совершенно свободно молча переносил операции Пирогова» [Кедрина, с. 129]. Нельзя переоценить вклад в оборону города военного инженера Э. И. Тотлебена. В письме к А. С. Меншикову от 19 августа 1854 г. М. Д. Горчаков, ранее отправивший опытного «в осадном искусстве» [А. С. Меншиков в Крымской войне ... 2018, с. 242] подполковника Тотлебена в Севастополь, называет его «драгоценным человеком» [Там же, с. 243], а Меншиков в письме от 15 октября «удивительным человеком» [Там же, с. 247], способным оперативно выстраивать против воздвигаемых противником батарей новые с преобладающим количеством орудий. М. А. Вроченский в своих воспоминаниях называет Тотлебена «душой» севастопольской обороны, отмечая, что его популярность в войсках была даже выше, чем у П. С. Нахимова [Вроченский, с. 56]. В мемуарах современников Крымской войны Тотлебен запечатлен не только как выдающийся инженер, но и как человек проникательный, хорошо чувствующий людей. Так, в воспоминаниях Реймерса описан разговор Тотлебена с французским сапером, который не хотел сообщать о проводимых союзниками минных работах. Тотлебен перехитрил француза, намеренно задев его самолюбие, назвав его не сержантом, а ничего не сведущим солдатом. Реакция сапера была незамедлительной: он «встрепенулся и, желая выказать свое знание, выболтал им (*Тотлебену и князю И. В. Васильчикову*. — М. П.) все, что знал, и дал все нужные сведения» [Реймерс, с. 35].

Оценить подвиг русских солдат была призвана специально созданная для этого медаль «За защиту Севастополя». До этого медалей, выданных за оборону — не самое престижное военное предприятие — в российской истории не было. Медалью награждались люди простого звания, кроме солдат — моряки,

ополченцы, работники госпиталей, жители осаждённого города, офицерские слуги, причём даже крепостные. Через полвека после обороны в знак того, что героизм защитников города не забыт, была выпущена ещё одна, юбилейная медаль — «В память 50-летия защиты Севастополя». Подвиги и заслуги людей более высокого знания также были отмечены дарованием поместий, присуждением званий, выдачей орденов.

По окончании Крымской войны одним из её итогов стало формирование в народном сознании совсем другого, нового образа Севастополя, существующего в сознании россиян уже более 160 лет и показавшего свою актуальность как в ходе проходивших за это время войн, так и во время современных событий в Крыму — его вхождения в состав России. Основой нового образа Севастополя стали представления об особой роли этого города в истории России, о героизме и мужестве защитников. В народном сознании Севастополь превратился в символ единения, патриотизма, превосходства духовного над материальным. «Здесь как будто нарочито собиралось и обнаружилось только то, что было наилучшего в сердце России» [Смирнов, с. 3] — так говорил о Севастополе спустя тридцать пять лет по окончании обороны протоиерей Петр Смирнов. Дмитрий Аркадьевич Столыпин, во время войны состоявший ординарцем при генерал-майоре П. В. фон Веймарне, награждённый золотым оружием «За храбрость», вспоминал, насколько поразил его душевный порыв защитников города: «Я уже тогда много слышал о духе, воодушевлявшем войска на бастионах; но то, что я увидел, мне казалось, превышало всё сказанное» [Столыпин, с. 7].

Символическое понимание образа Севастополя как непокорённого города было закреплено и значительно усилено в период обороны Севастополя 1941–1942 гг. Непроступность Севастополя стала восприниматься как легендарная [Россия во времени и пространстве ...].

Историческое значение Крымской войны неотделимо от её духовного значения. Участники войны, вспоминая кровопролитные месяцы обороны, безусловно, задумывались о том, была ли столь долгая борьба за Севастополь оправданной и оказала ли она определяющее влияние на ход военных действий,

учитывая, что город все же был оставлен. В. А. Стеценко, один из участников обороны, размышляя над ее историческим значением, пришел к выводу: героическая защита города была важна в первую очередь потому, что подтвердила «возможность развить и возвысить нравственную сторону человека» [Стеценко, с. 292].

Большой вклад в осмысление роли Крымской войны как Священной и неразрывно связанной с Православием и отстаиванием интересов братских православных народов внесли славянофилы. В их представлении война была праведной, справедливой и совершенно необходимой, вернее, неизбежной. Ещё в сентябре 1853 г., когда Россия только готовилась вступить в войну, И. С. Аксаков в одном из писем родным задавался вопросом: «Не вступить ли мне в военную службу волонтером?» [Аксаков 1994, с. 348] Славянофилы были убеждены в том, что Россию ожидает торжество победы в этой войне. Этим предчувствием делился С. Т. Аксаков с сыном: «Меня не покидает убеждение, что из этой страшной войны Россия выйдет торжествующею» [Тарле 1959, с. 420]. Князю Д. Л. Оболенскому в связи со смертью Николая I С. Т. Аксаков писал о необходимости вступления в ополчение: «Никто из моих знакомых не уклонился от своей доли исторических повинностей» [Аксаков 1892, т. 3, с. 106].

События Восточной войны побудили славянофилов обратиться к политическим вопросам, хотя до этого их волновали преимущественно философские, литературные, исторические проблемы, анализируемые в теоретическом плане. При этом в научных и публицистических трудах славянофилов фигурировали противопоставленные друг другу понятия «Восток» и «Запад», первое из которых обозначало страны Западной Европы (преимущественно Англию и Францию), а второе — Россию и близкие ей православные славянские народы. В свете этого противопоставления Крымская война стала именно такой, в которой сошлись друг с другом эти два важных, с точки зрения славянофилов, мира. Запад и Восток, по мнению славянофилов, вступали в противоречие, соответственно, как рациональное и духовное [Шепарнева, с. 71], поэтому восприятие Восточной войны как имеющей духовные

основания было особенно близко славянофилам. Непререкаемая уверенность в особом пути русского народа, в его высокой духовности и превосходстве над западными народами с их рационализмом обусловили то, что «большинство славянофилов верило в успех войны и в освободительную миссию русской армии» [Ковалева 1967, с. 183]. Ф. И. Тютчев призывал Николая I взять Константинополь и стать «всеславянским царём» [Тютчев 1913, с. 288].

Поддержка славянских народов, находившихся в угнетении, испытывавших притеснения со стороны иноверцев, обладавших административным преимуществом, была для славянофилов делом принципиальным. По мнению А. С. Хомякова, которое он высказывал накануне войны, российское правительство занимало неверную внешнеполитическую позицию, своим активным вмешательством в европейские дела только ухудшая положение России в мире [Хомяков 1991, с. 122]. России следовало держаться особняком от Европы и проводить собственный независимый политический курс. Крымская война в этой парадигме обещала всё расставить по местам. Она была праведной и освободительной, а также помогала России «отстаивать свои собственные политические интересы» [Шепарнева, с. 78].

Осмысление Крымской войны как духовного противостояния, как сражения русского народа против всего Западного мира, которое характерно для славянофильских кругов, сформировалось не случайно. Оно отражало общую тенденцию в понимании причин, сути и итогов Крымской войны, сложившуюся в мировоззрении большинства представителей общественной жизни того времени. В обществе созрела мысль об особом пути России, который не соотносится с развитием Запада и даже противоположен ему, а Крымская война воспринималась как историческое событие, способствовавшее выявлению этих противоречий.

Особое значение оборона Севастополя имела для общественного и литературного контекста. В литературе, культуре и общественном сознании на примере Севастополя начало формироваться новое понимание героизма, закрепилась мысль о духовном превосходстве России над Западом [Федотова 2012]. Темы агрессии Запада, силы русского солдата, единства людей

разного социального положения в борьбе с завоевателями наполняют художественное пространство, на долгие годы формируя культурный и литературный контекст этого исторического события.

ГЛАВА 2. ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА XIX В. О КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ 1853–1856 ГГ.

2.1. Крымская война в оценке русской периодики: репортажи, корреспонденции, хроника

Крымская война 1853–1856 гг. оказала существенное влияние на российскую журналистику, в первую очередь военную. Несмотря на то что российская журналистика зародилась в начале XVIII в., только в XIX в. появились журналы, которые начали откликаться на политические события. Первым из них стал основанный Н. И. Гречем журнал «Сын Отечества», активно откликнувшийся, например, на Отечественную войну 1812 г. События Крымской войны 1853–1856 гг. послужили той отправной точкой, которая значительно повлияла на русскую военную журналистику, можно сказать, способствовала её стремительному развитию. Современные исследователи отмечают, что «до этого вооруженные противостояния между ведущими странами мира не получали настолько широкого освещения в периодике» [Леписевич, с. 157], и даже называют освещение журналистами разных стран Крымской войны первой информационной войной. Во время Крымской войны рядом с полями сражений и даже на самих этих полях было множество военных корреспондентов из разных стран — сведения о каждом событии, происходившем на фронте, в течение считанных часов попадали на страницы журналов и газет.

Война и политика со страниц газет и журналов вошли в каждый дом, стали предметом активного обсуждения граждан. Как вспоминал А. И. Ершов, даже в осажденном Севастополе «легко было достать все журналы и газеты» [Ершов, с. 55], они были популярны в офицерской среде, у матросов и артиллеристов. На востребованность сведений о ходе войны в крестьянской среде указывает Вера Аксакова в письмах Марии Карташевской: «Крестьяне, которые ездят в Москву, нарочно ходят в иные трактиры, где им читают ведомости, а где есть грамотные, то достают прочитанные газеты и привозят к себе в деревню, где бабы слушают и все знают» [Крымская война в истории России ... , с. 133]. Аксакова отмечает, что

крестьяне удивляли своей осведомленностью о ходе войны, искренним желанием узнать больше: «с жадностью ловят каждое слово» [Там же].

Важным фактором, определявшим развитие журналистики этого периода, была цензура, деятельность которой отличалась строгим подходом к публицистическому и литературному материалу. Каждая статья или репортаж о войне, прежде чем поступить в печать, проходили обязательную проверку особого военно-цензурного комитета. Целью российской журналистики в период Крымской войны стало не просто информирование населения империи о событиях на полях сражений, но и трактовка этих событий, которая чаще всего осуществлялась «в духе правительственной дипломатии» [Сеидов 1979а, с. 51]. Но не только по цензурным соображениям страницы периодических изданий во время Крымской войны наполнялись публикациями, описывающими героизм русских солдат и одновременно — трусость и подлость противника. Объективная оценка побуждений авторов публикаций свидетельствует о том, что в обществе патриотические настроения активно набирали силу. Не соглашаясь с позицией некоторых современных исследователей, утверждающих, что во время «мрачного семилетия» Николая I «процветали официально насаждаемые патриотизм, идеология осажденной крепости, мракобесие, искоренение всякого инакомыслия» [Простаков, с. 62], стоит отметить, что во время Крымской войны в русском обществе были наиболее сильны патриотические настроения — очевидцы и непосредственные участники событий были искренни в своих откликах на победы и поражения русской армии. В мемуарах и письмах участников войны других современников сохранились многочисленные свидетельства преданности русских бойцов Николаю I. Так, генерал Зарубаев вспоминал, что во время бомбардировки солдаты, прячась за траверсы, говорили, будто бы обращаясь к бомбе: «Не тронь, мы дети Романова» [Зарубаев, с. 463]. Известие о смерти императора отражено в воспоминаниях и письмах участников войны как страшное горе: «Не может так гром поразить человека, как поразило нас это горе» [Воспоминания севастопольца ... , с. 15]; «Положительно весь полк плакал» [Зарубаев, с. 439]; «Тут же оплакивало все живое, ходячее своего Царя-Белого Надежу-Государя!!!»

[Корженевский, с. 33]; «Новости? Новость одна, новость ужасная, роковая поразила всех нас как громом: не зная ничего о болезни Государя, мы вдруг узнаем о его кончине» [Худеков, Худеков, с. 64] и т. п. Такой же отклик на кончину императора преобладал и в просвещенных дворянских кругах, в частности московских. В письме Карташевской от 24 февраля 1855 г. Вера Аксакова говорит об общем горе утраты: «Нет человека, мой милый друг, кто б не принял искреннего участия в великой скорби Царского дома» [Крымская война в истории России ... , с. 122].

Патриотизм органично и совершенно естественно наполнял сердца и умы современников, был закономерным отражением того героизма, который на полях сражений являли солдаты и матросы, силы русского духа и памяти былых побед русского штыка. Россия в период Крымской войны для русского народа стала олицетворением защиты Православия — религиозное понимание причин противостояния было естественно²⁰. Это отразилось на восприятии людьми событий Крымской войны, на представлениях многочисленных читателей о причинах, целях и итогах военной кампании.

К периодическим изданиям, в которых освещались события Крымской войны 1853–1856 гг., можно отнести газеты «Русский инвалид», «Северная пчела», «Московские ведомости», журналы «Чтение для солдат», «Военный журнал», «Морской сборник», «Москвитянин», «Современник», «Отечественные записки» и др. Большая часть материалов о войне перепечатывалась изданиями из официальных источников и друг у друга. Современные исследователи насчитывают в российской печати этого периода 11 газет и 48 журналов [Сеидов 1979б, с. 8].

Петербургская военная газета «Русский инвалид» (1813–1917) — официальный печатный орган Александровского комитета о раненых — в период Крымской войны выходила ежедневно. Ей было официально разрешено

²⁰ См. в письме Веры Аксаковой Марии Карташевской от 20 декабря 1854 г.: «Это война за православную веру, за единоверных братьев, и народ доказал уже с самого начала свое восторженное сочувствие к этой войне» [Крымская война в истории России ... , с. 98].

публиковать материалы о войне, о событиях, происходивших на фронте, в связи с чем перед авторами «Русского инвалида» стояло меньше цензурных препятствий.

Новости о ходе войны из газеты узнавали не только те, кто находился вдали от боевых действий, но и сами участники сражений. По их мемуарам и письмам можно судить о том, что они, как правило, были осведомлены лишь о тех событиях, очевидцами которых были сами, другие же сведения получали из газет. Например, в письме родителям от 9 декабря 1854 г. из Симферополя Василий Худеков сообщает, что не знает никаких новостей, поясняя: «Известия мы почерпаем из “Русского Инвалида”. Вы его читаете раньше нас, следовательно, раньше нашего Вам известно, что у нас происходит» [Худеков, Худеков, с. 48].

В 1853–1856 гг. публикации о Крымской войне представляли собой основные материалы газеты «Русский инвалид». В «Высочайших приказах» по военному ведомству содержались сведения о формировании дружин государственного подвижного ополчения, военных назначениях, переводах, утверждении в чинах. Так, в № 80 от 13 апреля 1855 г. сообщается о производстве князя Васильчикова и Тотлебена из полковников в генерал-майоры «за отличие в сражении против турок, англичан и французов» [Русский инвалид, № 80, с. 381]. Сведения о ходе боевых действий («Известия с театра войны») читатели получали, в частности, в разделе «Иностранные известия». В публикациях, перепечатанных из зарубежных газет, встречались свидетельства мужества русских солдат. Например, в «Новой Прусской Газете» (сокращенно N. Pr. Ztg.) отмечается, что 19 (7) апреля 1855 г. «штуцерные Охотского полка оказали чудеса храбрости: они бросились на наступающих французов в штыки с такою яростью, что последним было невозможно устоять против страшного удара» [Русский инвалид, № 92, с. 445], что русские возводят и защищают свои крепости «с таким искусством и непоколебимой стойкостью, подобных которым свет не видывал, вероятно, еще никогда» [Русский инвалид, № 93, с. 450]. Иногда в «Русском инвалиде» перепечатывались публикации газеты Journal de Saint-Petersbourg (сокращенно J. de St-P.), издававшейся на французском языке в Санкт-Петербурге. Такую публикацию встречаем, например, в № 93 «Русского инвалида» от 29 апреля 1855 г.

В отрывках из дневника корреспондента газеты Times описано поведение одного из русских бойцов — случайного, неизвестного наблюдателя: «Во время вчерашней канонады мы видели, как один русский вышел из амбразуры Круглой Башни, хладнокровно спустился с бруствера, снял вид с профиля верка и возвратился потом тою же дорогою. Эта смелость могла обойтись ему дорого» [Там же, с. 449]. Другой пример — материал «Австрийской военной газеты», также напечатанный в *Journal de Saint-Petersbourg*, в котором журналист отмечает: «Нет сомнения, что в Крыму находятся теперь лучшие русские войска и отличные генералы» [Русский инвалид, № 72, с. 342].

Описанию героизма русских солдат посвящались отдельные публикации. Так, в № 75 от 7 апреля 1855 г. представлена заметка «Подвиги особенной храбрости», перепечатанная из «Морского сборника». Целью подобных заметок было создание у читателей ощущения единства русского народа: герой севастопольской обороны представал простым человеком, не лишенным при этом ярких индивидуальных черт. Например, так описан унтер-офицер Михайло Круглов: «Человек серьезный, дельный, словом, хороший боцман; он большой чудак и умеет рассмешить всякого» [Русский инвалид, № 75, с. 360].

Встречались публикации о Крымской войне и связанных с ней событиях и во «Внутренних известиях»: например, «Русские пленные в Константинополе» [Русский инвалид, № 78, с. 373], «Рассказ очевидца о новых подвигах Севастопольского гарнизона» [Русский инвалид, № 85, с. 406]. Публиковались во «Внутренних известиях» и сообщения от жителей малых городов, в которых они описывали встречу проходящих через их города полков. В № 81 от 14 апреля 1855 г. житель Бобруйска (в конце публикации нет имени, лишь подпись — «Русский») рассказывает: «Батарея под командой подполковника Кемницкого была встречена радушно жителями города, которые, угостив дорогих гостей приготовленными уже запасами, на другой день проводили их за город, благословляя в душе храбрых воинов, идущих на брань сразиться с врагами общего отечества — России» [Русский инвалид, № 81, с. 388]. В том же номере представлена публикация «Прохождение чрез г. Чериков Казачьего Оренбургского

линейного № 1-го полка 26-го и 27-го марта 1855 года», в которой житель Черикова Петр Гусаковский описывает воодушевление, наполнившее душу горожан при виде русских бойцов: «Сердце радуется, смотря на защитников святой Руси, которые, оставя дома все священное и приятное для человека, с радостью <...>, с пламенным желанием идут наказать врага, вызывавшего их из приволья Оренбургского края» [Там же, с. 389].

Во «Внутренних известиях» публиковались и извлечения из официальных донесений — например, рапортов. В № 74 от 6 апреля 1855 г. в разделе представлена публикация «Подвиг донцов в Крыму», посвященная взятию в плен часового урядником Калачовым и другими казаками. Это отрывок из рапорта походного атамана донских полков генерал-майора Краснова. Несмотря на официальный характер, этот доклад, на наш взгляд, обладает композиционными достоинствами, которые помогают удержать внимание читателя, создать интригу. Сначала описываются трудности, с которыми столкнулись казаки, отмечается «изобретательность казачьего духа» в попытках осуществления этой почти невозможной ввиду бдительности часового задачи: «Но чем больше препятствий, тем больше рвения» [Русский инвалид, № 74, с. 355]. Предпринятая казаками операция, увенчавшаяся успехом, описывается в многочисленных подробностях — так Краснов показывает, что каждое действие было тщательно продумано, а в непредвиденных обстоятельствах казаки оперативно приходили друг другу на помощь.

Встречались во «Внутренних известиях» публикации с подписью «Русский солдат». Это небольшие заметки патриотического содержания. Например, в публикации под названием «18 февраля 1855 года» — день смерти Николая I — солдат делится своей скорбью, описывая кончину императора как «семейное горе» [Русский инвалид, № 78, с. 374]. Крымская война в осмыслении автора неразрывно связана с «великими историческими судьбами, которые Он (*Николай I*. — М. П.) приготовил для Руси» [Там же]. Несмотря на то что «Мудрый Великий Соломон» (так называет солдат почившего императора) ушел из жизни, русский солдат готов

продолжать начатую им праведную борьбу: неслучайно в публикации шесть раз повторяются слова «горе врагам» [Там же].

Была представлена в «Русском инвалиде» и рубрика «Известия из Крыма». В ней публиковались сообщения о ходе обороны Севастополя, переданные непосредственно из эпицентра боевых действий военачальниками. Например, в № 72 от 2 апреля 1855 г. приводится полученное по телеграфу донесение князя М. Д. Горчакова, в котором он рассказывает о событиях под Севастополем, произошедших за неделю с 18-го по 25-е марта [Русский инвалид, № 72, с. 341]. Подобные телеграфические депеши были, как правило, небольшими по объёму и содержали информацию о потерях в рядах русских войск (например, «с нашей стороны потеря простирается до 833 чел. убитыми и ранеными» [Русский инвалид, № 73, с. 351]).

В «Военном листке» «Русского инвалида» публикации, посвященные Крымской войне, встречались достаточно часто: «Мнение сэра г. Дугласа о Бомарзундском деле» [Русский инвалид, № 76, с. 363], «Из Севастополя» [Русский инвалид, № 77, с. 367], «Письма одесского жителя о Восточном вопросе» [Русский инвалид, № 78, с. 371], «Письма из Севастополя» [Письма из Севастополя], «Письмо из Севастополя» [Русский инвалид, № 93, с. 447–448]. Среди материалов «Военного листка» особенного внимания, на наш взгляд, заслуживает статья «Знамение перста Божия в деле по Восточному вопросу», с которой читатели познакомились в № 80 от 13 апреля 1855 г. Лейтмотив этой публикации — богоизбранность России и особое покровительство, оказываемое ей свыше в праведном военном деле: поскольку война направлена на защиту христиан, Бог хранит русский народ, и поэтому атаки врагов не причиняют ему значительного вреда. Все ключевые события войны описываются сквозь призму участия Спасителя: корабли англо-французской эскадры покидают Балтийское море, не предприняв решительных действий по нападению на русские крепости; бомбардировка Соловецкого монастыря не причиняет вреда населенникам, поскольку Бог «отнял разрушение и смерть у этих смертоносных орудий» [Знамение перста Божия ... , с. 381]; вражеские орудия, направленные на Одессу,

также оказываются почти бессильны — эти и другие примеры, представленные в публикации, по мнению автора, есть не что иное, как «ясные свидетельства того, что везде, и на суше, и на морях, с нами Бог, и что десница Всевышнего видимо сохраняет нас и карает врагов наших, неправую брань на нас воздвигнувших» [Там же]. Почивший незадолго до этого император Николай I характеризуется в «Знамении...» как «Богом вдохновенный, возлюбленный», а начало войны объясняется тем, что нельзя бездействовать, когда «многие миллионы христиан страдают долгое время под игом магометанским, и невинная кровь их не перестаёт потоками литься под бичом магометан» [Там же]. Перед читателем рисуется живая картина того, как рядом с русскими воинами сражается Христос: «Не ясно ли, что тот самый, кто лежал во гробе, при тёплых молитвах христиан, восстал из него и уничтожил смертоносную силу вражеских орудий, посрамил нечестие и изуверство врагов наших» [Там же].

Политическая и литературная газета «Северная пчела» (1825–1864), издателем которой был Ф. В. Булгарин, русский журналист, критик и писатель, в период Крымской войны была проправительственным изданием. Она выходила ежедневно большим тиражом, до 10 тысяч экземпляров в год.

В публикациях газеты «Северная пчела» периода Крымской войны Россия представлялось страной, способной защитить всех славян и противостоять агрессивному западному нашествию на Православие. Некоторые исследователи называют газету официозной [Васильев 2019, с. 93], однако, скорее, её можно охарактеризовать как официальную и выражающую настроения подавляющего большинства населения страны. Н. А. Прокофьева и Е. А. Щеглова отмечают желание издателей избегать слова «война» и называть реальный военный конфликт «вопросом о Святых местах, делом о Святых местах, Восточным вопросом, Турецко-Российским вопросом (Северная пчела, 1854, № 25–27)» [Прокофьева, Щеглова, с. 287]. Такие формулировки показывали читателям, в чем, по мнению издания, заключалась сущность противостояния, за что шла борьба.

В газете Булгарина была представлена актуальная информация о военных событиях в первую очередь потому, что издание имело цензурное разрешение на

печать политических известий. Публикации «Северной пчелы» периода Крымской войны разнообразны: это и официальные документы, и информация о награждении и повышении в чинах высших военачальников, и новости с поля боя. Информация о Крымской войне давалась читателям в различных рубриках газеты, а её важность подчёркивалась тем, что «нередко военные известия выходили на первой полосе» [Павлова 2018а, с. 249].

Для освещения событий Крымской войны в газете использовались рубрики «Внутренние известия» (в них публиковались «Известия из Крыма»), «Пчёлка», «Новости заграничные» и др. Причём даже в тех рубриках, которые, согласно названию, были нацелены на освещение событий, не связанных с войной, например, «Провинциальные известия», «Петербургские городские известия», звучит информация, имеющая к ней отношение.

В № 24 от 31 января 1855 г. в отделе «Внутренние известия» были опубликованы сведения о награждении высочайшими грамотами ряда военачальников, приказы о военных назначениях и перечни убитых и умерших от ран, а также приказ об «облегчениях в ходе гражданских дел» для участников военных действий: «Для чинов всех войск, приведённых в военное положение, объявить в гражданских делах отсрочку» [Внутренние известия, с. 115], другие приказы и донесения. В «Пчёлке» читателям предлагалось познакомиться с продолжением статьи А. Г. Ротчева «Об Англии». В отделе «Новости заграничные» среди публикаций была представлена статья «Действия в Крыму и на Чёрном море» с обзором материалов, освещавших события Крымской войны в западной печати. Здесь цитируются отрывки из газет Times, Morning Post, Morning Herald и др., при этом обращается внимание в первую очередь на трудности, с которыми сталкиваются вражеские армии. Например, сообщается, что английские солдаты и офицеры страдают от холода, плохого снабжения: у них «все лошади пали или так слабы, что не могут служить» [Новости заграничные, с. 119] и т. п.

Обращают на себя внимание рассказы о подвигах военнослужащих, полные подробных описаний и деталей. Мы видим здесь перенесение внимания читателя с общей картины военных действий на конкретного участника сражений. Так, в

«Известиях из Крыма», опубликованных в № 14 от 19 января 1855 г., приводится целая палитра свидетельств беспримерной стойкости мичмана Батьянова: 5 октября он обжег руку при тушении пожара в пороховом погребе, 10 октября был контужен в голову на Корниловском бастионе, но остался на позиции, 1 ноября вместе с лошастью упал с моста в штормящее море, но вскоре снова был на батарее, затем получил новую контузию, но снова не покинул ряды защитников Севастополя. Заметка завершается прямым обращением к читателям: «Нам приятно сообщить нашим читателям о столь доблестных проявлениях Русского духа» [Известия из Крыма]. Несмотря на то что этот материал был перепечатан из газеты «Русский инвалид», он отражал и редакционную политику «Северной пчелы» в освещении военных событий.

В № 221 от 10 октября 1855 г. в публикации П. В. Алабина «Из походных записок» встречаем описание подвига рядового Охотского егерского полка Трофима Белоусова, который, рискуя жизнью, ружейным прикладом оттолкнул от двери порохового погреба, в котором находились люди, трехпудовую бомбу. Алабин сообщает, что за этот подвиг Белоусов был представлен к награждению [Алабин 1855, с. 1168].

Подобные публикации делали войну для читателей газеты близкой и понятной, усиливали патриотические настроения посредством не отвлечённых рассуждений, а фактов.

Газета «Московские ведомости» (1756–1917), периодическое издание Московского университета, выходила во время Крымской войны три раза в неделю. Газета в 1850-е гг. имела репутацию одного из самых солидных органов отечественной периодики, хотя, по мнению некоторых исследователей, сугубо официальный характер издания не способствовал её высокой популярности у публики [Перевалова 2015, с. 94]. На наш взгляд, официальность газеты только усиливала её авторитет у читателей, поскольку публикации воспринимались ими как наиболее точные, объективные, заслуживающие доверия.

Информация о событиях войны начала появляться в газете «Московские ведомости» с 1853 г. Это были рассказы о проходах на войну новых полков, о

молебнах, посвящённых победам, панихидах на поле брани и других деяниях православной церкви, о пожертвованиях церкви и граждан для нужд фронта, о действиях военных медиков, о награждении героев и т. п. Многие сообщения печатались в газете с указанием на то, что были получены изданием непосредственно от князя А. С. Меншикова. Газета освещала героическую оборону Севастополя, публиковала прощальные песни рекрутов, патриотические стихотворения, информацию о гибели военачальников, например, вице-адмирала В. А. Корнилова в октябре 1854 г. и т. д. Для газеты наиболее важно было показать высокий дух российского войска, передать атмосферу героизма и религиозного подъёма, в которой проходили сражения. Среди материалов газеты нередко встречались записи, сделанные непосредственными участниками событий, выдержки из дневников и писем офицеров, что в глазах читателей повышало достоверность сведений. Активная деятельность газеты этого периода и, как следствие, повышение к ней интереса публики были во многом связаны с редакторской работой М. Н. Каткова, благодаря которому публикации отличались оперативностью, происходило «распространение политической культуры, расширение кругозора» читателя [Перевалова 2015, с. 99].

Читатели газеты «Московские ведомости» привыкли к рубрикам «Внутренние известия», «Дневник военного священника», «Московская хроника», «Иностранные известия», «Постановления и распоряжения правительства», «Высочайшие приказы» и др., в каждой из которых содержались материалы, посвящённые Крымской войне. Например, во «Внутренних известиях» в № 112 от 17 сентября 1855 г. представлены «Телеграфические известия из Крыма» [Московские ведомости, с. 992]. Это переданные князем Горчаковым сведения об обстановке на Крымском театре военных действий, перепечатанные из газеты «Русский инвалид».

Московский учёно-литературный журнал «Москвитянин» (1841–1856), который выпускался писателем, историком и публицистом М. П. Погодиным²¹,

²¹ Изучению оценки Крымской войны в политических письмах М. П. Погодина 1854–1855 гг. посвящена статья Е. В. Сартакова «Публицистика М. П. Погодина времен Крымской войны» [Сартаков].

относился к «толстым» журналам и выходил два раза в месяц. Журнал печатал материалы, в которых воспевалась сила русского оружия, отмечалась особая историческая роль России — защитницы Православия, а война осмыслялась как неизбежная и праведная. Так, в начале 1854 г. было опубликовано стихотворение П. А. Вяземского «Нахимов, Бебутов — победы близнецы!..», прославляющее героев недавно произошедшего Синопского сражения [Вяземский, с. 1], а в мартовском номере того же года — стихотворение Д. П. Ознобишина «Был век!...», в котором осуждалось предательство западными державами братской по вере страны: «И, пресмыкаясь пред луной, / Христианин идет на брата!». По мнению автора, Англия обменяла «совесть и закон на роль позорную Шиллока», а французы, «торгуя верой, <...> стали мусульмане» [Ознобишин, с. 3]. В № 6 1854 г. читатели могли познакомиться со стихотворениями «Переход русских воинов через Дунай» С. П. Шевырева [Шевырев], «Грекам» [Раич 1854а] и «Война и мир» С. Е. Раича [Раич 1854б].

Патриотический настрой редакции можно проследить не только по выбору материалов для публикации в журнале, но и по оценке, данной тем или иным произведениям в отделе «Критика и библиография». В связи с этим показательна рецензия на пьесу Н. В. Кукольника «Морской праздник в Севастополе», посвященную победе России в Синопском сражении. По признанию редакции, критическое восприятие этого произведения не представляется возможным: «Мы решительно не в силах были отнестись к ней с придирчивостью записного критика, который, может быть, и нашел бы что-то заметить» [Критика и библиография, с. 18].

Тема Крымской войны отражалась не в каждом материале журнала, но в большинстве из них. К примеру, в № 1 журнала «Москвитянин» за январь 1855 г. литературные материалы перемежаются с актуальными известиями о военных действиях и словах, произнесёнными в связи с событиями войны общественными и религиозными деятелями. Читатель мог познакомиться со следующими материалами: «Слова и речи, произнесённые Высокопреосвященным Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим, в продолжение

нынешней войны» (стр. 3–76), «Письма Н. М. Карамзина А. И. Тургеневу с 3 июня 1806 года по 1826 год» (стр. 77–106), сочинение Д. В. Григоровича «Зимний вечер. Повесть на Новый год» (стр. 107–156), «Замечания на “Песнь о полку Игореве” в стихотворном переводе г. Герекля» (стр. 157–172), «Чтение последнего манифеста по приходским церквам в Москве, сего декабря 25-го числа 1854 года» (стр. 173–177), стихотворение М. Стаховича, посвящённое Московскому университету (стр. 177–178) [Москвитянин] и т. д.

Собственно литературная и военная тематика переплетались не только в заголовках журнальных материалов. Актуальная литературная повестка тесно связывается с военной в статье М. П. Погодина «Новое издание Пушкина и Гоголя», опубликованной в июньском номере «Москвитянина» 1855 г. [Погодин]. Защитники Севастополя — Нахимов, Корнилов, Тотлебен — ставятся здесь в один ряд с «витязями слова и мысли» [Там же, с. 2] — Пушкиным, Гоголем. Эти и другие выдающиеся литераторы (Ломоносов, Державин, Фонвизин, Карамзин и др.) достойны, по мнению Погодина, не меньшего почитания, чем люди, рискующие жизнью на полях сражений, поскольку не только оружие, но и перо может бороться со злом. Победа творческая, нравственная дается писателю не легче, чем триумф человеку военному: «Победа досталась им также приступом, с бою. Чего не испытали они при жизни!» [Там же] Таким образом, мы видим, что сугубо литературный на первый взгляд повод воспринимается автором в общеисторическом, философском контексте: и великие литераторы прошлого, и доблестные военные и церковные деятели Крымской войны — все «имеют одинаковое право на благоговейную признательность» [Там же, с. 3] современников и потомков.

Значимое место занимают среди публикаций журнала «Москвитянин» 1855 г. материалы Н. В. Берга (1823–1884) — письма с полей сражений. По мнению исследователей, на страницах журнала Бергом был создан особый эпистолярно-публицистический жанр, вобравший в себя черты нескольких литературных и журналистских жанров: «пейзажный этюд, путевой очерк, зарисовка», а также репортаж, статистический отчет, бюллетень, «письмо в

редакцию» и др. [Первых, Первых 2015а, с. 102]. Основой этого нового жанрового образования стал жанр путевого очерка. Публикации Берга во многом повлияли на более позднюю военную журналистику, стали образцом содержания и стиля для многих авторов периодической печати того времени. Автору удавалось «объединить в письмах к редакции сведения о сражениях, повседневной жизни защитников города, личные эмоции и восприятие войны» [Морозова, с. 69], в результате чего читатель ощущал себя если не непосредственным участником событий, то по крайней мере их свидетелем, наблюдавшим за всем, что происходило, глазами Берга.

В разделе «Современника» «Заметки о журналах» встречается упоминание одного из циклов корреспонденций Берга — «Севастопольских писем». Н. А. Некрасов оценивал письма довольно сдержанно, поскольку они, с его точки зрения, представляли собой лишь необработанный материал, который лежал в основе уже опубликованной на тот момент статьи Берга «Десять дней в Севастополе». Некрасов, однако, выделял в «Севастопольских письмах» описание генерал-адъютанта Линдерса, который для своих солдат был не просто хорошим начальником, но и отцом, без которого солдаты ощущали себя «сиротами» [Некрасов 1855, с. 183]. Берг отмечал и храбрость генерал-адъютанта, предстающего в «Севастопольских письмах» хладнокровным фаталистом, убеждающего солдат не паниковать, не прятаться в момент разрыва гранаты: «от своей не уйдешь, а на чужую наткнешься!» [Там же].

«Морской сборник» — ежемесячный журнал, который начал издаваться в 1848 г. для военных моряков, их профессионального и культурного развития. Значимая, во многом определяющая роль Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг. обусловила важность освещения событий войны именно «Морским сборником».

Для этого журнала были несколько ослабленными требования цензуры, поскольку великий князь Константин Николаевич оказывал ему покровительство. Всего Крымской войне было посвящено не менее трёхсот публикаций журнала. В рубрике «Известия из Крыма» помещались хроника, официальная документация,

донесения, офицерские письма. Например, в № 1 от 1855 г. в этой рубрике можно узнать, что, по донесению князя Меншикова, «положение дел в Севастополе и окрестностях не изменилось», а также, что «в этот день выпал там глубокий снег» [Меншиков, с. 29]. Известия подробны и включают детали, порой кажущиеся незначительными, однако они важны для формирования у читателей общей картины происходящих событий. Журнал публиковал и списки награждённых, и скорбные списки погибших в военных действиях, включая в последние не только солдат, матросов, офицеров, но и мирное население Севастополя. Важным источником информации о настроениях участников войны становились в журнале выдержки из частных писем, отличавшиеся достоверностью и реалистичностью описаний. В результате в журнале создавался образ войны, которую вёл весь народ — от простого солдата до высших государственных лиц.

В номере 12 журнала за декабрь 1854 г. в рубрике «Официальные статьи» видим публикацию «Сведения о подвигах морских чинов в Севастополе, извлечённые из донесений генерал-адъютанта князя Меншикова». На стр. 176–188 сообщается о подвигах морских военнослужащих, от контр-адмирала Юхарина, который «был ранен осколком бомбы, но через три дня снова явился на 4-й бастион, где, под убийственным огнём неприятеля, находится постоянно днём и ночью, служа прекрасным примером непоколебимой храбрости и хладнокровия» [Сведения о подвигах ... , с. 176], до лейтенанта Кузьмина-Короваева, который, «находясь на башне под командой лейтенанта Швенднера, с отличным мужеством исполнял свою обязанность и, вполне заменив его во время дела, раненый тремя пулями, оставался до конца действия» [Там же, с. 183]. Каждому подвигу посвящён абзац, в котором кратко и точно описана его суть.

В результате подобных публикаций военные сражения становятся лично наполненными, в них участвуют не безликие и неизвестные читателям моряки, а конкретные воины, каждый из которых в любой момент оказывается способен на подвиг. Публикации такого типа, полные деталей и точного указания на личности моряков, позволяют понять, почему многие материалы журнала характеризуются исследователями как бесценные для современных историков [Леписевич, с. 163].

События Крымской войны 1853–1856 гг. освещались и в региональной печати, причём существовала широкая сеть региональных журналов: в каждой губернии — свой. Региональная печать была ценна тем, что доходила до самых дальних уголков России. К таким изданиям относились газета «Олонецкие губернские ведомости», «Пензенские губернские ведомости» и др.

Газета «Олонецкие губернские ведомости» (1838–1917) издавалась еженедельно в Олонецкой губернии, центральным городом которой был Петрозаводск, и состояла из двух отделов. Рубрики «Известия из Крыма», «Известия с Черного моря», «Обзор военных действий в Крыму» помещались в неофициальной части («Часть неофициальная») второго отдела номера. Здесь были представлены хроника, официальные донесения, сообщения с поля боя и другие сведения, которые перепечатывались из «Северной пчелы», «Русского инвалида». В неофициальной части размещались и речи архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия. Например, в № 42 1854 г. опубликована речь, посвященная посещению 4 октября 1854 г. великими князьями Николаем и Михаилом Кафедрального Преображенского собора в Одессе [Речь их императорским высочествам ...] (из газеты «Санкт-Петербургские Ведомости»), в № 33 1855 г. — перепечатанное из «Одесского вестника» слово, произнесенное защитникам Севастополя в лагерной церкви 25 июня 1855 г. [Слово, произнесенное Высокопреосвященным Иннокентием ...]. Встречались на страницах «Олонецких губернских ведомостей» и материалы из «Журнала Министерства народного просвещения»: так, в № 7 1855 г. представлена статья «Влияние нынешней войны на торговые отношения России и Англии» [Влияние нынешней войны ...].

В неофициальной части встречались и посвященные событиям Крымской войны публикации, представлявшие собственные материалы газеты. Например, в № 40 1854 г. опубликован материал «Г. Вытерга 4-го октября 1854 г.», посвященный обновлению казармы, построенной в г. Вытерга крестьянином Петром Таразановым. Таразанов выразил желание построить казарму во ознаменование полученной от императора благодарности за то, что он, «лишь только пронеслась молва, что англичане и французы восстали на <...> Русь

Православную, <...> поверг на алтарь Отечества от своих трудов праведных 1000 р. сер.» [Троицкий, с. 313].

Прошедшим в Петрозаводске в пользу воюющих в Крыму бойцов спектаклям (комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума» и шуточная оперетта П. И. Григорьева «Макар Алексеевич Губкин») посвящена статья в № 49 1854 г. Описанию театральных постановок предшествуют слова автора о единении всех русских людей, связанных общим желанием поучаствовать в подвиге России. В публикации отмечается, что не только многочисленные пожертвования в пользу армии, но и искусство — «проводник благотворительных целей» [Спектакль в пользу войск ... , с. 387]: «Даже общественные удовольствия перестали теперь быть целью сами для себя и обратились в средство выразить сочувствие публики к доблестным защитникам родины» [Там же, с. 385]. Неслучайно все билеты на спектакли были проданы очень быстро, несмотря на высокую стоимость.

В новостном материале «Петрозаводск, 1-го января 1855 г.» приведено Слово архимандрита Порфирия, произнесенное им перед окончанием торжественной Литургии в день начала нового года. О. Порфирий отмечает, что 1854 г. стал годом «беспримерного воодушевления и мужество великого народа Русского» [А. Л., с. 1]. В своей речи архимандрит стремится показать исключительность войны: впервые Россия воюет на столь обширном театре военных действий одновременно, против «двух могущественнейших наций, каковы Франция и Англия» [Там же], и на суше, и на море. О. Порфирий анализирует военные операции, осуществленные участниками коалиции, и указывает на то, что существенных успехов вражеские войска не достигли. Взятие в августе 1854 г. крепости Бомарзунд архимандрит называет «жалким подвигом», а достижения врагов на море «подвигами пиратов» [Там же, с. 1–2].

Редакция газеты старалась реагировать на военные успехи русской армии, отражать их в публикациях. Так, в № 13 от 3 апреля 1854 г. на страницах издания появляется материал, прославляющий русские войска, которые 11 марта переправились на правый берег Дуная, заняли крепости Тульча и Мачин. Авторы публикации стремятся показать искреннее сопереживание жителей губернии:

«Сочувствие жителей нашего края к святому делу настоящей войны так велико, что известие <...> принято было здесь всеми с неизъяснимою радостью» [Петрозаводск, с. 93]. В материале сообщается и о проведении в ознаменование славы Отечества архиепископом Олонецким и Петрозаводским Аркадием в Петрозаводском Кафедральном соборе благодарственного молебна.

Для поддержания в жителях губернии чувства духовного единства с соотечественниками в этом же номере редакция, стремясь «украсить страницы» газеты [Пожертвования в пользу войск, с. 93], представляет вниманию читателей перепечатанные из «Санкт-Петербургских Ведомостей» сведения о пожертвованиях в пользу русской армии, сделанных многочисленными представителями самых разных сословий. Редакция «Олонецких губернских ведомостей» объясняет появление такой публикации на страницах газеты желанием «дать читателям понятие о богатстве и множестве приношений, которые со всех концов России и во всех видах сыплются на алтарь Отечества» [Там же].

Крымская война получила освещение практически в каждой региональной газете. Исследование восприятия событий Крымской войны жителями той или иной губернии на основе анализа материалов местных периодических изданий проводится учеными [Выжимов; Мере; Павлова 2018б], однако этот вопрос остается малоизученным.

В большинстве изданий встречалась одинаковая или схожая трактовка событий Крымской войны и отношения к ним обществе. Россия была показана как истинная защитница Православия, а сама война — как в первую очередь религиозная. Однако были издания, на страницах которых высказывались и иные мнения.

Большое значение для освещения в периодике событий Крымской войны 1853–1856 гг. имел журнал «Современник» (1836–1866), который к началу войны выходил ежемесячно под редакцией Н. А. Некрасова и И. И. Панаева. Живо реагирующий на все происходящее в России, журнал не мог не откликнуться на события Крымской войны. «Современник» не имел официального статуса военного журнала и цензурного разрешения на печать военных материалов,

поэтому в нём не было раздела, посвящённого военной хронике, а информация о Крымской войне была распределена по разным отделам. Конечно, «Современник» был несколько ограничен в высказывании прогрессивных идей, что вполне логично объясняется необходимостью выполнять требования цензуры [Простаков, с. 66]. В журнальных публикациях формировалось несколько направлений, связанных с Крымской войной: на страницах издания несложно заметить, во-первых, явное раздражение высокомерным отношением западных стран к Российской империи, во-вторых, желание разобраться в причинах войны, среди которых в публикациях журнала в первую очередь называется не религиозные, как в большинстве газет и журналов того времени, а политические: «стремление Англии и Франции к господству на морях» [Васильева, с. 49], её желание ограничить в этом отношении Россию.

Показательно, что публикации, касающиеся Крымской войны, на страницах журнала в 1853–1854 гг., не имели указанного в тексте авторства, а начиная с 1855 г. стали авторскими. Несомненно, это изменение свидетельствует об определённом этапе в становлении военной журналистики: на страницах журнала появляется не отвлечённый автор, а конкретный журналист с собственной точкой зрения, с индивидуальными взглядами и предпочтениями.

Наиболее значимые публикации о Крымской войне начали появляться в «Современнике», когда журнал получил цензурное разрешение на публикацию военных материалов. Августовский номер 1855 г. издатели предваряют сообщением о создании отдела «Военные известия», в котором будут публиковаться известия о ходе войны, перепечатанные из газеты «Русский инвалид» [Современник, с. [1–2]]. Более того, журнал анонсирует и публикацию частных материалов о войне. Такое разнообразие сведений различного характера, по мнению издателей, поможет читателям составить «полную и подробную во всем ее величии картину неустрашимости и самоотвержения русского народа» [Там же]. Отметим, что в декабрьском номере 1855 г. издатели снова обращаются к этому событию, очевидно, ставшему для журнала важнейшим событием года: «Пользуясь Высочайше дарованным соизволением, мы приступили уже к помещению

официальных известий о Современной Войне» [Об издании «Современника» ... , с. 8].

Отделом журнала, активно освещавшим события Крымской войны, становится в этот период «Хроника современных военных известий» (вариант заголовка — «Хроника военных современных событий»). В объявлении «Об издании “Современника” в 1856 году», предваряющем декабрьский номер «Современника», отмечается, что отдел «Хроника современных военных известий», впервые появившийся в VIII книге, будет развиваться и в дальнейшем журнал «составит полное, последовательное изложение событий настоящей войны по официальным известиям» [Там же , с. 9]. Издатели выражают надежду, что новый отдел — «дополнение существенное и необходимое» и что он будет для читателей удобнее, чем «огромное количество газетных листов, в которых они (*события*. — М. П.) рассеяны» [Там же].

«Хроника современных военных известий» включала в себя «Известия из Крыма»²², где в формате репортажа были представлены новости с этого театра военных действий: сначала события за определённый период времени излагались в общих чертах, а затем сообщались подробности каждого дня. Например, в № 9 1855 г.: «С 14-го по 21-е июля канонада и бомбардирование по Севастополю, ослабевавшая по временам, иногда возобновлялись с необыкновенною силою <...>. Артиллерия *наша* (*курсив наш*. — М. П.) действовала с большим успехом» [Хроника военных современных известий, с. 1]. Это действительно военная хроника, отличающаяся документальностью, вниманием к деталям, отсутствием эмоциональных описаний. При этом в целом для строгого языка публикаций характерно активное использование личного местоимения *мы* (*для нас, нам* и др.) и притяжательного *наш* при обозначении российских войск. Это свидетельствует о желании журналистов «Современника» создать целостный образ армии и народа: армия олицетворяет собой всю Россию. Таким образом подчёркивалась необходимость единения народа перед лицом общей опасности.

²² В «Хронике современных военных известий» освещались и события, происходившие на других театрах войны: «Известия с Азовского моря», «Известия из азиатской Турции», «Известия с Балтийского моря», «Известия с Белого моря» [Хроника военных современных известий].

В неофициальной части «Военных известий» публиковались частные письма очевидцев и непосредственных участников военных действий. Издатели отмечали, что для них «каждая строка, присылавшаяся из Севастополя, была драгоценна» [Военные известия неофициальные, с. 30]. Например, в неофициальных «Военных известиях» в № 9 1855 г., публикуются письма А. П. Стахович — одной из начальниц Крестовоздвиженской общины сестер милосердия (письма Стахович и других сестер милосердия будут рассмотрены нами в п. 2.2), корреспондента (имя в публикации не называется), который сообщает о состоянии севастопольской библиотеки, отмечая, что жители настолько привыкли к орудийной пальбе, что, если «при чтении какой-нибудь любопытной статьи вдруг лопнет над зданием бомба, просвистит ядро или прошипит ракета <...>, никто не обратит на то ни малейшего внимания, как на происшествие весьма обыкновенное» [Там же, с. 35].

Издатели «Современника» помещают в журнале также критические материалы о выходящих в это время книгах и других изданиях о Крымской войне. При этом похвалы оказываются удостоены книги художественно ценные, а порицания — слабые, вне зависимости от их содержательных и идейных характеристик. Строго осуждаются спекуляции некоторых авторов, по мнению Н. Г. Чернышевского, «рассчитывающих на патриотизм простонародья» [Чернышевский 1855б]. Существовало негласное правило, по которому актуальность не являлась основным критерием отбора материала в журнал, поскольку злободневность далеко не всегда оправдывала художественные недостатки произведений²³.

Получение «Современником» цензурного разрешения на публикацию военных материалов нашло отражение в появлении в журнале не только новых

²³ Негативный отзыв Чернышевского получил, в частности, рассказ неизвестного автора (обозначен инициалами Н. Б.) «Рассказ солдата Сидорова о военных событиях, происходивших при бомбардировании Севастополя англо-французами». В его основе — диалог новобранца Андрея и старого солдата Сидорова. Последний стремится передать молодому опыт, раскрыть истинные причины войны («Ведь стоим-то мы за что, знаешь ли ты?» [Н. Б., с. 5]), цели каждого враждебного государства. Особенно возмущает пожилого бойца предательство христианских держав, которые не чтят даже Страстную седмицу: «Только лицемерные поклонники Господа Иисуса могли дерзнуть в день Великия Субботы на внесение в мирную Одессу огня, смерти и разрушения» [Там же, с. 9]. Произведение, действительно, не обладает художественными достоинствами. Однако использование простой, разговорной лексики оправданно (например, «если порассказать про их пакостыя дела, так уши <...> завянут» [Там же, с. 10], «его султанское величество и уши себе заткнул» [Там же, с. 11] и др.), поскольку автор использует ее для передачи солдатской речи.

отделов, но и произведений, посвященных описанию быта войны. Так, в № 6 1855 г. вышел рассказ Л. Н. Толстого «Севастополь в декабре месяце» (подписан инициалами «Л. Н. Т.») [Л. Н. Т.], а в № 9 того же года второй рассказ – «Ночь весною 1855 года в Севастополе» [Ночь весною 1855 года в Севастополе] («Севастополь в мае»).

В октябре 1855 г. на страницах «Современника» появляется рассказ рядового Павла Таторского «Восемь месяцев в плену у французов», записанный Николаем Петровичем Сокальским. Во время Крымской войны журналист «Одесского вестника» посещал госпитали, беседовал с солдатами и фиксировал услышанное на бумаге. Рукопись солдатских воспоминаний, собранных Сокальским, случайно оказалась в руках Н. А. Некрасова и была высоко им оценена: он нашел в этих рассказах «наблюдательность, юмор, меткость — и бездну русского» [Некрасов 1998, т. 14, с. 225] и незамедлительно (меньше чем через месяц) напечатал в «Современнике» один из них — «Восемь месяцев в плену у французов» и впоследствии сделал Сокальского военным корреспондентом журнала. Всего в «Современнике» вышло 10 записанных Сокальским воспоминаний. Эти публикации пользовались такой популярностью, что в 1856 г. были изданы отдельной книгой [Сокальский 1856].

Во время подготовки записанных свидетельств очевидцев к публикации Сокальский придерживался достаточно строгих принципов, касающихся работы с исходным материалом, таких как «отказ от глубокого редактирования свидетельств, создание фотографически достоверных портретов опрошенных людей, фиксация индивидуальных речевых, биографических и мировоззренческих характеристик рассказчика» [Первых, с. 197]. Эти установки были направлены в первую очередь на подтверждение достоверности материалов, записанных со слов настоящих участников сражений.

Каждый из рассказов начинается вступительным словом автора-составителя, в котором Сокальский сообщает некоторую информацию о солдате, со слов которого записана история, а также комментирует сам очерк. Например, рассказ «Восемь месяцев в плену у французов», Сокальский предваряет примечанием, в

котором, в частности, сообщает: «В этом рассказе читатель увидит поразительный пример любопытства и наблюдательности русского человека» [Восемь месяцев в плену ... , с. 161].

Повествование в рассказе «Восемь месяцев в плену у французов» ведётся от лица рядового Павла Таторского, отличающегося не только наблюдательностью, но и склонностью к обобщениям, поиску, выявлению причин происходящего. Например, слабость армии неприятеля по сравнению с русской армией он объясняет двумя причинами: во-первых, французский солдат «на белом хлебе воспитан, слабый» [Там же, с. 164], во-вторых, у неприятеля «разные языки» [Там же] (в составе армии представители разных стран).

Рассказы солдат о военных действиях, записанные Сокальским, подробны, включают детали, благодаря которым перед взором читателя встают картины нелёгких военных дней. При этом о военных действиях говорится как о чём-то обыденном, привычном, что демонстрирует восприятие их обычным солдатом, погружённым в военные будни: «Человек двадцать наших засели и в самом маяке. Ну, на нас большая часть лезли французские лезгуавы, кои и были три раза сгоняемы штыками, пока не заехала нам в зад артиллерия» [Там же, с. 162].

Интересно, что в повествование рядового Таторского Сокальским дополнительно встраиваются несколько вставных рассказов с отдельными подзаголовками: «Рассказ Щербакова», «Рассказ писаря», «Рассказ Козлова», каждый из которых комментирует и поясняет Таторский.

Записанные Сокальским рассказы полны натуралистических подробностей сражений. Например, в рассказе «Дело под Журжею 25-го июня 1854 года» видим описание рукопашной: «Сейчас один штыком ударил меня в грудь, да неловко попал: на ремень — только амуницию порвал. Ну, ружьё моё опросталось, — а я стволом как дам ему по голове — ружьё и переломилось. Я ружьё это, значит, бросил, выхватил тесак; а он стоит, выпучил глаза, только лупает. Подскочил я к нему, хотел зарубить, так он уж сам закачался, закачался и упал. А третий бежать от меня; я за ним, — так он ружьё бросил, упал на землю, руками и ногами дрыгает, кричит пардона» [Сокальский 1856, с. 55]. Эпизоды страшной и порой

бесчеловечной войны в воспоминаниях простых солдат предстают перед читателем как обыденные, каждодневные события.

Нельзя не согласиться с Д. К. Первых, отмечающей, что в рассказах Сокальского «герой не идеализируется, не схематизируется, не превращается в плод художественного обобщения, а показан таким, каким его встретил автор» [Первых, с. 200]. На наш взгляд, в наибольшей степени это подтверждается тем, что в записанных Сокальским рассказах изображаются не столько яркие подвиги, сколько мысли рядового бойца, человечность, проявленная им. Например, Сокальский описывает дружбу русского солдата и пленного француза. Когда француз умирал от жажды, «русский солдат, сжалившись над его мучениями, дал напиток из своей вечной манерки и тем подкрепил его силы» [Сокальский 1856, с. 69–70]. Встретившись позже, солдаты укрепили свою дружбу «пиром горой» [Там же, с. 70]. Повествователь замечает: «Ничем узы дружбы не скрепляются так сильно, как несчастьем» [Там же]. Описание таких вроде бы незначительных военных эпизодов для Сокальского важнее, чем повествование о подвигах и героизме.

Произведения Сокальского занимают промежуточное положение между документальной и художественной литературой. С одной стороны, это рассказы, которые ведутся от лица участников сражений, с другой — очерки, составленные военным корреспондентом на основе данных рассказов. Наличие авторской обработки, несмотря на стремление автора сохранить особенности речи того или иного повествователя, несомненно: в частности, в ходе повествования неоднократно встречаются примечания Сокальского.

Прогрессивной направленностью отличался также литературный журнал «Отечественные записки» (1818–1884), редактором которого в период Крымской войны был А. А. Краевский. «Мрачное семилетие» отразилось и на этом издании: в связи с требованиями цензуры к началу Крымской войны журнал стал более умеренным, но полностью не изменил своим демократическим принципам.

Объёмные публикации о Крымской войне появились в «Отечественных записках», как и в «Современнике», в 1855 г., когда менее строгими стали

цензурные ограничения для военных материалов в российской публицистике. Здесь встречаются два основных типа материалов: хроника военных событий и описания конкретных моментов сражений. Публикации второго типа являются по сути репортажами, в которых описываются разные стадии сражения, его ключевые эпизоды. Например, в репортаже об одном из сражений читаем: «Наши стрелки встретили неприятеля метким огнем и вскоре на всем протяжении боевых линий завязалась жаркая перестрелка» [Обзор военных действий ... , с. 82].

Публикации журнала о Крымской войне имели патриотическую направленность, прославляли действия русского солдата, порицали турок за издевательства над православными, показывали тяготы работы военных медиков, рассказывали о деятельности адмирала П. С. Нахимова, генерала В. А. Корнилова и других видных русских военачальников.

Развитие периодики эпохи Крымской войны происходило в условиях технических изменений, позволяющих изданиям более оперативно реагировать на события: в качестве средства связи начал активно применяться телеграф, сокращавший время между событием и публикацией о нём в газете или журнале. Например, в газете «Московские ведомости» в 1855 г. появилась новая рубрика «Телеграфические известия из Крыма», в которой публиковались материалы, полученные именно с помощью телеграфа. В «Русском инвалиде» опубликован материал газеты Morning Herald, перепечатанный из Journal de Saint-Petersbourg, в котором сообщается о проведении телеграфа от монастыря Святого Георгия, расположенного на берегу Крыма, до мыса Калиакры и о планах продления его до Варны: «Тогда известия из главной квартиры союзников будут получаться в Париже и Лондоне в четыре часа» [Русский инвалид, № 92, с. 445]. Читателей газеты информировали о том, что те или иные сведения были получены через телеграф: например, «генерал-адъютант князь Горчаков сообщает из Севастополя чрез Киев от 24-го апреля следующую телеграфическую депешу» [Русский инвалид, № 93, с. 448], «полученное ныне от генерал-адъютанта князя Горчакова донесение <...> подтверждает сообщенное вчера телеграфическое известие» [Русский инвалид, № 72, с. 347].

Осмысление событий Крымской войны и её итогов продолжалось в периодике и более позднего времени. Так, спустя несколько лет после окончания войны в Москве был учрежден журнал «Русская старина» (1870–1892). Это ежемесячное издание исторической направленности уделяло большое внимание описаниям событий Крымской войны и их оценкам, публикуя воспоминания, дневники, заметки и записки её участников. В параграфах настоящего исследования, посвященных эпистолярному и мемуарному наследию Крымской войны, будут рассмотрены следующие публикации «Русской старины»: «Записки генерал-лейтенанта Владимира Ивановича Дена» [Ден] 1890 г., «Письмо севастопольца» инженера А. П. Орды [Орда], «Дневник русского солдата, взятого в плен при Бомарзунде в 1854 году» [Дневник русского солдата ...] 1893 г.

На страницах «Русской старины» были освещены все основные события войны: Альминское сражение, бой на реке Чёрная и др. Взгляд на Крымскую войну спустя некоторое время после её окончания оказался очень полезен, поскольку привлечение новых источников, ставших доступными по прошествии времени, дал возможность «по-другому взглянуть на многие вопросы и пролить свет на неизвестные факты» [Гаршина, с. 173].

Как показывает обзор периодической печати периода Крымской войны, можно говорить о зарождении в это время военной журналистики как полноценной отрасли российской журналистики.

2.2. События Крымской войны в эпистолярном наследии современников

Эпистолярная культура является важнейшей формой человеческого общения, направленного на установление письменного контакта, передачу и восприятие информации, представляющейся наиболее важной автору письма в момент его написания. Изучением эпистолярия занимались и продолжают заниматься литературоведы: М. И. Щербакова [Щербакова 2013; Она же 2017; Она же 2018; Она же 2019; Она же 2021], А. П. Дмитриев [Дмитриев 2010; Он же 2013; Он же 2014а; Он же 2014б; Он же 2017; Он же 2020] и Д. А. Федоров [Крымская война в истории России ...], А. В. Кошелев [Кошелев],

И. А. Подтергера [Подтергера]; лингвисты: К. В. Базилевич [Базилевич], Н. А. Ковалева [Ковалева 2002], С. И. Котков [Котков], Н. П. Панкратова [Панкратова]; философы: В. Е. Дмитриев [Дмитриев 1999], Е. Н. Свалова [Свалова]; историки: Л. Д. Голованова и И. Е. Криворуцкая [Голованова, Криворуцкая], Л. А. Терушкин [Терушкин] и представители других гуманитарных дисциплин. Изучение эпистолярия обладает богатым потенциалом, поскольку письма являются носителями самых разнообразных сведений как об эпохе создания, так и непосредственно о своих авторах.

Письма являются одним из объектов изучения текстологии. Наряду с другими источниками текстологии (рукописями, дневниками, записными книжками и т. п.), письма получают в рамках текстологии осмысление на пересечении лингвистики, истории, культурологии, психологии и других наук. Особая роль этих документов состоит не только в том, что в них получает отражение и закрепление человеческая культура, но и в том, что они становятся историко-литературными источниками для художественной литературы.

В середине XIX в. эпистолярная культура переживала свой расцвет. Учёные говорят «о необычайном взлете эпистолярного искусства в истории русской мысли и литературного развития XIX в.» [Введение в литературоведение ... , с. 164]. Эпистолярный этого времени становится заметным явлением и представляет собой важнейший источник для исследователей. Объектом нашего изучения стала в первую очередь частная переписка, которая «отличается регулярностью и возобновляемостью, представляя совместный разговор» [Степанова, с. 95].

Историки и литературоведы, например, С. В. Глинникова, А. И. Пиреев, Н. А. Токарева, О. Л. Фетисенко и др., изучая эпистолярный период Крымской войны 1853–1856 гг., извлекают из него сведения как о событиях этой войны [Пиреев] и настроениях, господствующих в обществе [Токарева], так и о ее участниках: К. Н. Леонтьеве [Фетисенко], А. Н. Муравьеве [Глинникова] и др.

Не со всеми утверждениями исследователей относительно анализа эпистолярия периода Крымской войны можно полностью согласиться. Так, М. Ю. Некрасова отмечает, что в эпистолярии реализуется такой жанр, как письмо

с фронта, отличающийся политематичностью и включающий в себя «множество аспектов: философские размышления о жизни и смерти, тоска по дому, по родным и близким, надежда на возвращение домой» [Некрасова, с. 39]. На наш взгляд, выражение «письмо с фронта» принадлежит другой эпохе с другими историческими реалиями. Вспоминается, например, картина советского живописца А. И. Лактионова «Письмо с фронта» (1947), благодаря которой сочетание «письмо с фронта» прочно вошло в число реалий Великой Отечественной войны. Да и офицеры русской армии, писавшие письма в 1853–1856 гг., жили не в траншеях: у них были отдельные палатки. В связи с этим жанровое определение «письмо с фронта» по отношению к эпистолярному периоду Крымской войны представляется нам спорным.

Безусловно, есть письма, к реалиям войны не отсылающие, в которых авторы вспоминают дом, семью, близких и не спешат описывать наблюдаемые ими военные события, но всё же специфика эпистолярного периода Крымской войны состоит в том, что письма создаются по горячим следам происходящих событий и содержат мнения их участников или наблюдателей. Ценность эпистолярного именно в том, что фактологические сведения и эмоциональная составляющая в них тесно переплетаются, поскольку письма становятся «хроникой новостей, достопримечательных событий общественной жизни и комментарием к ним, доверительным изложением заветных мыслей и чувств» [Введение в литературоведение ... , с. 164]. В письмах современники, как правило, оперативно откликались на актуальную общественную повестку — в этом эпистолярный схож с периодикой и этим же он отличается от мемуарной литературы. Создавая воспоминания, авторы имели гораздо больше времени на осмысление произошедшего, уточнение сведений, поиск информации в архивах.

Ещё одной отличительной особенностью эпистолярного является его адресация конкретному лицу, во многом определяющему структуру и содержание писем. Этот фактор можно назвать социальным критерием. Мемуары же предназначены для чтения широкого круга лиц, что исключает или, по крайней мере, значительно уменьшает их социальную зависимость от конкретного адресата.

Письма современников и прежде всего участников войны отражали важные события Крымской войны 1853–1856 гг. и одновременно — личностное, живое, эмоциональное восприятие этих событий. Они глубоко субъективны и вместе с тем позволяют получить представление о настроениях современников и участников Крымской войны. Полнота охвата событий войны обеспечивается тем, что авторы писем были совершенно разными людьми — простыми юнкерами и представителями высшего военного начальства, военными врачами и сестрами милосердия, инженерами и священниками и т. п.

Письма, безусловно, отличаются частным характером: они принадлежат тем людям, которым были адресованы, и первоначально не предназначены для обнародования и публикации. Однако по прошествии времени открывается высокая историческая и культурная значимость эпистолярия, поэтому письма, извлечённые из государственных и частных архивов, начинают издаваться.

Так произошло и с эпистолярием периода Крымской войны 1853–1856 гг. Современный читатель обладает целой библиотекой изданных писем ее непосредственных участников и современников. Уже полтора века издаётся эпистолярный период Крымской войны: это письма А. В. Рачинского [Рачинский], П. И. Лесли [Лесли], А. П. Орды [Орда], К. Н. Леонтьева [Леонтьев 1993], А. Ф. Тютчевой [Тютчева], В. С. Аксаковой [Аксакова 2013] и др. Есть публикации, в которых письма изданы частично, выборочно, как фрагменты: это эпистолярный братьев В. Н. Худекова и П. Н. Худекова [Худеков, Худеков], игумена Антония (Бочкова) [Кутикин], А. С. Меншикова и М. Д. Горчакова²⁴ [А. С. Меншиков в Крымской войне ...], А. Н. Минха [Минх], переписка В. С. Аксаковой с М. Г. Карташевской [Крымская война в истории России ...] и др. Такие публикации обычно обозначаются как «Из переписки о Крымской войне», «Из писем» и т. п.

²⁴ Переписка А. С. Меншикова и М. Д. Горчакова опубликована в рамках третьей книги «А. С. Меншиков в Крымской войне. Дневники. Письма. Воспоминания. Ч. 1» (2018) [А. С. Меншиков в Крымской войне ... 2018] серии «Архив Крымской войны». В серии опубликованы также «Журнал военных действий в Крыму. Сентябрь – декабрь 1854 года» (2010) [Журнал военных действий в Крыму ... 2010], Журнал военных действий в Крыму. Январь – август 1855 года» (2016) [Журнал военных действий в Крыму ... 2016], «А. С. Меншиков в Крымской войне. Ч. 2. Приказы 1853–1855 гг.» (2019) [А. С. Меншиков в Крымской войне ... 2019].

Князь Александр Сергеевич Меншиков (1787–1869), правнук знаменитого сподвижника Петра I А. Д. Меншикова, стоял во главе Российского флота, был морским министром, адмиралом. Во время Крымской войны он — генерал-адъютант, главнокомандующий военными сухопутными и морскими силами Крыма. В письмах «старому другу» [А. С. Меншиков в Крымской войне ... 2018, с. 238] — князю Михаилу Дмитриевичу Горчакову (1792–1861), который также входил в состав высшего военного руководства, А. С. Меншиков проводит глубокий анализ ситуации с учётом всей полноты доступных ему сведений²⁵. Автор касается самых разных вопросов: причин войны, возможности решения конфликта мирным путём, диспозиции российских войск, своих распоряжений и передвижений и т. п. Интересно, что в июне 1853 г. Меншиков еще не верил, что Европе ждёт жестокая война: «Услужливые и заинтересованные в деле посредники не допустят до кровавой войны, к тому же бесцельной» [Там же, с. 219]. Генерал неоднократно высказывал мнение том, что она и несвоевременна, и нежелательна: «Я полагаю, что все желают мира, не именно ради его, а потому что не готовы к войне» [Там же, с. 229]. Как видим, оценка политического положения, которую высказывал Меншиков накануне войны²⁶, не подтвердилась ходом истории.

Большая часть писем отправлена из Севастополя, обороной которого Меншиков руководил. Автора беспокоят поставки провианта, пороха, которого «так много потребляют» береговые пушки [Там же, с. 246], состояние укреплений, погодные условия, способные оказать влияние на военные действия, нехватка фельдшеров и хирургов и многие другие практические вопросы. Одновременно Меншиков восхищается высоким боевым духом русского войска: «Севастополь

²⁵ Несмотря на официальный характер переписки, Меншиков делится с адресатом и личными переживаниями: «Будущее просто пугает меня» [А. С. Меншиков в Крымской войне ... 2018, с. 238]; «Я измучен трудами и заботами и не вижу выхода из своего положения, утешительного ничего» [Там же, с. 249].

²⁶ В частности, А. С. Меншиков неоднократно демонстрировал бесстрашие России и уверенность в ее быстрой победе в случае войны. Эта позиция нашла отражение в анекдоте, созданном по мотивам персидских летописей. Царь Дараб II отправляет послов к румскому царю Искандеру (Александр), своему брату по отцу, с напоминанием об уплате дани. Однако Искандер отказывается. В ответ на это Дараб II передает ему символические «подарки», в числе которых — мешок с кунжутными зернами. Скрытый посыл такого дара заключался в указании на многочисленность персидских войск. Искандер же, принимая мешок, высыпает из него зерна и выпускает курицу, которая склевывает все семена. Именно этот сюжет персидских летописей лег в основу анекдота, бытовавшего в русской армии (особенно среди солдат) во время Крымской войны 1853–1856 гг. Место Искандера в анекдоте занял Меншиков, а персидские послы превратились в турецких [Каратыгин, с. 230–236].

держится благодаря героическому мужеству морских экипажей, которые служат при пушках и весело подвергают себя смерти: это для них праздник» [Там же, с. 247].

Наряду с эмоциональными высказываниями о плохой подготовке инженеров («...сколько приходится мне бороться с тупоумием здешних инженеров» [Там же, с. 239]), о необходимости подкрепления («...нам только и нужно, что войска, войска, войска!» [Там же, с. 244]), о несостоятельности русских генералов («Липранди беспечен донельзя» [Там же, с. 253]), Меншиков крайне сдержанно, не показывая личного отношения, сообщает, например, о смертельном ранении 5 октября 1854 г. во время бомбардировки Севастополя В. А. Корнилова: «Важно то, что адмирал Корнилов смертельно ранен: пушечным ядром ему оторвал ногу у самого бедра» [Там же, с. 246].

Интересны и ответные письма генерала от артиллерии М. Д. Горчакова, в которых есть немало сведений о войне, её деталях. Например, в письме от 1 августа 1854 г. он пишет об одном из этапов обороны Севастополя: «Вы можете быть поставлены в необходимость защищать почти совершенно открытый город» [Там же, с. 242]. Уже в письме от 20 сентября 1854 г., Меншиков, описав, каким образом усилена оборона города, делает вывод: «Севастополь снабжён достаточными способами защиты, и падение его едва ли близко» [Там же, с. 245]. В этом эпистолярном диалоге глазами наиболее осведомлённых участников событий показаны все перипетии обороны и те трудности, которые приходилось преодолевать командованию.

Пётр Иванович Лесли (1832–1877) был выходцем из старинного дворянского рода, потомственным военным. Во время Крымской войны он служил флотским капитан-лейтенантом, участвовал в Синопском сражении, при защите Севастополя находился в составе севастопольского гарнизона, был награждён несколькими орденами и другими наградами. Письма П. И. Лесли, датированные 1854–1855 гг., были опубликованы во втором томе «Сборника рукописей <...> о Севастопольской обороне...» в 1872 г. Обращаясь к родным, автор писем сдержанно описывает фронтовые будни, избегая изображения эффектных картин сражений: «Дела наши все идут тем же порядком; та же бомбардировка с утра и тот же её конец вечером»

[Лесли, с. 296], хотя порой он описывает весьма страшные ситуации, кажется, сам не осознавая ужаса происходящего вокруг. Например, Лесли искренне восхищается смертью во сне двух матросов: их, даже не проснувшись, убило осколком бомбы. Автор восклицает: «Лучше этой смерти и желать нечего!» [Там же, с. 297]

В третьем томе «Сборника рукописей <...> о Севастопольской обороне...» в 1873 г. были опубликованы «Выписки из писем покойного генерала от инфантерии Константина Романовича Семякина к его покойной супруге». Супруги ушли из жизни с разницей в один день в 1867 г., а значит, не принимали решения о публикации писем. Крымскую войну К. Р. Семякин прошел, находясь в солидном возрасте. В письме от 7 октября 1854 г. он отмечает, что «плохо быть воином в 54 года²⁷» [Семякин, с. 112], а позже, в конце июля 1855 г., уже в шутку просит поздравить «с окончанием 64-х лет» [Там же, с. 175] (месяц службы в осажденном Севастополе засчитывался за год). Между супругами были теплые отношения — на страницах писем встречаются обращения «мой друг» [Там же, с. 110], «моя старушка» [Там же, с. 177], «дорогой друг» [Там же, с. 186]. Семякин передает жене сведения о прошедших военных операциях, человеческих потерях, понесенных за тот или иной день, рассказывает о своих отношениях с А. С. Меншиковым, великими князьями Николаем и Михаилом, делится радостью о представлениях к наградам, а также часто сообщает о погоде, высоких ценах на продовольствие, о том, где и в какой обстановке пишет тот или иное письмо.

Каждое из писем свидетельствует о глубокой религиозности автора, поскольку он часто просит жену молиться за него и защитников города, верить в милосердие Бога: «Молись за нас и будь тверда, все в воле Господа Бога» [Там же, с. 117]; «Прощай, молись» [Там же, с. 115]; «Скажи детям, пусть усердно молятся, чтобы господь послал милость свою на русских воинов» [Там же, с. 124]; «Не тужи, молись и все будет как свыше благословится» [Там же, с. 161] и др. И состояние собственного здоровья, о котором он почти в каждом письме сообщает супруге, и

²⁷ Годом рождения К. Р. Семякина считается 1802 г. Однако если рассматривать сведения о возрасте, которые приводит сам Семякин в письме жене, как достоверные, то Семякин родился в 1800 г.

надежды на скорое семейном воссоединении и завершение войны, и получение воинских званий (в письме от 23 июня 1856 г. Семякин делится с женой радостью о своем произведении в генерал-лейтенанты) — все это автор связывает лишь с Божьим участием в его судьбе.

Личный характер писем подчеркивают и примечания редакции. Так, в письме от 22 мая 1855 г. Семякин описывает события прошедших дней так, словно это совершенно будничные дела, не представляющие серьезной опасности. Однако к этому письму при публикации было добавлено следующее замечание: «Все серьезные дела он описывал довольно легко, чтобы не тревожить жену и старуху мать» [Там же, с. 160]. Когда на полях сражений оказываются его сыновья — Константин и Роман, в письмах супруге он рассказывает только об их успехах, но не упоминает о ранениях. Редакторы также обращают на это внимание читателей: «Дабы не беспокоить мать, он не писал, что старший сын был ранен штыком в правый бок и остался в строю» [Там же, с. 177].

Для Семякина как отца сыновей было важно передать им представления о воинской доблести и чести: «Оставлю детям единственное наследство, это имя хорошего и честного офицера» [Там же, с. 146]. В письмах он просит жену передать сыновьям слова великого князя Михаила Романова о том, что он был бы рад воевать под командованием Семякина [Там же, с. 119], рассказать им о безукоризненной службе их отца и полученных им наградах [Там же, с. 170], сохранить «на память детям» [Там же, с. 145] письмо Меншикова, в котором князь, узнав о назначении на свое место Горчакова, пишет, что ценит Семякина и надеется, что они вновь встретятся на службе.

Таким образом, Семякин предстает в письмах как православный христианин, любящий семьянин, настоящий патриот Отечества, прекрасно осознающий, что принимает участие не просто в очередной в своей жизни войне, а в «святом деле» [Там же, с. 145].

Братья Василий Николаевич (1833–1855) и Павел Николаевич (1834–1892) Худековы отправились на войну добровольцами, будучи совсем молодыми людьми. Братья писали письма своим родителям-помещикам. Во время войны

старший из них, Василий, был убит. В письмах можно найти многочисленные свидетельства того, что братья не хотели беспокоить родителей, постоянно уверяя их: «Поход вовсе, вовсе не труден, благодаря Бога и Вас» [Худеков, Худеков, с. 2], рассказывая о своей жизни с юмором: «У нас здоровье и сапоги в исправности» [Там же, с. 3].

О войне в письмах молодые люди говорят с оптимизмом и лёгкостью: «Нам предстоит удовольствие драться с французами» [Там же, с. 10], хотя иногда они сообщают и не самые утешительные подробности армейской жизни: «Мы все стоим в землянках: очень неприятная стоянка» [Там же, с. 25]. С горячностью молодости братья Худековы не боятся рассуждать о смерти: по их мнению, «убийственна» мысль погибнуть, «не видавши даже неприятеля» [Там же, с. 35], а потерять из-за ранения шинель и другую «исстрелянную» одежду — это страшнее, чем собственно получить ранение» [Там же, с. 38].

Анализ эпистолярия современников Крымской войны невозможен без упоминания особенностей ракурса восприятия военных событий тем или иным автором. Освещение войны было во многом обусловлено должностными обязанностями адресантов, а также нахождением авторов в эпицентре боевых действий или в отдалении от него.

Инженер Адам Петрович Орда (1835–1897) заведовал работами, проводимыми на Малаховом кургане, в последний день штурма которого попал в плен. В оставленном им письме содержится ряд подробностей, касающихся инженерного дела, но в основном оно посвящено эмоциональному описанию сражения. А. П. Орда восхищается героизмом русских сапёров: «Мне недостаёт слов, чтобы описать все примеры самоотвержения наших сапёров, это первые люди в мире» [Орда, с. 613] и делает вывод: «Перед защитниками Севастополя нужно благоговеть» [Там же, с. 614].

Младшим ординатором в военном госпитале был во время Крымской войны будущий философ и писатель Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891). Он отправился на фронт добровольцем, служил батальонным лекарем в Еникале, в 12 верстах от Керчи. К. Н. Леонтьев оставил письма, адресованные матери,

Ф. П. Леонтьевой. В письме от 25 ноября 1854 г. Леонтьев старается успокоить мать и объяснить ей, что он «вполне безопасен» [Леонтьев 1993, с. 21]. Так, о маловероятном подходе неприятеля к крепости Еникале, где он тогда служил, автор пишет: «И зачем им нужно наше ничтожное местечко, когда дела им слишком много и там, где они теперь» [Там же]. В то же время Леонтьев не забывает упомянуть, что развивается как врач и им довольны окружающие: «Стараюсь улучшить и свою методу лечить, и присмотр понемногу» [Там же]. Он понимает: матери важно знать, что сын не только находится в безопасности, но и добивается успехов. По этой же причине автор время от времени пишет, какие хирургические манипуляции он провёл, чему новому во врачебном деле научился. Например, в письме от 24 января 1855 г.: «Вчера, у неопишуемому собственному удивлению, сделал операцию в первый раз» [Там же, с. 28].

В письмах Леонтьева встречаются многочисленные жалобы на скуку, приветы родственникам, общим друзьям и знакомым, рассказы о погоде. Например, в письме от 10 января 1855 г. он замечает: «Теперь у нас, мой друг, установилась зима, и довольно пока сухая» [Там же, с. 27]. Но тема войны звучит в эпистолярной переписке постоянно, причём Леонтьев старается найти для матери какие-то необычные детали: «Неприятельские солдаты, слышно, очень зябнут и часто перебегают к нашим бивачным огням» [Там же]. Даже о печальных событиях Леонтьев старается сообщить матери спокойно, хладнокровно. Например, в письме от 18 мая 1855 г.: «Керчь сдана неприятелю — это правда. Еникале взят» [Там же, с. 30]. Поведение противника на территории Крыма автор описывает как достойное, что, несомненно, тоже должно успокоить мать: «Англичане и французы вообще держат себя хорошо, входят даже в церковь, крестясь» [Там же, с. 31].

Нельзя не заметить, что на содержание, форму, интонацию писем Леонтьева в значительной мере влиял социальный фактор: они адресованы матери. По мнению О. Л. Фетисенко, фактор адресата необходимо учитывать — «тогда не вызовет удивления, что в письмах почти ничего не сказано о Севастопольской катастрофе» [Фетисенко, с. 58]. Действительно, анализ писем Леонтьева показывает, что создать в них образ внимательного и заботливого сына, которому

немного скучно, но интересно и при этом совершенно несложно выполнять свои профессиональные обязанности, для автора гораздо важнее, чем передать сведения о событиях Восточной войны, в том числе об обороне Севастополя.

Юнкером в действующей армии служил во время Крымской войны Александр Николаевич Минх (1833–1912), вошедший в историю России как известный краевед, историк, этнограф, археолог. За участие в сражениях Крымской войны 7 декабря 1855 г. А. Н. Минх был произведён в офицеры. Рукопись «Записки Минха А. Н. 1854–1856 гг.» была составлена самим автором на основе собственных писем²⁸. Именно этим объясняются ошибки в датировании описываемых событий, хронологические пустоты с указанием «Записки потеряны» («Далее записки потеряны»). Таким образом, опубликованные в 2019 г. «Записки А. Н. Минха о Крымской войне» представляют собой извлеченные лично Минхом сведения из собственных писем, переделанные под формат дневника. Характерно, однако, что сам автор никогда не называл свою рукопись, отражавшую события Крымской войны, дневником [Минх, с. 22]. Несмотря на то что в основе «Записок...» лежит описание военных событий, в них ярко отражены и те настроения, которые царили в русских войсках, в том числе и в душе самого Минха. Автор искренне стремился попасть в Крым, где происходили наиболее интересные, по его мнению, события Восточной войны: «Судьба бросила меня в Крым, желание мое исполнено, и я в действующей армии» [Там же, с. 61–62]. Минх упоминает о том, что такие настроения были характерны для большинства юнкеров: когда вызывали добровольцев для отправления в Крым, «из 32 человек лишь двое отказались идти в поход» [Там же, с. 52]. В «Записках...» Минх показывает, как обостряется его восприятие, когда он попадает в район боевых действий: «Я стал уже отличать наши выстрелы от неприятельских, падение бомб и взрывы» [Там же, с. 81]. Минх предстаёт в «Записках...» не только истинным патриотом, полным желанием воевать за Россию, но и человеком с пытливим умом и живым взором.

²⁸ Доказательства достоверности этого суждения можно найти в Предисловии к изданию «Записок о Крымской войне» А. Н. Минха [Минх, с. 3–25].

Минху, безусловно, присуще особое, художественное²⁹ восприятие мира. Например, восхищенный Успенским монастырём и окружающим его ландшафтом, он дважды отмечает: «Нужны кисть и краски» [Там же, с. 100] — только так, по его мнению, можно в полной мере описать увиденное.

Особенно выразительны описанные Минхом картины природы, которые всегда вступают в противоречие с видами, порожденными войной. Например, когда Минх рассказывает о том, как стоял на аванпостах, он не делится военными сведениями — природа в ее «чудной гармонии» заставляет его забыть, что «теперь-то самое опасное время» [Там же, с. 63]. Очарование наступления нового дня, пение птиц, море — всё это погружает автора в такое состояние, когда в мыслях звучит риторический вопрос: «Где же война, спросим?» [Там же] Встречаются и описания картин природы, которые не отвлекают от тяжелых мыслей о войне, а будто бы, наоборот, напоминают о ней: «Луна также холодно смотрела на землю <...>, а сколько, сколько страшных картин она должна бы озарить» [Там же, с. 93]. Иногда Минх сравнивает военные действия с природными явлениями: «Грозы совершенно еще не было, по временам только долетают до нас раскаты земной грозы — под Севастополем» [Там же, с. 68]. Война — «земная гроза» — и гроза природная в «Записках...» своим звучанием похожи, но перепутать их невозможно: «По временам удары грома походили на пушечные выстрелы <...>. Это была первая небесная гроза, которую я слышал в Крыму» [Там же, с. 73].

В «Записках...» лаконично, но ярко запечатлены картины военных будней: рота, роющая траншею, солдаты с носилками, сквозь полотно которых «сочится кровь и образует след по улице» [Там же, с. 86], разговор солдат, обсуждающих предательство Австрии и Пруссии и милосердие по отношению к ним императора, которого они называют «Батюшкой» [Там же, с. 87]. В этих описаниях Минх обращается к читателю, делая его своим спутником (такой же прием будет использовать и Толстой в «Севастополе в декабре месяце»). Для этого автор «Записок...» использует глаголы в повелительном наклонении: «посмотрите на

²⁹ В «Записках...» представлены рисунки, сделанные Минхом: «Берег Черного моря», «Вид Джавджурека с горы, с южной стороны», «Туры по дороге военных поселений», «Чугуевский булочник» и др. [Минх].

труды, которые переносит этот несчастный, взгляните на него в траншеях», «загляните в носилки», «посмотрите на минную работу, на стрелка в цепи или артиллериста на бастионе, на аванпосты» [Там же, с. 86].

Картины осажденного Севастополя в «Записках...» точны и выразительны. Описывая впечатления от посещения залы дворянского собрания, Минх не говорит об операциях, о том, как выглядят раненые, — отмечает лишь, что сапоги его «были в крови» [Там же, с. 83]. Удалось юнкеру побывать и в севастопольской библиотеке, где он через подзорную трубу посмотрел на вражеский лагерь и испугался, когда рядом с библиотекой упала бомба. Честно признается Минх в том, что ему «совестно» было своего страха [Там же, с. 84].

Несмотря на то что Минх не был свидетелем оставления войсками Севастополя, он в полной мере разделил чувство защитников города — сложное, сотканное из многих ощущений: «Что чувствовалось [в] этот день, передать трудно: и грустно было, и досадно, и злость брала <...>; так была тяжела для нас эта весть» [Там же, с. 110].

Протоиерей Арсений Гаврилович Лебединцев (1818–1898) в период Восточной войны оказался в центре военных событий. Он был благочинным церковью Южного берега Крыма, настоятелем Петропавловского собора, расположенного в центре Севастополя, духовником вице-адмирала В. А. Корнилова. Всё время осады священник находился в Севастополе, неся службу в Петропавловском храме, пока тот не был разрушен.

В 1896 г. были опубликованы письма А. Г. Лебединцева к преосвященному Иннокентию (Борисову), архиепископу Херсонскому и Таврическому. В письмах рассказывается о состоянии церковью Крыма, приводится отчетность о действиях и расходах священника. По сути, это письма непосредственному церковному начальнику от подчинённого. Однако, помимо этого, эпистолярный содержит ценные сведения о ходе военных действий, рассуждения священника о происходящем. Протоиерея Арсения, кажется, интересует любая подробность осады и сражений: «Неприятели перевозят большие орудия в Балаклаву и ставят меньшие, иные зарывают в землю» [Лебединцев, с. 33]. В письмах встречаются

описания города: «Пройти по какой-либо улице всё равно что по лагерю; всё наполнено солдатами» [Там же, с. 105]. Рассказывает о. Арсений и о том, как играют в войну, точно копируя ход сражения, севастопольские мальчишки: «На улице строят из камушков бруствер» [Там же, с. 37]. В письмах упоминаются многие люди, как военные, так и представители других профессий, которые принимают участие в обороне Севастополя, например: «Доктор Пирогов, как слышу, на Северной стороне» [Там же, с. 41].

Этот эпистолярный источник отличается спокойным, даже малоэмоциональным изложением фактов, вниманием к деталям и описанием многих эпизодов, только благодаря письмам протоиерея ставших достоянием истории. Таков, например, рассказ о полковом священнике Иоаникии, который «опять был героем в деле, ходил с крестом впереди солдат и заставил броситься на штыки» [Там же, с. 87]. Автор подробно описывает и действия священника, и его храбрость, и уважительное отношение, которое проявляют к нему окружающие.

Одним из выдающихся современников Крымской войны был архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий (И. А. Борисов) (1800–1857). Война развернулась на территории вверенной архиепископу Иннокентию епархии, и он посчитал своим долгом стать её активным участником, по сути «превратившись в национального героя» [Мельникова, с. 85]. Архиепископ Иннокентий, «истинный пастырь», как в письме от 15 апреля 1855 г. назвала его В. С. Аксакова [Крымская война в истории России ... , с. 140], во время войны совершал многочисленные поездки в Крым, проводил торжественные богослужения, литургии и напутственные молебны, читал проповеди даже во время бомбардировок, молился вместе с войсками. Особое внимание уделял архиепископ раненым, с которыми встречался в госпиталях, для которых собирал продовольствие и книги. Исследователи называют проповеди Иннокентия Таврического одним из «факторов победы русского духа в Крымской войне» [Щербакова 2019, с. 360].

Историки отмечают, что преосвященный Иннокентий вёл во время войны активную переписку, в частности, им было получено более 500 писем [Кондратенко, с. 64]. Первая публикация эпистолярного наследия архиепископа

Иннокентия была осуществлена Н. И. Барсовым в 80-х гг. XIX в. Эти письма представляют собой «важный и малоизвестный источник для истории православия в Крыму» [Калиновский, с. 41].

В своих письмах периода Крымской войны 1853–1856 гг. архиепископ выступает добрым и мудрым пастырем. Он неоднократно называет слово Божье и православную веру главным оружием в этой войне: «Нам предстоит противиться им именем Господним» [Иннокентий, с. 94]. Преосвященный Иннокентий высоко оценивает дух русского войска: «Каждый готов на смерть в ожидании венца мученического» [Там же] и твёрдо верит в победу: «Севастополь наш стоит и будет стоять» [Там же, с. 97]. В письмах архиепископ Иннокентий (Борисов) предстает человеком, полностью погружённым в своё духовное служение, всеми силами старающимся оказать молитвенную помощь своей пастве и всей России.

Деятельность архиепископа Иннокентия в Севастополе вызвала живое обсуждение современников, в том числе в церковных кругах. Так, митрополит Филарет (Дроздов) описывает, как преосвященный Иннокентий объявил о вознаграждении в два рубля серебром для татар за каждого вынесенного с поля боя раненого и таким образом спас около ста русских солдат. Филарет передаёт всеобщее восхищение по этому поводу: «Это благословенное архиерейское дело» [Филарет 1883, с. 317].

Сохранились письма современника Иннокентия — послушника, а затем иеродиакона и иеромонаха (оба посвящения проводил сам архиепископ) Святогорского монастыря³⁰, которые на протяжении почти 15 лет наблюдал за деятельностью Преосвященного. Автор описывает реакцию Иннокентия на прибытие парохода с ранеными в сражении при Альме: «он, можно сказать, ранен был в самое сердце» [И. В., с. 122], показывает, как архиепископ говорит прихожанам Соборного храма «слово правды», строго укоряя их в малодушии, а на другой день выступает со «словом утешения» [Там же, с. 123], тем самым являя глубокие знания человеческой души. В письмах иеромонаха преосвященный раскрывается и с неожиданной стороны: Иннокентий временами, по

³⁰ В конце каждого из писем стоят инициалы И. В.

свидетельствам очевидцев, «был похож более на полководца, нежели на архиерея» [Там же] из-за того, что интересовался самыми разными военными материалами: картами, планами и т.п. Более того, оказавшись в Севастополе, архиепископ осведомлялся о каждом бастионе, давая комментарии по стратегическим вопросам.

Особое восхищение вызывает у автора писем безусловная храбрость Иннокентия. Так, когда они переплавлялись на катере с Северной на Южную сторону Севастополя, вблизи кормы упала бомба, преосвященный «так был тверд, что трудно было уловить перемену в его лице» [Там же, с. 126]. Иеромонах сообщает также о том, что Иннокентий собирался ходить по траншеям и лишь увещевания генерала Тетеревникова, князя Горчакова и графа Остен-Сакена смогли остановить его.

Поведение архиепископа Иннокентия и других священнослужителей³¹ в период войны позволяет современным исследователям говорить, что «в годы Крымской войны православное духовенство находилось в самой гуще событий» [Фруменкова, с. 17], что «русская Православная Церковь в годы лихолетья оказалась на высоте своего служения, разделив со страной все тяготы и лишения» [Кондратенко, с. 65].

Сестрой милосердия служила в осаждённом Севастополе Александра Петровна Стахович (1818–1881). В самый разгар сражений за Севастополь она была сестрой-настоятельницей (начальницей) Крестовоздвиженской общины. Её письма были опубликованы в 1855 г. в «Морском вестнике» под заголовком «Извлечения из писем госпожи начальницы Крестовоздвиженской общины Сестёр попечения о раненых в Крыму». В письмах подробно описывается деятельность сестёр милосердия, связанная с помощью раненым, которые принимали безропотно и заботу сестёр, и известия о близкой смерти от неизлечимой раны. Выписки из писем полны верноподданнических настроений, в них упоминается, что солдаты и офицеры воюют и умирают «за царя и Отечество» «с великой

³¹ В книге воспоминаний «Севастопольский разгром» М. А. Вроченский описывает поведение на поле боя иеромонаха Иоанникия (Савинова), который «в эпитрахили и с крестом в руке среди грохота пальбы и стонов раненых ободрял сражавшихся пением тропаря “Спаси, господи, люди Твоя”» [Вроченский, с. 90] и даже оказался на вражеской траншее, где едва не был ранен.

радостью» [Извлечения из писем ... , с. 65]. В письмах изображено несколько конкретных случаев с указанием подробностей ранения и возможности или невозможности излечения, при этом имена раненых не называются, что создаёт впечатление типичности каждого описываемого случая. Стахович эмоционально описывает сдачу Севастополя: «Весь город был превращён в огненное море» [Там же, с. 68] — и то, какое гнетущее впечатление оставление города произвело на очевидцев.

В 1865 г. вышло в свет «Собрание писем сестер Крестовоздвиженской общины попечения о раненых», в котором помимо писем Стахович были опубликованы извлечения из писем сестер, находившихся под ее руководством: Екатерины Бакуниной, Марии Меркуровой, Варвары Щедриной, Александры Травиной, Чупати, — и начальницы Финляндского отделения Августы Шульц. В этих источниках мы находим сведения о проведении операций, о питании, в котором нуждались раненые (сестры наблюдали за их предпочтениями, советовались с врачами и лишь потом в письмах просили прислать те или иные продукты), о материалах, необходимых для ухода (упоминаются корпии, компрессы, бинты, булавки, шелк). Многие из сестер ассистировали на операциях, проводимых Пироговым, — для каждой из них это стало драгоценным опытом. Так, Мария Меркурова 16 января 1855 г. пишет: «Это человек, которому подобного редко можно встретить, он весь прикован к своему делу, и, кажется, у него нет другой мысли, как о раненых и больных» [Собрание писем ... , с. 28]; Александра Травина отмечает и строгость Пирогова, и его доброту: «Выговоры от благороднейшего и добрейшего нашего начальника Пирогова я принимаю с совершенною покорностью и кротостью» [Там же, с. 36]; Александра Стахович рассказывает, как застала профессора за операцией, когда приехала поздравить его с Пасхой: «И праздника нет этому великому мужу» [Там же, с. 42].

Женское восприятие происходящего проявилось в письмах в первую очередь в том, что в письмах сестер милосердия постоянно встречаются упоминания об эмоциональном состоянии. Сестры описывают чувство страха и его преодоление: «О моей смелости я пишу для того, чтобы вы успокоились и верили, что я не боюсь

ничего решительно» (из письма Стахович) [Там же, с. 23], «Под выстрелами и мне, равнодушной к жизни, <...> становится немного страшно» (из письма Меркуровой) [Там же, с. 28]; равнодушие к страшным картинам войны: «Признаюсь вам, меня возмущает мое хладнокровие. Я стою у операционного стола, подаю лигатурный шелк, кровь течет по моим рукам, по моему платью — и я остаюсь равнодушна» (из письма Бакуниной) [Там же, с. 30]; переживания за судьбу города и его защитников: «Сердце болело за наших храбрых солдат, а душа страдала за наш непоколебимый Севастополь» (из письма Стахович) [Там же, с. 53]; «мы к ним так привыкли, что если который умрет, то плачем и грустим» (из письма Щедриной) [Там же, с. 29]; скорбь во время похорон своих подруг: «Не могу выразить, как тяжело было моей душе, когда гроб опустили в могилу. Тут уже я потеряла всю бодрость духа» [Там же, с. 26]. Стахович, как начальница, ощущала особую ответственность за душевное состояние сестер — именно поэтому в ее письмах так много внимания уделяется описаниям чувств. Например, она внимательно наблюдает за сестрами на богослужении во время чтения Двенадцати Евангелий и отмечает, что, несмотря на оглушающие звуки бомбардировки, «они были совершенно покойны, и одна усердная молитва отражалась в их лицах» [Там же, с. 37].

Ценность эпистолярия сестер милосердия заключается не только в откровенных описаниях собственных чувств, но и в чутком отражении на страницах писем и эмоционального состояния раненых, их поведения уже не на полях сражений, а на операционном столе, в палатах госпиталя, на церковных службах. «Удивительная черта добродетели между больными!» [Там же, с. 25] — пишет Стахович. В письмах сестер милосердия нашли отражение многочисленные примеры благородства, мужества, высоты духа русских солдат: при раздаче чая раненые просили сначала налить его более слабым больным [Там же, с. 25], ласково, с благодарностью относились к сестрам, называя их «матушками» [Там же, с. 29], горячо, слезно молились [Там же, с. 36, 40].

Безусловно, участие сестер в операциях и перевязках, обеспечении раненых должным питанием, решении многочисленных хозяйственных вопросов сделало

их восприятие жизни вне госпиталя более острым. Именно поэтому в их письмах так отчетливо обозначен контраст между противоестественной военной жизнью и естественной мирной. Так, в письме Стахович встречаем описание восхода солнца, сопровождаемого пением птиц, и лежащих на земле раненых, многие из которых умирают: «Боже мой, что за контраст с этим весенним утром!» [Там же, с. 58]. Она рассказывает и о посещении городского рынка, атмосфера которого совсем не соответствовала осажденному Севастополю [Там же, с. 44].

Сестры милосердия, оказавшись в эпицентре военных действий, несомненно, ощущали масштаб Крымской войны не только как исторического события, но и как периода, уникального с духовной точки зрения. То, что предстало перед их глазами, было значительно, по-своему интересно, многообразно: «для описания всего надо по неделе на каждый день здешней жизни» [Там же, с. 28]. Сестра Меркурова чувствовала, что опыт сестер милосердия обладает безусловной ценностью и должен быть передан современникам и потомкам: «Ежели Бог сохранит нас, сколько интересного вы услышите, когда вернемся!» [Там же]

Не все авторы писем, относящихся к эпистолярию Крымской войны, находились в этот период в районе боевых действий. Так, будущий литературный критик, поэт и публицист Николай Александрович Добролюбов (1836–1861) во время войны был студентом Петербургского педагогического института; когда началась война, ему было семнадцать лет. В его письмах этого периода переданы и исторические факты, и состояние российского общества, и собственные эмоции автора.

Письма Добролюбова³² предназначены нескольким адресатам, однако практически во всех посланиях юноша выказывает схожие чувства, в первую очередь радость от одержанных русскими войсками побед и гордость за Отечество. Например, в письме от 30 ноября 1853 г. он делится с тётушкой и дядюшкой радостью по поводу Синопской победы: «Победоносное российское оружие увенчалось недавно новою неувядаемою славою» [Добролюбов, с. 79]. Однако

³² Отражению Крымской войны в литературном наследии Н. А. Добролюбова посвящена статья Н. А. Токаревой [Токарева].

далее следуют строки, показывающие, насколько молод был автор письма, для которого в «торжестве победы» самое ценное то, что «не было после обеда немецкого класса!» [Там же]. Добролюбов упоминает в эпистолярной о многочисленных патриотических стихах, ходящих в списках, о новых патриотических пьесах, поставленных в театре, и о множестве других фактов, в целом составляющих представление о настроениях общества того времени, об охватившем людей патриотическом подъёме.

Не находились на месте боевых действий и многие священники, которые вели во время Крымской войны активную переписку: митрополит Филарет (Дроздов), игумен Антоний (Бычков) и др.

Митрополит Московский и Коломенский Филарет (Василий Михайлович Дроздов) (1782–1867) во время Крымской войны начинает вести переписку гораздо менее активно, чем в предыдущий период. Письма этого периода Филарет адресовал в первую очередь наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандриту Антонию. В письмах события войны 1853–1856 гг. освещаются с позиций православного христианина: «Един Бог наша надежда. Воины наши одушевлены добрым духом» [Филарет 1883, с. 307–308]. Для автора эпистолярная несомненны религиозные причины войны: это необходимость защитить те православные народы, которые на чужих территориях «остались в жертву, за расположение к нам» [Там же, с. 317], а также «общий заговор Европы против России» [Там же, с. 320], которая в Восточной войне противостоит этой враждебности и является жертвой козней европейских врагов. Как отмечает Дмитриев, в письмах Филарета явлено «сокровенно таимое им в глубине сердечной свое очень человеческое и милосердное существо» [Дмитриев 2010, с. 136], поскольку он грустит вместе со всем народом, сочувствует служению священников, оказавшихся вблизи военных действий, восхищается подвигами русских воинов, осуждает «недальновидность военного руководства в Крыму» [Там же, с. 127] и т. п.

Письма игумена Антония (Алексея Поликарповича Бочкова; 1803–1872) к оптинскому старцу Макарию (Иванову), хранящиеся в материалах Российской

государственной библиотеки, опубликовал В. Ю. Кутикин. Пребывая в монастыре, Антоний «следил за церковной и светской периодикой, новинками литературы, внешне- и внутреннеполитических событий» [Кутикин, с. 41], поэтому его эпистолярный также представляет собой значимый исторический источник. Хотя в этих письмах нет сведений о ходе войны, о её участниках и событиях, они наполнены впечатлениями и размышлениями, которые отражают взгляд на войну, характерный для образованного человека того времени.

Так, иг. Антоний часто апеллирует к Богу — защитнику России: «Вернейший союзник наш Господь» (письмо от 24 октября 1854 г.) [Там же, с. 45]. Настоящими врагами в этой войне православный игумен считает католиков, которым ненавистно Православие и которые захватывают всё более уверенные позиции в Европе. Их агрессия, по мнению иг. Антония, и является движущей силой Крымской войны: «Во Франции до 25 монастырей разных орденов, и есть журналы, воздвигающие всех католиков на брань с нами, православными» [Там же, с. 46]. Автор называет «общеправославную» Россию «страшной для Европы» [Там же, с. 47]. В случае поражения в войне он пророчит «поругание над Православием», потому что «европейцы хуже татар» [Там же]. Эпистолярный игумена Антония интересен именно этим типичным для представителя духовного сословия того времени взглядом, а также передачей ярких чувств автора — патриотических и религиозных.

По окончании войны, в апреле 1856 г., иг. Антоний высказывает в письме мнение о тех соотечественниках, которые веселятся и купаются в роскоши, так быстро забыв о погибших: «Смерть лучше постыдной жизни: те, которые легли костями на валах Херсонесских и Анатолийских, те срама не имеют!» [Там же, с. 54] Для игумена, порицавшего роскошь и считавшего стремление к ней одним из страшнейших грехов современников, такое поведение было неприемлемо.

Существует несколько эпистолярных источников, оставленных женщинами, которые наблюдали за Крымской войной со стороны. Среди них письма Анны Фёдоровны Тютчевой (1829–1889), старшей дочери знаменитого поэта Ф. И. Тютчева, которая в период Крымской войны была фрейлиной цесаревны, а

затем императрицы Марии Александровны. Во время войны А. Ф. Тютчева вела активную переписку с воспитательницей Марии Александровны м-ль Гранси, которая проживала в Дармштадте. Фрейлина рассказывает своей «милрой тётеньке» (как она называла м-ль Гранси) о кровопролитных сражениях и немалых потерях российских войск: «Мы потеряли только ранеными 3500 солдат и 190 офицеров. Число убитых пока неизвестно» [Тютчева, с. 336], делится иногда приходившим к ней ощущением тщетности войны: «Кругом столько крови, столько страданий — и все это безрезультатно» [Там же].

Сообщая собеседнице подробности жизни двора, великой княгини и других членов императорской семьи, Тютчева все равно возвращалась к событиям военного времени: «Молодые Великие князья награждены Георгиевскими крестами. Они выказывают великолепное хладнокровие и мужество, что, впрочем, неудивительно» [Там же, с. 338].

Интересны также эпистолярные, в которых описаны события, относящиеся к непосредственным последствиям Крымской войны. Александру Викторовичу Рачинскому (1826–1877), в марте 1855 г. поступившему прапорщиком в одну из дружин Смоленского ополчения, принадлежат «Походные письма ополченца из Южной Бессарабии 1855–1856 г.» А. В. Рачинским описан поход, связанный с передачей Россией врагу по итогам мирного договора части Бессарабии. Это письма, содержащие важные этнографические сведения о жизни южных земель, где подробно изображено каждое селение, через которое проходит автор, русский ополченец. Письма полны сочувствия угнетаемым православным людям, которые живут на землях Турции и пытаются бороться за свою свободу. К примеру, Рачинский приводит слова песни о родине, которую поют болгарские волонтеры, и комментирует: «Здесь слова: родина, любовь, надежда — не пустые звуки» [Рачинский, с. 22]. Итоги Крымской войны, по которым часть земель, населённых славянами, надо отдать Оттоманской империи, удручают ополченца, и он восклицает: «Веди нас драться в Болгарию; дай нам собраться всем вместе, и мы покажем!» [Там же, с. 23] При этом Рачинский, конечно, радуется заключению мирного договора и окончанию войны: «Уф! мир заключен! Слава Богу за всё!»

[Там же, с. 35], но не может смириться с тем, что эта военная кампания не достигла всех своих целей.

Ценность писем как исторических источников, содержащих важные фактологические, психологические, нравственные, эмоциональные сведения, стала очевидна для современников еще в период Крымской войны. Издавались для всеобщего чтения в виде брошюр сборники писем, например, «Севастополь в нынешнем состоянии. Письма из Крыма и Севастополя» [Севастополь в нынешнем состоянии ...]. Сборник содержит несколько писем, первое из которых датируется 4 мая 1854 г., а последнее — 30 января 1855 г. Автор и адресат писем неизвестны. В издании писем опущена этикетная часть, оставлен только рассказ о различных событиях обороны и осады Севастополя. О том, что перед читателем всё же эпистолярный, а не стилизованное под него повествование, ему должны сообщить обращения: «Пишу вам, м. г., под выстрелами неприятельских ядер, бомб и картечи» [Там же, с. 13] и отчётливо звучащий голос рассказчика: «И я видел это неимоверно жестокое сражение» [Там же, с. 15]. Впрочем, художественное происхождение писем сборника также нельзя исключать, но для читателя-современника они должны были стать свидетельствами очевидца.

Автор писем, помещённых в этот сборник, по-видимому, представитель младшего офицерства: они написаны строгим, но незамысловатым языком. Адресант говорит о праведности войны, героизме защитников Севастополя, Божественном покровительстве, которым они окружены: «Мы крепко надеемся на милость Всевышнего» [Там же, с. 13–14]. Защитники Севастополя называются «храбрыми и неустрашимыми христоролюбивыми воинами» [Там же, с. 27], а их гибель на поле боя показывается как завидная: «Славная смерть!» [Там же, с. 21]. Сборник ценен и передачей характерного для общества того времени настроения, и упоминанием деталей обороны Севастополя этих нескольких месяцев. Например, в письме от 23 января 1855 г. сообщается о «подземном взрыве в <...> контр-мине» [Там же, с. 43].

Различного рода сборники, посвящённые Крымской войне, публиковались и в первые десятилетия после её окончания. В их числе — «Материалы для истории

Крымской войны и обороны Севастополя», издаваемые комитетом по устройству Севастопольского музея. С 1871 по 1874 гг. вышло 5 выпусков. Письма в этих сборниках были представлены лишь как один из видов документальных свидетельств войны, наряду с циркулярами, положениями, манифестами, депешами, прокламациями, декларациями, газетными статьями и т. п. Рассмотрим некоторые из эпистолярных документов.

В извлечении из письма капитана 2-го ранга Платона Васильевича Воеводского (1816–1885), опубликованном в выпуске I, рассказывается о последних минутах жизни П. С. Нахимова. Письмо наполнено горечью по поводу гибели адмирала: «Весь флот оплакивает адмирала, и только в эти минуты выказалось, какой всеобщей любовью он пользовался» [Воеводский, с. 96]. В письме подробно, по часам и минутам, описаны события последнего дня жизни военачальника. П. В. Воеводский происходил из семьи потомственных русских флотоводцев, он командовал бригам «Орфей» в Синопском сражении; впоследствии стал вице-адмиралом.

В письме из Одессы от 22 апреля 1854 г. (впервые опубликовано в № 49, 50 «Одесского вестника», а затем во втором выпуске «Материалов...») беллетрист, редактор «Одесского вестника» Константин Бонифатьевич Картамышев (1819–1880) рассказывает об одном из наиболее значимых эпизодов Крымской войны — бомбардировке Одессы 1854 г. События, произошедшие в городе на Страстной и Светлой Седмице, впоследствии показавшиеся ему сном, «которого не забудешь во всю жизнь со всеми его подробностями» [Картамышев, с. 87], Картамышев описывает неравнодушно, ведь Одесса — родной для него город, который он жалеет. Автор стремится воссоздать в письме атмосферу города, Соборная площадь которого в Великую Субботу «превратилась в военный стан» [Там же, с. 75]. Он рассказывает о жителях, которые, увидев неприятельские линейные корабли и пароходы, покинули Одессу, а также о тех, кто решил остаться в городе и с любопытством наблюдал с бульвара за вражеской эскадрой. Среди последних он выделяет две группы мужичков: в одной «беззаботно лежали спиной вверх на самом краю обрыва и, подпершись руками и болтая ногами, смотрели на бой»

[Там же, с. 77], а в другой любой пролетавший заряд «сопровождали смехом, прибаутками и насмешливыми жестами» [Там же], тем самым дразня неприятеля и будто бы вызывая огонь на себя. Описывает автор и мужественное поведение одесских женщин. Картамышев передает диалог генерала Остен-Сакена с некой девицей Видман, которая на вопрос о том, почему она не боится вражеских снарядов, гордо заявляет: «Разве я не русская?» [Там же, с. 79] Автор ощущает чувство единения с горожанами, ставшими одним целым перед лицом опасности, беседующими друг с другом «будто давние знакомые» [Там же, с. 81]. Кульминацией описанных Картамышевым событий становится Пасхальная служба, во время которой он испытал особое воодушевление, потому что именно тогда «чувствовал, чем сильна Россия, в чем источник ее несокрушимой стойкости» [Там же, с. 82]. Осознание того, что церкви заполнены верующими, несмотря на бомбардировку, что люди «безбоязненно» (это слово автор повторяет дважды) [Там же] воспевают Христа, вселяет в Картамышева веру в непререкаемую победу православных над врагом.

Анализируя эпистолярный, посвященный Крымской войне 1853–1856 гг., нельзя не коснуться языка писем, их художественных достоинств. Авторы старались точно и эмоционально передать свои чувства и впечатления — это делало язык писем особенно выразительным. Например, А. Н. Минх описывает, как священник перед сражением 4 августа 1855 г. на Черной речке благословляет полк, как солдаты молятся. Эту молитву Минх называет «теплой» [Минх, с. 105] — в этом эпитете отражена искренность веры простых людей, их естественная набожность. С помощью метафоры В. Н. Худеков рассказывает, какие возможности открывает перед офицерами и солдатами война: «Война — огромный банк. В банке: чины, кресты, слава» [Худеков, Худеков, с. 30]. А. П. Орда предельно выразительно, образно описывает штурм Малахова кургана: «Я в моей жизни не видел и не увижу такого чудного фейерверка. Это решительно было светопреставление» [Орда, с. 613].

Нередки в эпистолярной очевидцев Крымской войны и сравнительные обороты, обладающие высокой изобразительной силой, оценочностью. Они

помогают авторам делать описания более выразительными: «Как гнёзда ласточек кажутся прилеплены кельи к утёсу» — таким видит Минх Успенский монастырь, расположенный в трех верстах от Бахчисарая [Минх, с. 100]. Сравнения передают и экспрессивное восприятие военных событий: «Восемь паровых и линейный корабль, будто разъярённые звери, бешено ревели, извергая опустошительный огонь» [Картамышев, с. 79].

Выбираемые для сравнения образы могут быть обусловлены профессиональной деятельностью авторов. Например, начинающий медик К. Н. Леонтьев пишет: «Моя настоящая служба тоже нравится мне порой, как невкусное лекарство, от которого видишь пользу» [Леонтьев 1993, с. 27]. В письмах Леонтьева также широко применяются фразеологизмы и пословицы, которые автор органично вплетает в словесную ткань писем, иногда немного трансформируя: «Благодаря Бога, порадую Вас тем, что лицом в грязь не ударил до сих пор. <...> Одним словом, взялся за гуж, так не кричи, что не дюж» [Там же, с. 22].

Изучение писем периода Крымской войны 1853–1856 гг. имеет большие перспективы. Наличие исследовательских лакун связано с различными причинами, в том числе идеологическими, в частности, с тем, что в советское время недостаточно внимания уделялось письмам духовных лиц. Эти источники требуют более внимательного и разностороннего изучения. Сейчас, по прошествии едва ли не двух веков, у исследователей появилась возможность опубликовать и проанализировать переписку, ранее хранившуюся только в архивах, а также расширить подходы к тому эпистолярию, который уже издан.

2.3. Участники Крымской войны как мемуаристы

Важной формой осмысления событий Крымской войны 1853–1856 гг. стало создание их участниками мемуаров. Мемуары представляют собой «повествование от лица автора о реальных событиях прошлого, участником или очевидцем которых он был» [Литературный энциклопедический словарь, с. 215]. Мемуарная литература схожа, с одной стороны, с дневниковой, а с другой — с исторической

прозой, однако, в отличие от последней, автор мемуаров «основывается преимущественно на собственных непосредственных впечатлениях и воспоминаниях» [Там же] и является центральной фигурой текста.

И письма, и мемуары — «источники творческой истории» [Введение в литературоведение ... , с. 148], однако это различные по своей природе источники. Основное отличие мемуарной литературы от эпистолярной состоит в том, что мемуары хронологически отдалены от переписки очевидцев, в связи с чем они носят иной характер как исторический документ и как свидетельство. Если письма пишутся по свежим следам, то мемуары создаются по прошествии времени. К написанию мемуаров зачастую обращаются люди, пережившие сильные потрясения и в связи с этим испытывающие потребность поделиться с современниками и потомками своим восприятием тех или иных событий. Выйдя в отставку, многие участники Крымской войны 1853–1856 гг. селились в своих имениях, становились помещиками и нередко брались за воспоминания. Ретроспективное восприятие событий войны помогало обобщить пережитое и увидеть масштаб, значимость события, поскольку эмоциональная память была жива и происходил пересмотр ценностей, расстановка новых акцентов.

Участники Крымской войны прекрасно понимали, что их мемуары будут оказывать влияние на формирование восприятия событий 1853–1856 гг. не только у простых читателей, но и у историков. Есть воспоминания, где высказываются опасения в том, что в связи с большим количеством мемуаров специалистам будет сложно составить собственное мнение о произошедшем. Например, контр-адмирал В. А. Стеценко предваряет мемуары таким суждением: «Не уверен, что при большом числе подобных записок <...> будущий историк Крымской кампании в состоянии будет значительно уяснить свой взгляд на события этой великой драмы» [Стеценко, с. 196].

Обычно с момента завершения войны до написания мемуаров проходило немало времени, память участников ослабевала, в воспоминаниях оставались только яркие события. Так, неизвестный автор³³ воспоминаний «Оборонительная

³³ В конце воспоминаний стоит подпись «Севастополец» [Оборонительная казарма ... , с. 109].

казарма бастиона № 5» указывает на то, что пишет их спустя 15 лет по окончании Севастопольской обороны, и в связи с этим сообщает читателям: «Многое из мелочи забылось; расскажу лучше о том, что тверже врезалось в память» [Оборонительная казарма ... , с. 91]. Е. Р. Корженевский создает мемуары через 16 лет после завершения осады Севастополя и отмечает: «Много уже стусебалось в памяти, иное изгладилось из нее, оставив по себе один неясный след» [Корженевский, с. 3] — и признается, что завидует тем, кто не был на передовой, а имел возможность наблюдать за событиями войны со стороны: «Блажен стократ тот из соучастников обороны Севастополя, кому удавалось <...> созерцать бури артиллерийского огня <...> затем, чтобы, пользуясь относительным комфортом городской квартиры, по случаю состояния при штабе, на досуге, в тиши кабинета, с фотографической верностью отмечать все это на бумаге для того, чтобы потом, по приведении заметок в систематический порядок, при помощи типографского станка, выпустить их в свет на память потомству, в назидание поколениям! Поистине, завидна доля тех немногих счастливых» [Там же, с. 3–4]. Начиная воспоминания с таких рассуждений, автор, безусловно, хочет заручиться снисходительным отношением читателей в случае, если в воспоминаниях будут ошибки и неточности.

Большинство авторов не стремились отразить в воспоминаниях всю панораму войны. Именно поэтому многие из них подчеркивали, что их взгляд на войну был ограничен: «Притом извиняюсь, что знал только Пятый бастион да немного окружающие батареи» [Оборонительная казарма ... , с. 91]; «Кругозор находившегося на бастионе офицера был слишком мал» [Милошевич, с. 8]. Искусственно повышать свою осведомленность о войне путем чтения печатной литературы, посвященной Крымской войне, мемуаристы зачастую не хотели, объясняя это разными причинами. Например, Н. С. Милошевич писал, что «лишен был досуга — следить за нею (*печатной литературой о прошедшей войне.* — М. П.) — после оставления военной службы» [Там же, с. 8], а официальные описания Севастопольской обороны не совпадали с его собственным восприятием города — он «не имел терпения читать» их [Там же, с. 9]. Контр-адмирал Стеценко

при написании мемуаров также не использовал никаких дополнительных источников, несмотря на то что имел к ним доступ, потому, что стремился передать в воспоминаниях только личные воспоминания, исключительно свое понимание произошедшего [Стеценко, с. 195].

Мемуары представляют собой «текст культуры» [Шкляева, с. 3], их специфика «обусловлена культурой воссоздаваемой эпохи и спецификой ее мышления» [Там же, с. 7]. Они анализируются учёными как источник культурологических исследований [Головина], как литературоведческий источник [Тарасова], ценны они и как исторические источники [Блуднова; Тартаковский 1980; Он же 1991; Чечулин].

Историки рассматривают мемуары современников Крымской войны, в частности, как источник сведений об осажденном Севастополе. Например, исследователей интересуют описания улиц, бульваров, площадей, дворцов, гостиниц, библиотек, пристани и т. п. Историки наблюдают за тем, как в воспоминаниях современников отразились изменения, произошедшие в городе, например, то, что «большая часть Севастополя, примыкающая к линии бастионов, к весне 1855 г. представляла груды развалин» [Дьяконова, с. 29]. По мнению историков, мемуары позволяют понять, в какой степени оборона Севастополя повлияла на будущие поколения, и вплотную приблизиться к изучению «феномена исторической памяти, связанной с историей Крымской войны и обороны Севастополя» [Шаповалова 2018б, с. 4].

Используя мемуары участников событий Крымской войны как источники, историки обращают внимание на различные стороны военных и связанных с ними действий, о которых в той или иной форме пишут мемуаристы. Б. П. Миловидов анализирует положение военнопленных в годы Крымской войны и делает вывод, что общество относилось к ним «вполне гуманно» [Миловидов, с. 162]. Н. Н. Смолин рассматривает отражённые в мемуарах и других источниках о ходе Крымской войне 1853–1856 гг. черты массового героизма русских войск. По его мнению, практически все российские участники войны проявляли готовность

отстаивать собственные традиционные ценности, проявляя самопожертвование [Смолин 2005, с. 91].

Наблюдения за мемуаристкой XIX в. показывают, что Крымская война оказалась для нее переломным моментом. Если до этого мы имели дело с мемуарами военачальников, людей, участвовавших в войне на политическом уровне и в связи с этим чувствовавших свою ответственность за результат, мемуары современников Крымской войны демократизировали этот жанр. Крымская война и в особенности оборона Севастополя, стали событиями, участники которых были наиболее активны в написании мемуаров. Один из крупнейших исследователей русской мемуаристики XVIII – первой половины XIX в. А. Г. Тартаковский отмечает, что Крымская война стала «крупнейшим после 1812 г. военно-политическим событием национального значения, уже во второй половине 50-х годов породившим целый поток воспоминаний его современников: только на эти годы приходится 97 мемуарных публикаций из 139 за все десятилетие» [Тартаковский 1980, с. 148].

Поскольку героическая оборона Севастополя стала наиболее значимым, центральным и, можно сказать, знаковым событием Крымской войны 1853–1856 гг., именно ей посвящено значительное количество мемуаров, она отразилась практически во всех откликах современников. Историки установили, что только Севастопольской обороне 1854–1855 гг. посвящено более 200 мемуаров [Шаповалова 2018б, с. 182–198].

Восточная война стала периодом, во многом определившим мировоззрение целого поколения. В связи с этим очень точными, на наш взгляд, являются слова современника Крымской войны — писателя, журналиста, общественного деятеля Н. В. Шелгунова: «После Севастополя все очнулись, все стали думать и всеми овладело критическое настроение» [Шелгунов и др., с. 77]. События Крымской войны стали детонатором некоего мемуарного взрыва: они побудили значительное количество современников взяться за перо и попытаться осмыслить собственный опыт и то, что произошло с государством и народом.

Мемуарные источники не менее важны, чем периодика и письма, они «сопровождают текстологическое исследование и способны существенно дополнить его» [Введение в литературоведение ... , с. 141], вкуче формируя литературно-исторический контекст, в рамках которого развивались и общественная мысль, и художественная литература. Однако далеко не всегда мемуарные источники следует считать всецело достоверными. Как отмечают исследователи, «необходимо помнить, что многие свидетельства мемуаристов требуют к себе, как источнику, особого критического отношения» [Там же]. Очень точно о последствиях недобросовестных свидетельств высказывался в дневнике Л. Н. Толстой, сам неоднократно страдавший от них: «Всякий человек бывает слаб и высказывает прямо глупости, а их запишут и потом носятся с ними, как с самым важным авторитетом» [Толстой, т. 66, с. 124].

Однако были и случаи, когда авторы мемуаров, наоборот, стремились установить истину. Например, Владимир Флорианович Бейтнер, участник Альминского сражения, познакомившись с посвященной этой битве статьей, опубликованной в 1859 г. в «Военном сборнике», решил написать мемуары для восстановления исторической правды: «Статья возбудила во мне желание передать мои воспоминания <...>. В то же время я хотел указать на некоторые неверности, вкравшиеся в названную статью» [Бейтнер, с. 283]. Ф. Фон Драхенфельс, командир штурмовой батареи на Малаховом кургане, написал воспоминания в первую очередь для того, чтобы убедить современников в том, что он и его товарищи «Малахов курган защищали до последней крайности и штурм <...> на оный курган не проспали» [Драхенфельс, с. 67].

Алексей Дмитриевич Комовский, выпускник лицея, затем чиновник морского ведомства, во время Крымской войны 1853–1856 гг. состоявший при главнокомандующем российских войск князе А. С. Меншикове управляющим военно-походной канцелярией, был хорошо осведомлен о ходе войны. Обилие литературы о войне в первые послевоенные годы вызвало у Комовского желание разобраться в достоверности тех фактов, которые предлагали читателям авторы. Так появился труд «Некоторые ошибки и заблуждения в рассказах и сочинениях о

Крымской войне», который был опубликован спустя три года после войны. Автор отмечает, что он «не тактик, не стратег» [Там же, с. 1], однако считает своим долгом отметить заблуждения, встречающиеся в «печатных повествованиях о достославной защите Севастополя» [Там же]. Книга обращена к «будущим историкам» [Там же, с. 2], которых автор стремится уберечь от возможных ошибок. По мнению Комовского, его положение в непосредственной близости к военным действиям и ведение им «по горячим следам» [Там же, с. 3] подробного дневника даёт ему право на выявление ошибок и заблуждений.

Комовский называет Крымскую войну «запутанной, но кровавой драмой» [Там же, с. 5]. Он отмечает, что при описании военных событий авторы бывают «насилуемыми иногда и политическими соображениями» [Там же, с. 6], и именно поэтому необходимо критически подходить к материалам о Крымской войне, которые полны верноподданнических настроений. Комовский утверждает, что при описании военных действий «неофициальные сведения» [Там же, с. 7] играют не меньшую, а порой и большую роль, чем официальные. Однако таких сведений, по мнению Комовского, в печати очень мало: «У нас не совсем ещё привыкли к неофициальному изложению и разбору какого бы то ни было важного государственного события» [Там же, с. 8].

Подробно остановившись на причинах недостаточно глубокого и беспристрастного осмысления Крымской войны, Комовский переходит к анализу событий войны, непосредственным свидетелем которых он был. Он подробно описывает Альминское дело и военные ошибки, которыми оно сопровождалось: несвоевременное введение в сражение резервов, непонимание командованием всей картины битвы и т. п. Комовский также стремится опровергнуть «странное заблуждение, которое относится к некоторым подробностям обороны Севастополя» [Там же, с. 16]. Приводя пространные цитаты из опубликованных к тому времени произведений о Крымской войне других авторов, Комовский отмечает, что идея затопить суда Российского флота в устье бухты Севастополя с тем, чтобы преградить вражескому флоту вход в неё, обычно приписывается генерал-адъютанту В. А. Корнилову. Затопление судов автор называет «глубоко

обдуманной мерой» [Там же, с. 30] и доказывает, что выдвинул эту идею и доказал её необходимость не Корнилов, который был склонен скорее к мысли о выводе флота в открытое море и самоубийственном сражении там с кораблями врага, а главнокомандующий русскими войсками князь А. С. Меншиков. Корнилов же, напротив, возражал и даже отказался исполнять приказ затопить суда, за что и был отослан из войск в тыл. Показательно, что Комовский понимает и разделяет чувства Корнилова, не желающего губить суда Черноморского флота: «Можно себе представить весь ужас адмирала, которому говорят о добровольном уничтожении части флота, когда он проникнут мыслью, что и цель самих врагов наших состоит в том же!» [Там же, с. 23–33]. Главное для Комовского — восстановление исторической справедливости, выявление истины.

Мы не ставили перед собой такие задачи, как установление авторства мемуаров, анализ достоверности описанных в них исторических событий и другие вопросы, связанные с критическим анализом мемуаров [Черноморский]. В контексте настоящего исследования мы стремились показать, как Крымская война отразилась в сознании современников — представителей разных сословий, мужчин и женщин, людей разных поколений, тех, для кого она стала первым военным опытом, и тех, кто ранее уже принимал участие в военных кампаниях. Безусловно, воспоминания передают личное восприятие автором событий войны в соответствии с той ролью, которую он в ней играл. В связи с этим отражение в мемуарах войны участниками сражений (А. И. Барятинским, Д. И. Святополк-Мирским, М. А. Вроченским, В. Ф. Никатовым, П. В. Алабиным, В. А. Докудовским и др.), медиками и сестрами милосердия (К. Н. Леонтьевым, Е. М. Бакуниной, А. К. Федотовой и др.), священниками (С. С. Модестовым и др.), потомками участников событий (Л. Кедринной, Е. С. Горчаковой) отличалось. Из общей канвы военных эпизодов авторы выбирали те, которые именно им представлялись наиболее значимыми. Однако было в осмыслении событий Крымской войны мемуаристами и общее начало: искренний патриотизм, чувство глубокого уважения к героям войны, в частности Севастопольской обороны. Стоит обратить внимание на то, что даже несмотря на цензурные послабления, которыми

было отмечено начало царствования Александра II, мемуары оставались произведениями, свидетельствующими о безусловном патриотизме своих авторов.

Можно выделить несколько категорий авторов, писавших мемуары о Крымской войне. Это в первую очередь участники войны, в том числе военнослужащие, врачи и медицинские сёстры, представители военного духовенства, мелкого чиновничества и др., во-вторых, мирные жители территорий, на которых проходили военные действия, и, в-третьих, журналисты. Несомненно, значимыми являются воспоминания, оставленные людьми всех вышеперечисленных групп, поскольку каждый видел войну со своей точки зрения.

Князь Виктор Иванович Барятинский (1823–1904) — автор книги мемуаров «Полвека назад (Оборона Севастополя)». Он участвовал в обороне Севастополя, был свидетелем всех ключевых сражений. Во время Крымской войны В. И. Барятинский — капитан 1-го ранга и командир брига «Эней», флаг-офицер (по сути, адъютант) адмиралов В. А. Корнилова и П. С. Нахимова. Его воспоминания были изданы спустя почти полвека после завершения войны, через год после смерти автора, в 1905 г. Мемуары включают описание нескольких ключевых событий войны и состоят из разделов: «Альминское сражение. 8 сентября 1854», «Флотские казармы и альминские раненые. 1854. Сентябрь», «После Синопского боя», «Шторм во время осады Севастополя» и др. Мемуарист последовательно описывает события, очевидцем или непосредственным участником которых он был. При этом для Барятинского важно не только точное воссоздание эпизодов войны, но и изображение ее участников в живых проявлениях их характеров и темпераментов. Так, упоминая о встрече Корнилова и Нахимова после Синопского боя, автор пишет: «Нахимов встретил его у трапа, и оба адмирала бросились в объятия друг друга» [Барятинский, с. 57].

В некрологе князя Барятинского, напечатанном в «Новом времени» (1904, 31 мая), отмечались многие факты его биографии, связанные с событиями Крымской войны: ему довелось быть рядом с адмиралом Корниловым на пароходе «Одесса» при победном завершении Синопского боя, ходить на пароходе-фрегате

«Владимир» в бой против турецкого парохода «Перваз-Бахре», стать свидетелем догорания турецкого флота и, по поручению адмирала Нахимова, зарисовать столь впечатляющее зрелище (этот рисунок Барятинского послужил И. К. Айвазовскому основой при создании картины «Синопский бой») [Некролог ...].

Дмитрий Иванович Святополк-Мирский (1825–1899) во время военных действий на Кавказе в начале 1850-х гг. состоял в непосредственном подчинении у Барятинского и в 1853 г. вместе с ним одержал победу в сражении против отряда горцев у реки Мичик. В ходе Крымской войны Святополк-Мирский принимал участие в боях при Баяндуре и Курюк-Дара, победы в которых имели особое стратегическое значение. За Баяндурское сражение Святополк-Мирский получил орден св. Анны 2-й степени. Весной 1855 г. батальон, которым командовал Святополк-Мирский, не начал движение к Карсу вместе с войсками во главе с генералом Н. Н. Муравьевым, а был оставлен в Тифлисе. Не желая во время войны пребывать в «мирном гарнизоне» [Святополк-Мирский, с. 2], Святополк-Мирский отправляет прошение о переводе в крымскую армию и 20-го июля выезжает из Владикавказа в Севастополь. Дорожные впечатления Святополк-Мирского подробны: до его слуха доносятся звуки утренней молитвы, быстро сменяющиеся «залихватской русской песней» [Там же, с. 3], дружины ополчения Орловского губернии; он оценивает боевой дух дружин, попавшихся на пути, не без гордости отмечая бодрость воинов, их готовность «лечь костями для защиты отечества» [Там же, с. 4]. Чем ближе будущий генерал оказывается к Севастополю, тем сильнее его охватывает «лихорадочная поспешность» [Там же, с. 5]. Описания Севастополя Святополк-Мирского очень созвучны впечатлениям, произведённым этим городом на Л. Н. Толстого: торжественность картины, повергающей наблюдателя в ужас, крики «ура», смешанные с гулом выстрелов, облекаются в сознании мемуариста в предельно лаконичное и точное восклицание: «Ад!» [Там же]. Умение севастопольцев сохранять спокойствие, вести прежний образ жизни под непрекращающимися бомбардировками вызывают у Святополк-Мирского искреннее восхищение: «Удивительный дух, чудный народ» [Там же, с. 7]. Но мемуарист замечает, что даже сильные духом жители и готовые биться до

последней капли крови солдаты чувствуют, что в воздухе царит атмосфера грусти, безнадежности. Особенно остро Святополк-Мирский ощущает это за обедом, на который его пригласил полковник А. П. Скюдери: «Я был поражён мрачным настроением моего начальника и новых товарищей. Видно было, что они готовы умереть, обрекли себя на жертву, но без всякой надежды не только на успех, но даже на принесение какой-нибудь пользы общему делу» [Там же, с. 9].

Кульминационным событием в воспоминаниях Святополк-Мирского закономерно становится описание сражения при Чёрной речке. От автора мемуаров не ускользает духовная подготовка участников к сражению: они молятся, крестятся. Вспоминая бой, Святополк-Мирский не раз отмечает высокий моральный дух, сопровождавший в бою и его самого, и солдат: «огонь отваги и геройского воодушевления» [Там же, с. 12], «необыкновенное воодушевление» [Там же, с. 13], «сердце рвалось из груди» [Там же, с. 12], «живая стена <...> двинулась грозно и неудержимо» [Там же, с. 15], «на душе легко и весело» [Там же, с. 12]. Несмотря на то что в сражении при Черной речке Святополк-Мирский получил ставшее уже вторым в его военной карьере ранение в грудь, он не потерял сознание и даже во время транспортировки в перевязочный пункт наблюдал яркие примеры героизма русских солдат. Особенно выразительным эпизодом может служить поступок нестроевых солдат Одесского полка, передавших носилки, на которых находился Святополк-Мирский, другим, встреченным по пути солдатам, чтобы вернуться на поле боя «подбирать раненых своего полка» [Там же, с. 19]. Все время пребывая в сознании, несмотря на тяжёлое ранение, Святополк-Мирский смог запомнить всех, кто оказывал ему поддержку в госпитале: доктора с ласковой улыбкой, сестру милосердия, приносившую чай, проявившего поистине «отцовскую заботливость» [Там же, с. 24] генерал-адъютанта П. Е. Коцебу, у которого Святополк-Мирский до перехода к М. С. Воронцову был адъютантом, освещённого «ореолом святости и мученичества» [Там же, с. 25] графа М. Ю. Виельгорского, присланного императрицей для помощи раненым и впоследствии, в сентябре 1856 г., умершего от подхваченного при посещении госпиталей тифа.

Несмотря на ранение, Святополк-Мирский после выздоровления продолжил участие в войне вплоть до самого ее конца. Одним из самых ценных воспоминаний для автора становится личная встреча с императором, который, зная о том, что Святополку-Мирскому уже присужден Георгиевский крест, снимает свой собственный крест и вешает его на грудь полковника. Впечатления от такого искреннего, широкого императорского жеста спустя почти 15 лет описаны Святополк-Мирским (в момент публикации мемуаров, в 1870 г., уже генерал-адъютантом) настолько ярко, что не остается сомнений в том, что это событие стало важнейшей вехой на всем жизненном пути автора: «Такие дни не изглаживаются из памяти и достаточны, чтобы наполнить воспоминаниями всю жизнь военного человека» [Там же, с. 28].

Николай Васильевич Берг (1823–1884), имевший опыт сотрудничества с журналом «Москвитянин», в 1858 г. издал свои воспоминания «Записки об осаде Севастополя» и «Севастопольский альбом», состоявший из 37 рисунков, каждый из которых сопровождался описанием. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона назвал «Записки...» Берга «литературным плодом его участия в войне Севастопольской кампании» [Энциклопедический словарь, т. 3А, с. 486].

«Записки...», по признанию самого Берга, представляют собой «просто мемуары частного лица», но очень подробные, отражающие специфику именно тех событий, которые «носили на себе особенный, осадный, “севастопольский” характер» [Берг 1858, т. 1, с. 2]. Воспоминания открываются вступлением, за которым следует раздел «Севастополь в феврале 1855 года», и далее повествование придерживается хронологической канвы, представляя важнейшие события войны. Берг стремился воссоздать панораму осажденного Севастополя, передать то, что «выработалось в воздухе» [Там же] города. Из военных событий мемуарист «выставил самые любопытные и яркие» [Там же], растолковав читателю их значение в общем ходе войны.

Издавая воспоминания спустя два года по окончании войны, Берг прекрасно отдавал себе отчет в том, что эта публикация лишь одна из первых («Мы, конечно,

только вкладчики будущего» [Там же, с. 3]) и за ней последуют другие, более подробные и точные. Однако, по мнению мемуариста, это не должно смущать тех, кто хочет уже сейчас передать свои пусть зачастую отрывочные воспоминания. Берг считал, что современники событий Крымской войны не должны бояться фиксировать то, что сохранилось в памяти, потому что ценно каждое слово.

Рассказ Берга очень подробен, при этом язык повествования прост. Мемуарист намеренно сохраняет особенности народной речи очевидцев (выделяя в тексте курсивом), чтобы передать яркий колорит их рассказов о случившемся «в известную минуту и в известном месте» [Там же]. Берг описывает и войсковые события, и те, которые произошли лично с ним, концентрируясь при этом именно на вторых, что придает мемуарам безусловно личностный характер: «Перед вечером я поехал от нечего делать на Северную сторону» [Там же, с. 58]; «Я смотрел пристально, стараясь разгадать, что делается на Малаховом, но дым орудий застилал всё» [Берг 1858, т. 2, с. 21]. Воспоминаниям Берга присуща индивидуальная точка зрения на события, изложение своего взгляда, акцент на собственных действиях и чувствах.

Личностное восприятие военных действий, которое Берг сочетал с описанием военной панорамы, привлекает внимание современных исследователей Крымской войны. Воспоминания Берга стали объектом рассмотрения А. И. Васильева [Васильев 2010], И. А. Дьяконовой [Дьяконова], С. Э. Макаровой [Макарова 2015; 2016] и других учёных. В частности, Макарова на материале воспоминаний Берга исследует состояние русской обороны Севастополя в феврале–июне 1855 г. [Макарова 2016], рассматривает психологию русского характера в понимании Берга и видит нарисованный автором «портрет красивого душой, выносливого телом, радушного и веселого нрава, глубоко уверенного в правде Божией, русского человека» [Макарова 2015, с. 41].

Михаил Антонович Вроченский (1832–1895) во время Крымской войны служил в чине подпоручика в гарнизоне Севастополя, а также был офицером Главного штаба, адъютантом генерала С. А. Хрулёва, образ которого создал в мемуарах. М. А. Вроченский — герой обороны Севастополя (именно за службу в

Севастополе он получил звание поручика). Книгу воспоминаний, первая публикация которой состоялась в 1893 г., автор назвал «Севастопольский разгром», сопроводив наименование подзаголовком: «Воспоминания участника славной обороны Севастополя».

Мемуары Вроченского поэтапно воссоздают историю обороны, участником которой он стал с 23 октября 1854 г., оказавшись под Севастополем. Тем не менее повествование начинается с сентября 1854 г. и завершается описанием последнего штурма Севастополя в августе 1855 г., когда русские войска оставили его, переправившись на северную сторону. Воспоминания Вроченского условно можно разделить на две части: рассказ о событиях до Инкерманского сражения и после. Обнаружить это принципиальное для мемуариста деление (графически, помимо начала нового абзаца, оно никак не обозначено) можно лишь обратившись к его словам: «Доведя в сжатом виде рассказ о ходе событий под Севастополем до Инкерманского сражения, я продолжаю его уже в связи с моими личными воспоминаниями» [Там же, с. 19].

С начала повествования и на всем его протяжении автор демонстрирует критический подход к изображению событий. Так, Вроченский уверен, что союзником не удалось бы так легко высадиться на берега Крыма, если бы представители высшего военного руководства не «думали каждый лишь о себе» [Вроченский, с. 5] и дали бы запрошенные Меншиковым подкрепления. Неоднократно указывает мемуарист и на просчеты самого князя: его нераспорядительность [Там же, с. 8], неоправданную спешку в сражении при Альме, приведшую к непоправимым последствиям, положив «основу всех <...> неудач во время Крымской компании» [Там же, с. 12], и др. Корнилова, Нахимова и Тотлебена герой Севастопольской обороны, напротив, считает «достоинейшими людьми» [Там же, с. 12]. Осуждению подвергалась и «постыдная нерешительность» [Там же, с. 28] М. Д. Горчакова, который, по мнению Вроченского, был «далеко не полководец» [Там же, с. 79], и «беспечность и сибаритство» [Там же, с. 72] генерал-майора Н. Д. Тимофеева.

Критический взгляд Вроченского направлен, однако, не только на известных деятелей Севастопольской обороны, но и на проблемы состояния медицинской части («была ниже критики» [Там же, с. 35]), укреплений [Там же, с. 9], оснащения русской армии. Например, мемуарист упоминает о том, что морские орудия ввиду отсутствия механических средств было крайне тяжело доставлять на бастионы, что «превосходство калибров было на стороне неприятеля» [Там же, с. 15], что штабы не располагали топографическими картами [Там же, с. 22], что питались русские солдаты очень скромно, а оказавшись на укреплениях англичан, с удовольствием ели их бифштексы [Там же, с. 34].

Причины столь длительной обороны города Вроченский видит не только в «геройской, несокрушимой стойкости русской армии» [Там же, с. 17], которую она явила всему миру. Мемуарист предполагает, что войска союзников могли занять Севастополь ещё в самом начале штурма, если бы не проявили необъяснимой нерешительности. Автор признаёт, что противник неоднократно «упустил удобный момент для штурма города, когда все шансы успеха были на его стороне» [Там же, с. 13].

Поскольку книга воспоминаний Вроченского является, по замыслу автора, в первую очередь историческим источником, она содержит точные описания обороны, сражений, многочисленные количественные и географические данные, а язык повествования в большинстве случаев довольно сух. Среди многочисленных описаний героизма русских бойцов встречаются как патетические, так и глубоко личные. Например, автор восхищается русским народом — главным действующим лицом обороны Севастополя: «Честь и слава тебе, народ русский, могущий выставить на защиту родины из сынов твоих столь славную и стойкую среди всех бед армию» [Там же, с. 256]. Однако интонация изложения смягчается, когда мемуарист рассказывает о гибели «незабвенного товарища» [Там же, с. 70] — своего ровесника, молодого подпоручика Евгения Титова, «красавца с богатырским крепким здоровьем и твёрдым благородным характером» [Там же, с. 69], смертельно раненного под Евпаторией, проявившего мужество в последние часы своей жизни.

Описанию героизма Тарутинского пехотного полка, участвовавшего в Инкерманском сражении, посвящены воспоминания Василия Филипповича Никатова — унтер-офицера этого полка, севастопольского охотника³⁴. Мемуарист обрисовывает не только саму битву, но и атмосферу, царившую в полку 23 октября — накануне сражения. Офицерский досуг, судя по наблюдениям Никатова, сводился к скромному застолью, игре в преферанс. Однако особенно интересны, на наш взгляд, не столько круг занятий офицеров, сколько их разговоры. Примечательно, что все беседы сводились к так называемой «Лермонтовской идее» [Никатов 1874, с. 7]. Эта идея заключалась для военных в двух последних строках стихотворения М. Ю. Лермонтова «И скучно и грустно» 1840 г. Обращаясь к ним, офицеры, вероятно, подсознательно стремились побороть страх смерти: жизнь и смерть есть всего лишь смешной, но необходимый закон природы.

Описание Инкерманского сражения дается Никатовым в особой манере: в центре его внимания оказываются подвиги однополчан, приведшие к их гибели в бою 24 октября. Перед читателем разворачивается целая панорама героизма русских воинов: прапорщика Соловьева, капрала Яковлева, юнкера Широкова, доставленного к месту службы отцом — ветераном войны 1812 г., при взятии английской батареи; капитана Воротникова — невысокого, с виду тщедушного, но доказавшего, что «сила не в теле, но в духе» [Там же, с. 16]; штабс-капитана Подреса, о мужестве в бою и героической гибели которого с восторгом рассказывали после сражения его подчиненные; подпоручика Лукирского, который сумел собрать потерявших своих начальников разрозненных солдат Тарутинского полка в боеспособную единицу, который, даже будучи смертельно ранен, «служил <...> за знамя» [Там же, с. 19] своим солдатам — они не покидали его, тащили за

³⁴ Описанию службы севастопольских охотников посвящена отдельная мемуарная публикация Никатова «Севастопольский охотник» [Никатов 1874, с. 13]. Особого интереса в этом источнике, на наш взгляд, заслуживает описание настоящего христианского подвига рядового Фискатиса, по приговору суда после обвинений в контрабанде отданного в солдаты, который после попадания бомбы в одну из ямок, где находились русские охотники, несмотря на грозящую ему смертельную опасность, забирает из ямы в полу шинели останки своих товарищей «для предания тех кусочков погребению» [Там же, с. 17]. Предельно выразителен короткий диалог между Фискатисом и встреченным им на пути домой генералом: «Что в поле несешь?» — «Трех охотников, Ваше Превосходительство!» [Там же, с. 18] Этот подвиг рядового Фискатиса описан и в романе А. А. Соколова «Сестра милосердия» [Соколов, с. 170–171].

собой из последних сил; юнкера Эвениуса, который даже после тяжелого ранения картечью левой руки (она едва держалась на его теле) не бросил штуцер. Воспоминания Никатова отличают достоверно воссозданные подвиги однополчан³⁵, неравнодушные, глубоко личные описания каждого сослуживца — все это неразрывно связано с поставленной автором мемуаров высокой патриотической задачей — «засвидетельствовать в назидание будущему поколению воинов об их славной и верной службе в пример для новых слуг Царя» [Там же, с. 4].

С. Д. Кожухов в заметке «Из крымских воспоминаний о последней войне», опубликованной в «Русском архиве» в 1869 г., показывает события войны глазами батарейца. Значительное место в мемуарах занимают воспоминания Кожухова о Балаклавском сражении, в котором ему довелось участвовать. Он описывает и состояние русской армии накануне сражения, отмечает, что «все говорили от трудностях, но никто не говорил о неудаче» [Кожухов, с. 385] не из-за уверенности в успехе, а просто потому что о возможном неблагоприятном исходе было неприятно говорить. Батарея Кожухова была прислана в качестве подкрепления армии, потерпевшей болезненное поражение при р. Альме. В связи с этим мемуарист описывает глубокие личные переживания накануне сражения 13 октября из-за груза возложенных на его батарею надежд: «Что же, если мы не выполним этих ожиданий, не осуществим надежд?..» [Там же, с. 386] Как непосредственному участнику сражения, в воспоминаниях Кожухову, очевидно, хотелось не только отметить ключевое значение Балаклавской битвы для Крымской войны в целом, но и высказать собственную оценку, показав тем самым, что его мнение авторитетно и основано на личных наблюдениях³⁶. Так, он отмечает

³⁵ В мемуарном наследии В. Ф. Никатова можно обнаружить посвящения не только однополчанам, но и случайным знакомым по службе. Отдельной публикации были удостоены воспоминания Никатова о сербе Лайковиче — однономом юнкере 93-й пехотной дивизии [Никатов 1897]. Мемуарист отмечает, что даже французы, восхищались мужеством Лайковича, на костылях отправлявшегося на вылазки. Однажды, когда инвалид после неудачной вылазки не успевал отступить вместе с боевыми товарищами, французы «дали ему возможность добраться русским батареям, прекратили стрельбу <...> и рукоплескали вслед ползущему храбрецу» [Там же, с. 10].

³⁶ Стремление подчеркнуть достоверность изложения событий Крымской войны было свойственно особенно тем, кто принимал в ней непосредственное участие и чувствовал, что несет ответственность за фактическую сторону изображения увиденного. Так, завершая свои воспоминания о Балаклавском сражении, генерал-лейтенант И. И. Рыжов считает необходимым уверить читателей в достоверности описанного: «Чистая истина водила пером

скоропалительные действия Меншикова, не дождавшегося прибытия всего подкрепления, и указывает на то, какими могли быть последствия сражения в случае его неудачного исхода. Показательно, что единственным и самым важным итогом, по мнению Кожухова, стали бы «окончательный упадок духа в армии, глубокое сознание в своем бессилии и в превосходстве неприятеля» [Там же, с. 387]. Именно дух, царящий в армии, мемуарист считает ключевым показателем для ведения не только активных наступательных действий, но и обороны.

Пётр Владимирович Алабин (1824–1896) служил во время Крымской войны в составе Охотского егерского полка, а затем Севастопольского гарнизона; за боевые отличия награждён несколькими орденами. Он посвятил Крымской войне два тома своих воспоминаний «Четыре войны»: «Восточная война (1853–1854)» и «Защита Севастополя (1854–1856)». В небольшом предисловии Алабин отмечает, что, воспользовавшись советом И. А. Крылова, решил сохранить «нетронутым все, что писалось в <...> дневнике³⁷ во время четырех кампаний» [Алабин 1890–1892, ч. 1, с. [3]]. В результате получается подробное изложение всех событий войны, детальное описание всего, что происходило в войсках как во время сражений, так и между ними. Автор не упускает случая высказать критические замечания о неудобном обмундировании солдат, пробелах в их обучении и т. д. Он считает, что в начале войны далеко не каждый офицер был готов принять в ней участие: «Что до меня, я уверен: разреши теперь отставки — много офицеров воспользовалось бы этим разрешением!» [Алабин, ч. 2, с. 10]. Описывая Севастопольскую оборону, Алабин полностью погружается в каждый из её дней, нередко предаваясь философским размышлениям: «Горький опыт виною не совсем радостного настроения нашего духа — опыт, убедивший нас, как переменчива судьба битв» [Алабин, ч. 3, с. 87].

моим, как личного очевидца. Тут нет хвастовства и ничего не прибавлено» [Рыжов, с. 469]. Некоторые участники сражений, опасаясь допустить ошибки в тех или иных фактах, сводили такую информацию в своих воспоминаниях к минимуму, особо оговаривая это. Например, командир 4-го бастиона Реймер, завершая свои воспоминания, отмечает: «Я не выставлял в своих записках ни месяцев, ни чисел, а также многих фамилий офицеров и нижних чинов из опасения ошибиться» [Реймерс, с. 45].

³⁷ Свои дневниковые записи П. В. Алабин начал публиковать еще во время Крымской войны. Например, читатели могли встретить их фрагменты в № 36, 80, 81, 128, 129, 218, 219, 221 газеты «Северная пчела» 1855 г.

В книге воспоминаний генерал-майора Василия Абрамовича Докудовского (1798–1874) уделяется внимание передаче настроения русского общества, описанию эмоциональных реакций людей на события Крымской войны. Для автора воспоминаний важно осветить и многочисленные проявления героизма русского народа, готового защищать Родину практически голыми руками, и плохое руководство, неумение военного начальства беречь людей, разумно использовать их стремление к обороне. Так, он пишет, что в конце 1854 г. император призвал создать ополчение и простые люди в начале 1855 г. живо откликнулись на этот призыв «с пиками и топорами в руках и с крестами на шапках» [Докудовский, с. 160]. Однако государство не смогло воспользоваться этой помощью и по сути загубило ополчение, которое «почти всё, не видев врага, легло костьми от голода, холода и болезней, — от неразумия и злоупотреблений» [Там же].

Задавался Докудовский и вопросом о том, было ли оставление Севастополя поражением: «Оставлен ли Севастополь нами, как мы утверждаем, или взят штурмом, как говорят и пишут хвастливые французы» [Там же, с. 174]. Автор считает, что ответить на этот вопрос однозначно сложно, однако сетует на хвастовство французов, считающих это событие своей безусловной победой.

В большой книге воспоминаний Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891), письма которого уже рассмотрены нами ранее (п. 2.2), Крымской войне также уделено внимание. Автор сообщает о том, насколько важна была для него начавшаяся война в связи с его профессией врача: «Я бы пешком пошёл тогда в Крым, чтобы только не упустить из моей жизни такой редкий случай, как большая война, чтобы броситься в жизнь» [Леонтьев 1919, с. 142]. По мнению Леонтьева, высказанному в мемуарах, война даёт медику огромные возможности для практики и повышения своего мастерства. Медицинская служба показана автором изнутри, беспристрастно, причём Леонтьев не избегает и негативных подробностей: пишет о том, насколько плохо была развита медицина, насколько приблизительно назначалось лечение, как высока была смертность и т. п. Он наблюдал за собой и видел, что растёт как врач, «стал смелее и покойнее» [Там же, с. 145], постепенно набирается опыта.

Ценным мемуарным источником об обороне Севастополя стал трёхтомный «Сборник рукописей <...> о Севастопольской обороне...» [Сборник рукописей ...]. Первые два тома были изданы в 1872 г., третий — в 1873 г. В каждом из томов — около пятисот страниц, первый включает 14 мемуарных источников, второй — 6, третий — 5. Это воспоминания капитана 1-го ранга В.-В. Г. Реймерса, инженер-полковника Е. М. Бульмеринга, отставного майора Н. А. Горбунова, майора пехотного полка Н. С. Лагушинского, капитана Дещинского, побывавшего во французском плену, князя Д. И. Святополк-Мирского, Ф. фон Драхенфельса, Г. Чаплинского, А. Розина, П. И. Лесли, В. Зубарева, Е. Р. Корженевского, генерала К. Р. Семякина, А. Гана и многих других непосредственных участников войны.

Несомненно, каждое из произведений мемуарной литературы периода Крымской войны, включенное в вышеназванный трёхтомный сборник, заслуживает внимательного изучения. Некоторые из опубликованных в нем воспоминаний (Е. Р. Корженевского, А. Розина, Д. И. Святополк-Мирского) обзорно рассматривает И. А. Дьяконова, находя сведения, касающиеся и хода обороны, и эмоционального состояния её участников. Например, в воспоминаниях генерала от инфантерии князя Дмитрия Ивановича Святополк-Мирского (1825–1899) исследователь обращает внимание на отмеченное мемуаристом поведение находящихся в осаде севастопольцев: спокойствие, отсутствие страха перед артиллерийскими обстрелами [Дьяконова, с. 29].

Помимо осады Севастополя как события, несомненно, наиболее значимого в период Крымской войны 1853–1856 гг., в мемуарах описывались и другие театры военных действий.

В объёмной книге мемуаров Константина Аполлоновича Скальковского (1843–1906) «Воспоминания молодости (по морю житейскому)» есть две главы, посвящённые событиям Крымской войны, которые происходили в Одессе, — «Бомбардировка Одессы» и «Одесса в Крымскую войну». Автор представляет войну с разных сторон, описывая не только сражения, но и восприятие войны мирным населением. К примеру, он замечает, что Крымская война стала первой,

вызывавшей такой живой интерес всех жителей России, интересовавшихся ею, где бы они ни жили, и высказывавших порой забавные мнения: «Одна баба в деревне спрашивала: правда ли, что посылают в Севастополь каких-то двух гигантских медведей, которые должны съесть англичан?» [Скальковский 1906, с. 51].

Во время войны автор проживал в Одессе, был учеником третьего класса гимназии, и впечатления, которые он описывает в мемуарах, детские. В частности, бомбардировка города запомнилась ему в первую очередь своей эстетичностью: «Бомбы лопались часто в воздухе, образуя облачко. Картина была очень красивая» [Там же, с. 56]. Ценно и воспоминание автора об эмоциональном настрое жителей Одессы, которые войны не боялись, напротив, мечтали воевать: «О войне только что и говорили; о ней мечтали и дети» [Там же, с. 66].

Василий Саввович Раков (вторая четверть XIX в. — начало XX в.) вспоминает о Евпатории периода Крымской войны 1853–1856 гг. В этот период автор, по его словам, «был в офицерском чине, служил столоначальником в Евпаторийском городском магистрате» [Раков, с. 10] и был непосредственным свидетелем всех событий, происходивших в Евпатории и вокруг неё. В. С. Раков подробно рассказывает о пребывании Евпатории во власти союзников, о военных действиях под городом, о его осаде, произошедшей 5 февраля 1854 г.

По прошествии почти пятидесяти лет после окончания войны автор обнаруживает под Евпаторией памятники войны, причём «не искусственные, а остатки тех сооружений, которые возвёл неприятель вокруг города» [Там же, с. 55]. Описывая события войны в Крыму, Раков считает необходимым не только очертить собственно военные действия, но и отметить силу духа русского народа: «Здесь сказался народный русский дух. Защитники Крыма показали всем, что крепость и сила русского народа не в штыках и пушках — а в нём самом; что укрепления его не бастионы и форты — а собственная грудь и кровь» [Там же, с. 52]. Автора восхищает умение русского народа в нужный момент отдать всё для защиты своей Родины.

Евпаторию и ее окрестности во время Восточной войны описывает в мемуарах и уроженец Крыма Федор Степанович Стулли, который в 1853 г. уехал в

Киев для обучения в университете. Поскольку в деревне, расположенной недалеко от Евпатории, остались его родственники, Стулли во время войны трижды — в 1854, 1855 и 1856 гг. — посещает малую родину: каждый его приезд длится несколько месяцев. В связи с этим воспоминания Стулли, безусловно, отрывочны и не дают полную картину происходящего: по его собственному признанию, он был будто «за кулисами» и «театра войны» не видел [Стулли, с. 433]. Особую ценность воспоминаниям Стулли, опубликованным спустя двадцать лет по окончании Крымской войны, на наш взгляд, придают описания деревни, где жили его родственники в военные годы, куда приезжал и он сам. Из воспоминания Стулли можно узнать, как с каждым приездом деревня менялась, что волновало ее жителей, с какими трудностями они сталкивались в тяжелое время. Например, в феврале 1855 г., в очередной раз приехав в Крым из Киева, Стулли отмечает «лагерную» обстановку в деревне: повсюду слышны военные термины (местные жители со временем начинают искусно в них разбираться), в избах селян квартируют солдаты, офицеры, многие из которых «стали почти своими людьми: приезжали утром к завтраку и уезжали после ужина» [Там же, с. 450], и даже генералы. Спустя год, в феврале 1856 г., перед Стулли предстает совсем иная картина деревенской жизни: «Деревня казалась безлюдной, крестьянские избы завалились, службы тоже <...>. Словом, деревня представляла вид совершенно противоположный тому, в каком я оставил ее год назад» [Там же, с. 460]. Такие изменения были обусловлены и переселением большого количества крестьян в Перекоп (вести сельское хозяйство в непосредственной близости от военных действий было крайне затруднительно), и истощением запасов продовольствия. Деревня, очевидно, была удобным для военных перевалочным пунктом на пути к Севастополю, однако солдаты далеко не всегда бережно обходились с хозяйственными запасами, с избами. Так, Стулли отмечает многочисленные примеры «истребительных наклонностей» солдат [Там же, с. 461]: заготовленное сено лошади, без привязи отпускаясь на выгул, не столько съедали, сколько топтали, солдаты использовали его для поддержания ночных костров. Многие действия солдат объяснялись не насущной необходимостью, а праздностью:

например, в пустых избах они выламывали двери, разбирали крыши, все это тоже отправляя на костры. Варварство коснулось и каменной ограды, установленной вокруг сада у дома семьи Стулли: военные «разрушили и разбросали эту ограду без всякой надобности, от нечего делать» [Там же].

Стулли стал свидетелем принесенных войной изменений облика не только своей деревни, но и Бахчисарая. Мемуарист бывал в этом городе несколько раз в довоенное время — хорошо помнил его. Посещение города в 1856 г. оставило у него тяжелое впечатление: «Мне жаль было прежнего Бахчисарая» [Там же, с. 470]. Вместо сотни фонтанов сохранилось не более десяти, а помещения Ханского дворца были отданы под казармы.

Завершая повествование, Стулли рассказывает о своем визите в Севастополь в конце 1860-х гг. Мемуарист показывает, что болезненная память о героической обороне жила в сознании каждого человека: покидая город, он проехал по оживленной улице, где увидел множество людей, которые, как показалось в тот момент ему, «спешили стряхнуть с себя одиннадцатимесячный кровавый кошмар севастопольской осады» [Там же, с. 475]. В этой подсознательно пойманном ощущении Стулли передал надежду людей на возрождение покрытого руинами города, на мирную жизнь.

В 1893 г. в журнале «Русская старина» был опубликован «Дневник русского солдата, взятого в плен при Бомарзунде в 1854 году» [Дневник русского солдата ...]. Автор — И. Загородников — был рядовым, но при этом грамотным человеком, даже писал стихи. Загородников в составе почти целого гарнизона оказался в плену после взятия англо-французскими войсками крепости Бомарсунд, расположенной на Аландских островах. Безусловную ценность этому источнику придают именно воспоминания о времени (около двух лет), проведенном автором в плену. Автор подробно описывает свое пребывание на парусных кораблях и парходах, питание, обхождение англичан с пленными. Загородников, очевидно, тяжело переживал свое положение, о чем свидетельствует, например, эпизод, который автор рассматривает как «посмешище <...> над воинами русского оружия» [Дневник русского солдата ... , с. 190]: жители небольшого датского поместья,

видя на корабле пленных русских, аплодировали, бросали вверх шапки, платки, тем самым воздавая почести англичанам. Именно незащитность перед насмешками и оскорблениями — «отнятое право храбрости» [Там же] — и создает у Загородникова ощущение безысходности.

«Дневник русского солдата...» — описание душевных страданий человека, всем сердцем любящего Россию, в молитвах просящего «еще раз повидать» ее: «Россия, душа, сердце, чувство и голос — всё вопиет к тебе, Россия! Мать моя!» [Там же, с. 193] Помимо каждодневных молитв (в дневнике они занимают значительное место), отрадой для Загородникова становятся посещения пленных священником Евгением Поповым. Проповеди (текст некоторых из них приводится на страницах дневника), участие в Таинствах были для автора способом сохранить себя, человеческое достоинство, поскольку его окружение — «большая масса грубых и необразованных солдат» [Там же, с. 194] — производило лишь в состоянии угнетенности. Именно поэтому в дневнике описано множество визитов священника, дословно приводятся проповеди, указываются Евангельские главы, прочитанные во время службы.

Среди множества проповедей о. Евгения Попова хотелось бы выделить речь, произнесенную им 5 декабря. В ней священник использует вполне обычное сравнение войны с внешними врагами и борьбы внутренней — с грехами. Прибегая к этому сопоставлению, о. Евгений объединяет системы образов двух миров — мира человеческой души и мира земного, погруженного в кровь и страдания. В результате рождается множество тонких и одновременно понятных простым солдатам метафор. Так, священник призывает пленных не унывать и перенаправить силы с войны внешней на внутреннюю: «И так станьте, *препоясав чресла ваши истиною, и облекшись в броню праведности, и обувши ноги в твердость евангелия мира.* <...> возьмите *щит веры*, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и *шлем спасения* возьмите, и *меч духовный* (*курсив наш.* — М. П.), который есть слово Божие» [Там же, с. 201].

Молитвенные обращения к Богу о возвращении в Россию, о даровании здоровья императору, восприятие событий 1854 г. как «наказания в виде

испытания <...> кротости, смирения и терпения по долгу христианской религии» [Там же, с. 202], борьба с беззакониями в казематах свидетельствуют о том, что автор «Дневника русского солдата...» — истинный христианин, стремившийся и в кризисное положение, в котором он оказался, осмыслить с точки зрения Православного мировоззрения.

В мемуарах отставного штаб-ротмистра Евгения Арбузова война показана глазами гусара, командовавшего взводом гусарского полка. Повествователь касается описания не только перемещений кавалерийских полков и участия их в сражениях, но и состояния духа гусар, которые искренне сочувствуют раненым и восхищаются их мужеством: «Эти изувеченные герои своим мужеством и твердостью в перенесении страданий невольно внушали к себе полнейшее уважение» [Арбузов, с. 397].

Не во всех воспоминаниях указано авторство. К примеру, в № 12 историко-литературного сборника «Русский архив» за 1867 г. опубликованы мемуары под заголовком «Из записок севастопольца». Записки начинаются с очерка истории Крыма и создания порта Севастополя, затем неизвестный автор переходит к рассказу о «последней восточной войне» [Из записок севастопольца, с. 1584]. Стилль повествования указывает на хорошее образование автора воспоминаний. Создаётся впечатление, что издателям сборника известно его имя, просто по каким-то соображениям оно не называется в тексте издания. Скорее всего, автор был офицером, о чём свидетельствуют его профессиональные суждения о подготовке русских солдат к войне, в частности, сетования по поводу того, что забота о выправке, о внешнем виде накануне войны была для военного начальства важнее, чем собственно военная подготовка: «Солдат заботился только о том, что требовалось на смотре: чистота, выправка, темпы» [Там же, с. 1585]. Автор подробно описывает облик вице-адмирала Нахимова, отмечая множество выразительных деталей, что свидетельствует о личном знакомстве с ним: «Нахимов был самый простой моряк, <...> небольшой, несколько тучный, небрежный и грязноватый в одежде и в быту, с полным невыразительным лицом, слегка сонным и сопевшим» [Там же, с. 1591]. Такого же сердечного, детального

описания удостаивается в воспоминаниях неизвестного автора и Корнилов. Чувствуется, что главное для автора — изобразить героев Севастопольской обороны живыми людьми и показать, что они были душой русского войска, немало способствуя победам, сохранению в войсках боевого духа. Установление имени мемуариста — одна из задач дальнейших исследований воспоминаний, посвящённых Восточной войне.

Анонимные воспоминания «Из походных воспоминаний о Крымской войне», подписанные литерой К., встречаем и в № 11 «Русского архива» за 1870 г. В этом источнике привлекает внимание потребность автора описать не только героические дни Севастопольской обороны, но и откровенно неудачные эпизоды, которые болью отозвались в сердцах защитников города. К примеру, с горечью замечая, что Инкерманское сражение стало настоящей катастрофой, громадной «не столько в материальном, сколько в нравственном отношении» [Из походных воспоминаний о Крымской войне, с. 2044], автор стремится указать, как это сражение повлияло на дух русских войск, которые «в свои собственные, действительно громадные, силы веры не утратили» [Там же, с. 2045].

Есть мемуары, авторы которых стремятся описать события, происходившие на всех фронтах Крымской войны. К таким относится, например, книга воспоминаний «Война и плен. 1853–1856 гг.» Василия Ивановича Колчака (1837–1913), отца будущего Верховного правителя России А. В. Колчака. В книге его воспоминаний центральным событием повествования становится оборона Севастополя, во время которой В. И. Колчак был прапорщиком морской артиллерии, при штурме Малахова кургана был ранен и попал в плен. Его воспоминания весьма объёмны и написаны в форме исторической хроники, где автор старается быть строгим документалистом и минимизировать собственное «я». Сочинение получилось исторически очень точным, полным деталей и правдивых описаний. Автор целиком приводит донесения различных официальных лиц, цитирует реальные документы. Тем не менее, в тексте, в соответствии с законами жанра, присутствует и личностный компонент, ведётся рассказ автора о себе, всегда тесно связанный с повествованием о военных действиях: «Я прибыл в

Севастополь в первых числах апреля месяца вместе с транспортом пороха в 1000 пудов» [Колчак, с. 16].

Текст книги наполнен значительным количеством фактологических сведений, однако встречаются и эмоциональные эпизоды, в которых, как правило, представлены страшные картины войны: «На палубе лежали убитые на бастионах — какая-то куча окровавленных шинелей. Кое-где за бортом свешивались руки и ноги, обутые в толстые сапоги» [Там же, с. 18].

Колчак умеет найти такие детали, которые надолго запоминаются читателю. Например, смерть на Малаховом кургане П. И. Графовой, сестры милосердия, он описывает так: «Она вся была изрезана осколками разорвавшегося близ неё снаряда, и потом долго ещё находили на кургане лоскутки её коричневого платья» [Там же, с. 66]. Эта деталь — лоскутки коричневого платья — выбрана автором с искусством истинного мастера слова, умеющего произвести впечатление на читателя.

Описывая французов, у которых он оказался в плену, Колчак характеризует их как друзей³⁸, которые «любили и уважали русских более, чем своих союзников», проявляя к первым «полное сочувствие, любезность и благородное отношение» [Там же, с. 108].

Во многих мемуарах участников Крымской войны есть упоминания о П. С. Нахимове, его смелости, скромности, отношении к солдатам и матросам, для которых он был «ангелом-утешителем» [Ершов, с. 192]. Инженер-полковник Бульмеринг вспоминает свою первую встречу с Нахимовым: он должен был провести адмирала к редуту Шварца. Когда Нахимов понял, что Бульмеринг ведет его безопасным путем, за батареями, то сразу остановился и потребовал пойти по

³⁸ В бесплатном народном издании Е. В. Богдановича — генерала от инфантерии — французский народ также рассматривается как дружественный и братский. Вступление французов в Крымскую войну оценивается не как решение французов, а как шаг честолюбивого правителя — Наполеона III. В послевоенные десятилетия (апогеем русско-французской дружбы стало прибытие в 1891 г. французских моряков в Кронштадт и в 1893 г. русских — в Тулон) русско-французские отношения улучшились: «Крымская война, во время которой французы изумлялись доблести русских, воздавая им заслуженную дань уважения, вопреки ожиданиям не оставила горечи ни у нас, ни у французов и даже увеличила наше взаимное расположение» [Русские моряки во Франции ... , с. 37]. Описания о дружественных отношениях с французами остались во многих письмах и воспоминаниях участников Крымской войны. Например, В. Худеков в письме родителям сообщает, что французы приносят русским ром и сигары, а они в свою очередь дают им водку и табак, отмечая, однако, что «Сакен, узнав такие короткие отношения, велел их прекратить» [Худеков, Худеков, с. 62].

стенке: «Я Нахимов-с и по трущобам не хожу-с» [Бульмеринг, с. 51]. Подпоручик Корженевский, судя по оставленным им мемуарам, неоднократно видел Нахимова и потому даже по прошествии почти двух десятилетий (воспоминания написаны в июне 1872 г.): «Как сейчас вижу этот незабвенный тип» [Корженевский, с. 32]. Внешность адмирала воссоздана фотографически (упоминаются даже панталоны без штрипок, сбивавшиеся у коленей), манера поведения передана в мельчайших деталях. М. А. Вроченский, отмечая оказываемое Нахимову всеобщее уважение, объясняет это в первую очередь тем, что для адмирала «не существовало собственных интересов» [Вроченский, с. 163] — все чаяния, мысли, устремления были связаны лишь с Севастополем.

Сохранила мемуарная литература и описание гибели, похорон Нахимова, которые произвели на всю русскую армию огромное впечатление. Вроченский вспоминает «искренние, горькие слезы старых закаленных матросов» [Там же, с. 162]. Януарий Павлович Кобылянский (1829–1895), во время войны поручик, в дальнейшем генерал-майор, отмечает, что уважение к Нахимову испытывали и в стане врага: неприятельские войска прекратили свои действия — «на главных позициях ни один выстрел не раздался во время предания тела земле» [Кобылянский, с. 136].

Дневники и воспоминания, написанные женщинами, занимают особое место среди мемуарной литературы о Крымской войне. Дневник Веры Аксаковой, впервые опубликованный отдельной книгой в 1913 г., с начала XXI в. был четырежды переиздан — в 2004 г. дважды, в 2009 и 2013 гг. Дневник 1854–1855 гг. — «подробный, развёрнутый и идейно оформленный текст, практически полностью посвящённый осмыслению участия России в Крымской войне» [Кочукова 2015, с. 83]. На страницах Дневника 1854–1855 гг. отразилось славянофильское понимание причин и итогов войны, твердая уверенность в том, что война велась «за веру, за православных братьев» [Аксакова 2013, с. 104]. Исследователи отмечают, что Дневник 1854–1855 гг. стал для Аксаковой не способом самопознания, а «зарубками на память» — «материалом для будущих работ отца и братьев» [Дмитриев, Федоров, с. 6].

Тематически дневниковые записи 1854–1855 гг. во многом пересекаются с письмами Аксаковой к М. Карташевской: осуждение действий генерала П. А. Данненберга [Аксакова 1913, с. 3], [Крымская война в истории России ... , с. 81], категорическое неприятие политики министра иностранных дел К. В. Нессельроде [Аксакова 1913, с. 18, 137], [Крымская война в истории России ... , с. 82, 89], деятельность М. П. Погодина, его историко-политические письма [Аксакова 1913, с. 67, 136], [Крымская война в истории России ... , с. 56, 83], позиция А. С. Хомякова [Аксакова 1913, с. 43, 45], [Крымская война в истории России ... , с. 61], страх заключения постыдного для России как защитницы Православия мира («его желает, может быть, Австрия, и все в страхе, чтоб Государь не заключил с ней мира» [Аксакова 1913, с. 12]; «хотя слухи о мире не подтверждаются, что, конечно, нас порадовало» [Крымская война в истории России ... , с. 88]; «но если нам что страшно, так это мир» [Там же, с. 90]; «вчера прочли манифест, он обрадовал всех тем, по крайней мере, что <...> потеряна надежда на постыдный мир» [Там же, с. 98]), непоколебимая уверенность в необходимости защиты общей веры и «православных братьев» [Там же, с. 114], [Аксакова 1913, с. 48] и др.

Обращают на себя внимание воспоминания и других женщин, ставших свидетелями трагических событий Крымской войны: Е. М. Бакуниной [Бакунина], А. Д. Блудовой [Блудова], Ю. Е. Завойко [Завойко], Е. А. Нарышкиной [Нарышкина], В. Н. Репниной [Репнина], М. К. Цебриковой [Цебрикова] и др. В этих воспоминаниях отражена особая роль женщин на войне, ведь подвигом становилось не только непосредственное участие в сражениях, но и умение, к примеру, «отпускать дорогих сердцу на смерть, ободряя и благословляя» [Там же, с. 22], или «прямо и безотлагательно приняться за дело» в общине сестёр милосердия [Блудова, с. 363], или произнести над погибшим «солдатиком» «слова последней погребальной песни» [Бакунина, с. 28].

Юлия Егоровна Завойко (1821–1883), супруга губернатора Камчатской области адмирала В. С. Завойко, рассказывает в своих мемуарах об обороне Петропавловск-Камчатского, которой руководил её муж. Эти мемуары интересны

женским взглядом на войну. Приступая с опорой на записанные свидетельства очевидцев к изложению событий в первую очередь исторических, автор в обращении к читателям указывает, что ей могли быть допущены ошибки в некоторых цифрах, и просит читателей быть к ней снисходительными, ведь о войне она писала «как женщина» [Завойко, с. 467].

Женское восприятие приближающейся войны связано в воспоминаниях Завойко в первую очередь со страхом за детей. Ей, как многодетной матери («у меня их выросло десятеро» [Там же, с. 447], было особенно тяжело: супруг был на передовой — вся ответственность за здоровье, эмоциональное состояние детей легла на нее³⁹. Именно поэтому тревожные ночи она описывает так: «Не спали мы, матери» [Там же, с. 457]. В мемуарах тонко отражено детский взгляд на войну. Завойко вспоминает и детские молитвы: «Господи, сохрани папу!», и объявивший всех женщин страх, что враги отнимут детей, и письмо ее 13-летнего сына, в котором он сообщает о самом сокровенном: рассказывает, что «горько плакал о Севастополе как Русский и о Нахимове как будущий моряк», и делится своими мечтами — «служить в Черном море под командою Нахимова», «иметь портреты Нахимова, Корнилова, Тотлебена и Истомина» [Там же, с. 503]. Безусловно, Завойко осознавала, что война для детей в первую очередь травма, которая всю дальнейшую жизнь будет сопровождать их: «...лишения и тяжелая жизнь отозвались на детях, и долго мне пришлось бороться с их недугами» [Там же, с. 504].

Страх за мужа, жизнь которого каждый день подвергалась смертельной опасности, также не оставлял Завойко ни на минуту. После расставания с супругом она думает лишь о том, «сохранит ли Бог» его [Там же, с. 456]. В мемуарах неоднократно встречаются записки от супруга (всего 8), в которых он сообщает жене о ходе военных действий, призывает молиться, меньше волноваться, завещает, как воспитывать детей в случае его гибели.

³⁹ Отметим, однако, что Василий Степанович старался подготовить детей к тяжелому периоду жизни. Отправляя их и жену на хутор, он дает такой наказ: «Будьте честными слугам Царя и Отечества. Не забывайте, что ваш отец готовится положить за него жизнь!» [Завойко, с. 454].

Женский взгляд на войну сопряжен в мемуарах Завойко и с требующей женского участия хозяйственной деятельностью. Узнав о возможном нападении неприятеля, женщины начинают беспокоиться о сохранении запасов питания, о своевременности поставок по морю продовольствия: «Все, особенно же мы, женщины, с невольным трепетом посматривали на море. Придет ли запас муки?» [Там же, с. 446]

Ценность воспоминаниям Завойко придает ее искренность в передаче собственных чувств. Известие о приближении вражеской эскадры она принимает отнюдь не стойко, но не стесняется этой слабости: «Я сидела на своей скамейке не шевелясь, не думая ничего, не слыша ничего, почти потеряв сознание» [Там же, с. 453]. Выразительно, эмоционально достоверно, образно описывает Завойко и долгожданную встречу с мужем: «Есть минуты жизни, которые, кажется, брошены с неба в наш повседневный мрак» [Там же, с. 466]. Глубоко психологичны и другие наблюдения автора мемуаров: например, описание Евангельского чтения, во время которого Бог будто бы хранил молящихся: разрывавшиеся вокруг снаряды не причиняли им вреда [Там же, с. 469].

Стремясь передать атмосферу Петропавловской обороны, Завойко говорит о «бодром, воинственном духе» [Там же, с. 447], царящим в людских сердцах. Перед глазами читателей предстают матросы, которые хотят как можно скорее попасть в порт, чтобы «сражаться, умирать» [Там же, с. 458], женщина, через свист снарядов пробирающаяся по батарее к бойцам с вином и закуской, потому что «проголодались сердечные» [Там же, с. 462], кантонист с оторванной рукой, который во время операции мужественно терпит боль со словами: «Я родился царским слугой, значит, не только руку, но и жизнь должен за Царя положить» [Там же, с. 479].

Сохранились воспоминания Екатерины Михайловны Бакуниной (1810–1894), которая стала сестрой милосердия вопреки сопротивлению родственников. Именно Бакуниной посвящено стихотворение «Привет поэта сестре милосердия» Ф. Н. Глинки, написанное 26 марта 1856 г. — в день гостевого визита к нему Екатерины Бакуниной:

И, отгостив на огненном пиру,
 Из мира бурь пришла на мир в столицу.
 Приветим же Бакунину сестрицу

И милосердия приветим в ней сестру!» [Там же, с. 154]. Работа сестры милосердия в воспоминаниях одновременно показывается и как полная рутины, и как требующая огромного напряжения и совершенной самоотдачи (порой сутками приходилось стоять у операционного стола): «Раненых — то больше, то меньше. Утром операции, перевязка. С 19-го на 20 апреля ночь была ужасная: более ста раненых и 60 операций в одно утро!» [Бакунина, с. 38]. Бакунина «чуть ли не впервые разрабатывала новую тематику, связанную с восприятием войны женскими глазами» [Самойлова, с. 55], опровергая стереотипы, согласно которым женщина является в такой ситуации лишь сторонним наблюдателем, предназначение которого — жалеть, сострадать.

Бакунина была не единственной сестрой милосердия Крестовоздвиженской общины, оставившей воспоминания о своей работе во время Крымской войны. Известны также воспоминания сестры Александры Крупской, изданные в 1861 г. Автор искренне пишет в предисловии, что ею при выборе стези военной сестры милосердия руководило прежде всего чувство долга: «Чувство выполненного долга всегда будет выше всех наших радостей и скорбей» [Крупская, с. 8]. Обеспеченные женщины из знатных семей (в том числе великая княгиня Елена Павловна) в период тяжёлых для своей страны испытаний хотели быть с народом и реальным трудом помогать простым людям. Причём ими руководило не только желание оказать медицинскую помощь, но и стремление искренне обогреть и утешить раненых: «Разумеется, попечения всегда нежнее, предупредительнее и приятнее больному, чем холодная заботливость мужчины» [Там же, с. 19]. Повествование Крупской наполнено историями конкретных людей, оказавшихся пациентами общины; называются их имена, рассказывается об их ранениях и поведении в госпитале.

Дневники сестры милосердия флотского госпиталя, а затем санитарного барака А. К. Федотовой, посвященные обороне Севастополя, легли в основу небольшой книги воспоминаний, вышедшей в 1904 г. Федотова была дочерью моряка, умершего накануне Крымской войны, и жила в Севастополе, поэтому она смогла не только точно рассказать обо всём происходящем с самого начала, но и передать атмосферу кампании глазами жителя города, находящегося в самой гуще событий. Описывая настроения простых солдат и моряков, с которыми она находилась в тесном контакте, Федотова неоднократно упоминает об их (и своих) сильных религиозных чувствах: «И все мы встали на колени и принялись усердно и горячо молиться Богу» [Федотова 1904, с. 7–8]. Много внимания уделяется в повествовании описаниям природы, погоды, быта защитников города, лишений осаждённых и т. п.

В мелочах, которые выделяет автор, проявляется именно женский, даже девичий взгляд, однако натурализм описаний показывает, что эта юная четырнадцатилетняя девушка немало пережила: «Безжизненные трупы их сложили в кучи, словно полена» [Там же, с. 13]; «Кругом валялись в беспорядке оторванные руки, нижние конечности, головы с выпученными страшными глазами, обрывки пальцев, оторванные куски рубах, клочки серой шинели и синего сукна, куски мяса человеческого, сломанное оружие» [Там же, с. 39]. Рассказы Федотовой о раненых, о своей помощи им очень трогательны. Некоторые детали выглядят невероятно живыми, например, упоминание о том, что после всего того «мяса», которое пришлось увидеть девушке, она «превратилась в сознательную вегетарианку» [Там же].

Федотова искренне пишет о воодушевлении, которое испытывали все жители России в период Крымской войны, о том, что народ в это время был единым целым, причём все, и на фронте, и в тылу, проявляли только лучшие свои качества, «действовали с увлечением, с обновленной и чистой душой, возродившейся для новой, великой цели!» [Там же, с. 43].

Есть также мемуары, авторами которых являются священники. Например, воспоминания протоиерея Сергея Сергеевича Модестова (1832–1914) были изданы

его праправнуком А. А. Подольским в 2020 г. В них священник затрагивает самые разные события, произошедшие в России в период его служения. Во время Крымской войны С. С. Модестов обучался в Московской духовной академии и наблюдал за её событиями издалека. Этот взгляд позволяет узнать, как относились к войне и, в частности, к осаде Севастополя в тылу: «С горячим юношеским увлечением мы следили за перипетиями сей осады» [Модестов, с. 95].

Мемуары могут касаться не только непосредственно периода Крымской войны, но и впечатлений о ней и о Крыме, полученных несколькими годами позже. Так, А. Н. Муравьев пишет о посещении Севастополя в 1859 г. и отмечает, что всё там ещё помнит о войне, дышит ею: «Одинокие мачты потопленных судов в заливе Севастополя гласят ещё о гибели нашего флота» [Муравьев, с. 32]. Многочисленные руины, свидетельствующие о событиях обороны, автор называет «развалинами нашей Трои» [Там же, с. 50]. Проходя по Крыму, автор мемуаров вспоминает о событиях войны, с которыми связан чуть ли не каждый камень полуострова. Такие мемуары также ценный источник, показывающий, как относились к войне спустя несколько лет после неё. Для Муравьева, пишущего свою книгу через четыре года после окончания Крымской войны, несомненно, что итог её нельзя назвать поражением: «Если и погребён в родной пучине Черноморский флот наш, не попустил он, однако, чтобы над его влажною могилою скользил надменный корабль ликующего врага» [Там же, с. 76]. Автор уверен, что некоторые очевидные внешние приметы поражения ещё не обозначают проигрыша России в Крымской войне, поскольку врагу не было отдано ни пяди русской земли.

Воспоминания о посещении Крыма спустя более двадцати лет после окончания войны оставила Елена Сергеевна Горчакова (1824–1897) — племянница князя Михаила Дмитриевича Горчакова, в 1861 г. похороненного согласно собственному завещанию на Братском кладбище Севастополя. Это путевые очерки, в которых нашло отражение буквально все, что привлекало внимание княжны: стоимость и вид гостиничных номеров, экипажей, состояние дорог, верблюды, замеченные ей в одном из татарских селений и т. п. Оказавшись в Севастополе, Горчакова посетила музей (была там меньше часа), где ее заинтересовала большая

коллекция портретов тех, кто принимал участие в обороне города. Княжна особо выделила единственный женский «в этом собрании серьезных мужских лиц» [Горчакова, с. 41] портрет великой княгини Елены Павловны — учредительницы Крестовоздвиженской общины. Несмотря на то что внешний вид Севастополя производил, скорее, удручающее впечатление (заброшенные дома, повсеместная известковая пыль и т. п.), Горчакова чувствовала, что «все дышит в нем какой-то величавой простотой и успокаивающей тишиной» [Там же, с. 42], понимая священность этого безмолвия, олицетворявшего память о свершившейся четверть века назад «кровавой драме» [Там же].

Посещение Братского кладбища, могилы дяди — «дорогого памятника» [Там же, с. 63], служение панихиды, — всё это, безусловно, было особенно важно для княжны. Ее восприятие ценно в первую очередь тем, что она видела в бюсте не столько генерал-адъютанта, сколько родного по крови человека. Именно поэтому она смогла так тонко оценить изображение дяди, отметив, что «выражение задумчивой грусти удачно схвачено художником» [Там же, с. 62]. Проведя на кладбище больше часа в ожидании священника, Горчакова написала стихотворение, в котором прославляла защитников Севастополя, сравнивая их с детьми Израиля, идущими по морю [Там же, с. 62–63].

Особого упоминания заслуживают впечатления княжны по дороге в Георгиевский монастырь, расположенный в двенадцати верстах от Севастополя. Управлял коляской ямщик, оказавшийся участником обороны города: он показывал Горчаковой места расположений войск, рассказывал, что ранее располагалось на территориях, которые они проезжали. Воспоминания бывшего солдата печальные: теперь на месте довоенного великолепия (цветущих садов, виноградников) — «пустыня» [Там же, с. 93]. Княжна всецело разделяла мнение проводника, признав, что перед ней была «пустыня, орошенная русской кровью и русскими слезами» [Там же].

Безусловно, не все участники Крымской войны оставили воспоминания об этом периоде своей жизни, однако иногда их военные впечатления передавали их

потомки. Так, в 1917 г.⁴⁰ в «Русском архиве» были опубликованы воспоминания дочери участника обороны Севастополя Евгения Никаноровича Кедрина. По названию публикации — «Из моих воспоминаний» — можно сделать неверный вывод о том, что она посвящена судьбе дочери Кедрина. В действительности же это, как сообщает сама Кедрина, «материал его любопытнейшего прошлого, имеющий <...> некоторую историческую ценность» [Кедрина, с. 102]. Этот источник, конечно, далеко не в полной мере раскрывает личность полковника генерального штаба Кедрина, поскольку дочери известно лишь то, что в редкие моменты откровенности отца ей удалось узнать.

Из воспоминаний Кедриной мы узнаем, что ее отец был участником трех крупных сражений — битвы под Балаклавой, Инкерманского сражения и сражения на Черной речке. Автор воспоминаний упоминает критические замечания отца по каждому из сражений. Например, несмотря на то что в ходе Балаклавской битвы союзники понесли большие человеческие потери и современная Кедрину историческая наука видела в этом событии «большой первоначальный успех», полковник называл это сражение «отрицательным примером безумной отваги», в котором было «много блеску, но мало смыслу» [Там же, с. 120]. Неудачное для русских войск Инкерманское сражение, по мнению Кедрина, заранее было обречено на поражение, поскольку он еще до его начала отметил для себя «исключительно мрачное настроение солдат» [Там же]. Сам Кедрин в этой битве был ранен, однако в послужном списке это не было отмечено, поскольку командованию он о ранении не сообщил и на перевязке не был. Дети узнали о нем лишь за два года до ухода отца из жизни, когда доктор, осматривая ноги полковника, заметил на одной из них рубцы.

Интересно восприятие Кедриним музея-панорамы, открывшегося в Севастополе в 1905 г., и картины И. К. Айвазовского, на которой изображена бухта осажденного города: «Бухта в обоих случаях изображена слишком покойною — бухта в действительности одно время буквально кипела» [Там же, с. 119]. Будучи

⁴⁰ Именно 1917 г. стал годом завершения публикации мемуаров, связанных с обороной Севастополя. Историки объясняют это уходом из жизни ее очевидцев и участников и тем, что Крымской войне после крушения императорской России не осталось места в «области активной исторической памяти» [Шаповалова 2018а, с. 10].

лично знакомым с адмиралом Нахимовым, Кедрин дать оценку посвященному ему памятнику, расположенному на Графской пристани. По мнению полковника, Нахимов «вечно казался всматривающимся задумчиво вдаль» [Там же, с. 125] — это выражение лица скульптору удалось передать достоверно. Однако манера Нахимова «носить фуражку несколько сдвинутою на затылок» [Там же] не была отмечена в памятнике. Оценка ветераном Крымской войны произведений культуры, в которых запечатлены те или иные ее эпизоды, особенно важна.

Особое место в воспоминаниях занимают впечатления Кедрина от знакомства с выдающимися участниками обороны Севастополя — Корниловым, Нахимовым, Истоминым, Пироговым, Меншиковым, Толстым. Дочь подробно описывает, как отец подверг критике проект Толстого по вооружению армии и Толстой с ним согласился [Там же, с. 123]. Кедрину была известна и «Песня про сражение на реке Черной 4 августа 1855 г.». Он и здесь высказывал несогласие с Толстым, считая бой при Федюхиных высотах необходимым, однако был солидарен в отрицательной оценке действий генерала Реада.

Несмотря на то что во многих воспоминаниях участников Крымской войны деятельность Меншикова оценивается негативно⁴¹, Кедрин, по свидетельству дочери, относился к князю с уважением. Тот всегда производил на него «впечатление обаятельное», вел себя «как истый джентльмен и аристократ» [Там же, с. 126]: когда Кедрин входил к Меншикову с докладом, князь всегда слушал его стоя.

Помимо сведений о событиях Крымской войны, личных особенностях мемуаристов, воспоминания отражают и черты языка, специфику лексики военных. «Гостинцами» называли не только снаряды, прилетавшие со стороны неприятеля и посылаемые ему в ответ (см., например, [Воспоминания севастопольца ... , с. 24]), но и Георгиевские кресты [Реймерс, с. 37]. Георгий Чаплинский, начальник 8-й пехотной дивизии, в своих воспоминаниях рассказывает, что высоту, расположенную вблизи Малахова кургана, матросы

⁴¹ Например, воспоминаниях В. Ф. Бейтера: «Князь Меншиков был чрезвычайно безмолвен и суров, за что солдаты наши прозвали его “чортом”» [Бейтер 1973, с. 337]; в мемуарах М. А. Вроченского: «Князь совсем не пользовался популярностью и доверием ни войск, ни моряков, ни жителей Севастополя» [Вроченский 1893, с. 12].

называли «Кривой пяткой» [Чаплинский, с. 124], а к сестрам милосердия солдаты обращались «сестрицы» [Там же, с. 154]. Армейский обер-офицер А. И. Розин, на протяжении всей Крымской войны служивший во Владимирском полку, упоминает, что его и его однополчан бывалые солдаты другого полка, участвовавшего в Венгерской и Дунайской кампании, с иронией называли «москвичами» из-за того, что корпус Розина «около 20-ти лет занимал караулы в Москве и был расквартирован в окрестных с ней губерниях» [Розин, с. 276] и не имел боевого опыта. В. П. Зарубаев, командир роты Алексопольского егерского полка, уделяет словам и выражениям, характерным для военной среды, особое внимание: «Лахматкой называли гранату, которая ночью во время полета оставляет за собою как бы огненные косы. Выстрел из мортиры называли маркела; ядро — холодное» [Зарубаев, с. 467]. В воспоминаниях Е. Р. Корженевского описания типичного для солдат переложения незнакомых татарских слов на языковую базу родного языка. В результате обычное мусульманское приветствие «Салам алейкум» превращалось в их интерпретации в «салом-налей-ка», «налей-ка салом» [Корженевский, с. 10]. Упоминает Корженевский и слово «жеребец», которое солдаты использовали для обозначения двухпудовой бомбы, искры которой напоминали гриву лошади [Там же, с. 23]. В своих мемуарах А. И. Ершов отмечает выражение, которое он часто слышал в солдатской среде: «Лечи дохтур!» [Ершов, с. 217]. В качестве присказки солдаты использовали его, говоря о серьезных ранах (в первую очередь о потере рук и ног), с которыми уже нельзя было бы воевать.

Завершая обзор мемуарных произведений, стоит отметить, что большая часть мемуаров, написанных непосредственными участниками Крымской войны 1853–1856 гг., пока не изучена, а те источники, которым уделяли внимание исследователи, рассмотрены явно недостаточно, чаще всего односторонне. Несомненно, исследование мемуаров участников и современников Крымской войны как с точки зрения истории, так и с позиций литературоведения, является одной из важнейших задач современной российской науки, поскольку их введение в научный оборот способствует более глубокому, разностороннему и

объективному пониманию литературно-исторического контекста, в котором развивалась художественная литература второй половины XIX в.

ГЛАВА 3. КАРТИНЫ И ОБРАЗЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ НА СТРАНИЦАХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА

3.1. Севастопольские рассказы Л. Н. Толстого как художественное открытие

Севастопольские рассказы Л. Н. Толстого являются наиболее значимым произведением русской художественной литературы, посвящённым Крымской войне 1853–1856 гг. Эта своеобразная трилогия, сыгравшая важную роль в формировании творческой манеры автора, став «творческой лабораторией художественного мастерства» [Смекалина, с. 2]. Толстой — действующий офицер, видевший пули, ядра, кровь, смерть — Севастопольскими рассказами задает высокую планку: о войне пишет непосредственно участвовавший в ней человек — именно поэтому рассказы воспринимались современниками как живые корреспонденции с передовой. Установка на изображение войны «в крови, в страданиях, в смерти» (87)⁴² позволяет автору быть предельно честным с читателем, делиться с ним личным военным опытом.

Традиция военной прозы к середине XIX в., безусловно, существовала: «Походные записки русского офицера» И. И. Лажечникова, «Дневник партизанских действий 1812 года» Д. В. Давыдова, «Записки кавалерист-девицы» Н. А. Дуровой и др., однако Толстой, используя художественные образы, предлагает особое изображение войны, военного быта: на бастионах Севастополя происходит совершенствование психологического метода автора. Интуитивно проникая вглубь человеческого сознания, Толстой анализирует каждое чувство, начиная с его первоначальных импульсов. Уже после знакомства с первым Севастопольским рассказом становится очевидно, что причины войны, ход сражений не находятся в центре авторского внимания. Для Толстого оказывается значительно более важным поведение человека на войне. «Мне интереснее знать, каким образом и под влиянием какого чувства убил один солдат другого, чем

⁴² Здесь и далее текст Севастопольских рассказов приводится по изданию *Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. / коммент. Н. И. Бурнашевой. М.: Наука, 2002. Т. 2: Художественные произведения, 1852–1856* с указанием в круглых скобках номера страницы.

расположение войск при Аустерлицкой или Бородинской битве» [ЛЭ 1939, с. 315], — напишет он в одном из черновых редакций своего первого рассказа «Набег» (1852).

Решающим фактором, определяющим исход военного противостояния, для Толстого является не столько работа центрального командования, сколько состояние духа солдат на передовой и гражданского населения осажденного города. В связи с этим Крымская война в художественном осмыслении Толстого предстает в большей степени духовным противостоянием. Неповторимый духовный подъем защитников города-святыни Толстой описал спустя чуть менее двух недель по прибытии в Севастополь в письме брату Сергею от 20 ноября 1854 г.: «Дух в войсках свыше всякого описания. Во времена древней Греции не было столько геройства. Корнилов, объезжая войска, вместо: “Здорово, ребята!”, говорил: “Нужно умирать, ребята, умрете?” — и войска кричали: “Умрем, ваше превосходительство. Ура!” И это был не эффект, а на лице каждого видно было, что не шутя, а *взаправду*» [Толстой, т. 59, с. 281].

Психологическое состояние человека, находящегося перед лицом смертельной опасности, в ситуации, когда необходимо убить другого, описывалось Толстым как особое — сложное, в котором естественное, природное и искусственное, напускное зачастую перемешивались. Два начала человеческой души, два стимула — с одной стороны, разделяющие людей тщеславие, эгоизм, и с другой, стремление к любви, ощущению единства со всеми людьми и природой, — борются в душе чуть ли не каждого участника севастопольской обороны. В связи с этим для героев Толстого война оказывается важным опытом самопознания, иногда — самоочищения. Носителями истинно природного мироощущения становятся у Толстого лишь те, кто спокойно, хладнокровно и даже равнодушно «исполняет свое дело» (84), испытывая стыдливое чувство «любви к Родине» (93) — то, что в «Войне и мире» будет названо «скрытой теплотой патриотизма». Это сопряжение простоты, искренности поведения и величия будничного труда и позволяет автору говорить об особом «духе защитников Севастополя» (92) — «безвестных деятелей, скромных борцов родины, кто бы и

какого бы звания они ни были» [Шах-Паронианц, с. 5]: старик матрос при звуках выстрелов с вражеских кораблей равнодушно поплевывает на руки прежде чем взяться за весла; обозный солдат напевает себе под нос; опытный военный, сидящий на орудии, хладнокровно сворачивает «папиросу из желтой бумаги» (90); молодой офицер говорит, что на четвертом бастионе «плохо», имея в виду не ожесточенность бомбардировок, а повсеместную грязь⁴³. Севастополь находится под постоянными обстрелами, но при этом простые жители и военные зачастую будто бы не замечают войны. Тема привычки очень важна для Толстого — она помогает людям исполнять свой долг. На их лицах, возможно, не видно энтузиазма, их речи лишены патетики и воодушевления, однако они исполнены решимости защищать город — в этом высшее проявление героизма для Толстого.

В «Севастополе в декабре месяце» нет конкретного, но есть обобщенный герой — за ним скрывается и сам Толстой в момент своего прибытия в Севастополь в ноябре 1854 г., и любой наблюдатель, впервые оказавшийся в осажденном городе. Один из любимых приемов Толстого — изобразить восприятие войны глазами новичка или даже невоенного человека⁴⁴ (например, восприятие Бородинского сражения Пьером Безуховым в «Войне и мире»). Роль автора в первом рассказе — роль хроникера, спутника подразумеваемого читателя, при обращении к которому он использует форму обобщенного «вы»: «Вы подходите к пристани — особенный запах каменного угля, навоза, сырости и говядины поражает вас <...>» (81). В этом «вы» отражены общие представления о войне, с которыми Толстой спорит. В сознание обобщенного героя первого рассказа Толстой привносит иллюзорные, романтические представления о войне, ее буднях⁴⁵.

⁴³ В «Севастополе в декабре месяце» слова с корнем -гряз- встречаются 19 раз (иногда несколько раз. Грязь окружает защитников города везде: они живут «в этих условиях среди непрерывного труда, бдения и *грязи*» (*курсив наш.* — М. П.) (93). Несмотря на тяжелые условия, люди героически отстаивают город. Над вопросом, способны ли люди «в грязном белье, во вшах и с неумытыми руками» проявлять храбрость [Там же, с. 104], будет размышлять князь Гальцин во втором Севастопольском рассказе.

⁴⁴ В. Б Шкловский в статье 1919 г. «Искусство как прием» в качестве иллюстраций к введенному им термину «остранение» активно использует эпизоды из произведений Толстого, отмечая: «Методом остранения пользовался Толстой постоянно» [Шкловский 1983, с. 16].

⁴⁵ Традиция романтического изображения войны (в частности, предполагающая изображение персонифицированной фигуры военного вождя, лидера), значительный вклад в формирование которой внес А. А. Бестужев-Марлинский, в середине XIX в. была все еще сильна. У Толстого в первом из Севастопольских рассказов все наоборот: нет не только

Толстой знакомит читателя с Севастополем, не давая ему возможности что-либо пропустить⁴⁶ — даже то, что вызывает страх, чувство брезгливости и стыда. Автор призывает обобщенного читателя смотреть на ужасы настоящей войны⁴⁷, постоянно преодолевая себя, не отворачиваясь: «Не верьте чувству, которое удерживает вас на пороге залы, — это дурное чувство, — идите вперед, не стыдитесь того, что вы как будто пришли смотреть на страдальцев, не стыдитесь подойти и поговорить с ними: несчастные любят видеть человеческое сочувствующее лицо, любят рассказать про свои страдания и услышать слова любви и участия» (84). Вступая с читателем в военный госпиталь, повествователь будто бы призывает и его к естественности поведения — отречению от эгоизма, вниманию к чувствам и переживаниям раненых: они хотят поделиться своей болью — надо выслушать их, как бы ни было тяжело самому. Это участие, сопереживание, оказанное посетителем раненым солдатам и матросам, как показывает Толстой, не останется вознагражденным. В разговорах участники обороны поделятся с ним своими мыслями и ощущениями, даже не догадываясь, что, по сути, передают глубокие психологические наблюдения, имеющие непреходящую ценность: «Оно первое дело, ваше благородие, не думать много⁴⁸: как не думаешь, оно тебе и ничего. Все больше оттого, что думает человек» (85). В этих словах старого солдата речь идет о ране, но, очевидно, совет распространяется на все поведение человека на войне: думать, безусловно, можно, но надумывать, уводя себя в болезненное состояние страха и обреченности, не следует. Эта мысль

конкретного главного героя, но и никаких ясно очерченных фигур, очень мало персонажей, названных по имени. Это люди, которые проходят перед взором впервые прибывшего в Севастополь человека и тут же исчезают.

⁴⁶ В корреспонденциях Н. В. Берга, публиковавшихся в журнале «Москвитянин», под заголовком «10 дней в Севастополе», читателю предоставляется выбор: «Так как описывалась каждая черта и все, то пускай читатель извинит, если вдруг, идя следом за автором, ступит в кровавую лужу, увидит много льющейся крови, услышит хрипение умирающих. Он может, пожалуй, прокинуть несколько страниц» [Берг 1855, с. 42].

⁴⁷ Сохранились отзывы современников Толстого, свидетельствующие о том, что Севастопольские рассказы стали для них чтением поистине пугающим, страшным. Так, А. Ф. Писемский в письме от 26 июня 1855 г. призывает А. Н. Островского прочитать Севастопольские рассказы: «Ужас овладевает, волосы становятся дыбом от одного только воображения того, что делается там. Статья написана до такой степени безжалостно-честно, что тяжело даже становится читать. Прочти ее непременно!» [Писемский, с. 82]. И. С. Тургенев в письме М. Н. и В. П. Толстым от 17 октября 1855 г. называет «Севастополь в декабре месяце» «страшной вещью» [Тургенев, с. 65].

⁴⁸ В «Севастопольских воспоминаниях...» А. И. Ершова также встречается упоминание о таком восприятии окружающей обстановки военными: «Я заключил, что лучше уж не умствовать много — “не думать” — как выражаются военные, говоря про тяжелый миг опасности» [Ершов, с. 29]; «Мои товарищи правы: здесь именно не надо думать, а идти куда следует с доверием на Всемогущий Промысл» [Там же, с. 40].

получает развитие в «Севастополе в августе», где исходит уже от повествователя: «Одна отрада жизни в тех ужасающих <...> условиях отсутствия всего человеческого и безнадежности выхода из них, одна отрада есть забвение, уничтожение сознания» (162).

Для новичка разговоры с простыми солдатами в госпитале становятся не только способом получить информацию из первых уст, перенять их простое, но мудрое восприятие войны, но и услышать живую солдатскую речь. Реплики простых солдат выделяются в общей ткани Севастопольских рассказов фонетически, лексически и грамматически. Толстой бережно передаёт специфику солдатской речи, стараясь ничего в ней не менять: «На пятом баксионе, ваше благородие, как первая бандировка была: навел пушку, стал отходить, таким манером, к другой амбразуре, как он ударит меня по ноге, ровно как в яму оступился, глядь, а ноги нет» (85). Читатель видит здесь просторечные орфоэпические варианты (баксион, бандировка), этикетное выражение, свойственное солдатской речи (ваше благородие), глагольное междометие (глядь), разговорный союз (ровно как), устойчивое выражение разговорной окраски (таким манером), наименование «он» для врага, выделенное в тексте курсивом (как он ударит меня по ноге) и др. Вводя на страницы Севастопольских рассказов речь простого народа, Толстой при этом «не подделывался под язык народа», «не коверкал, не стенографировал его» [Краснов, с. 76], а создавал органичный и целостный образ народной речи, служащий ярким средством описания простого солдата.

Композиционно первый рассказ строится как постепенное приближение к самой опасной территории — четвертому бастиону, эпицентру обороны, месту своеобразного боевого крещения, где сам Толстой за все время пребывания в городе проведет около 1,5 месяцев. Повествователь показывает пристань на Северной стороне Севастополя, Графскую пристань, набережную, где рядом с ядрами, пушками и другими приметами войны кипит оживленная торговля; городскую площадь, на которой «везде <...> неприятные следы военного лагеря» (84), — в смешении картин войны и мира видна установка Толстого на

создание у читателя сложного, противоречивого впечатления. На пути к четвертому бастиону задействованы почти все органы восприятия спутника повествователя: осязание, зрение, слух, обоняние — это вполне естественно, ведь Севастополь — новое для него место, которое еще только предстоит исследовать. Именно поэтому цель Толстого — воссоздать панораму осажденного города в цветах (в госпитале наблюдатель увидит коричневое тело старого солдата и «белое здоровое тело», в которое проникает нож хирурга⁴⁹), запахах («запах мертвого тела» (86), «запах сорока или пятидесяти ампутационных и самых тяжело раненных больных» (84)), звуках.

Звуки осажденного Севастополя — в большинстве своем звуки, олицетворяющие саму смерть или ее приближение: звуки стрельбы, выстрелов, жужжание пуль. Автор понимает, что это вполне обычные для войны явления, поэтому пытается усложнить их читательское восприятие: сначала звуки орудий раздаются далеко и вследствие этого кажутся «величественными» (82), «весьма красивыми» (87). Но по мере приближения к бастиону восприятие изменится: «недалекий свист ядра или бомбы <...> неприятно поразит вас» (89), звук выстрелов уже будет казаться «ужасно страшным» (90). Однако и это временно, ведь война изображена Толстым как особое состояние жизни: психология оказавшихся на ней людей меняется — звуки войны, сперва вызывавшие страх, спустя некоторое время рождают совершенно другие, более сложные чувства: так, посвистывание приближающейся бомбы будет ощущаться как «довольно приятное» (91). Несмотря на то что страх не исчезнет, ощущение страха соединится с неожиданным для новичка на войне чувством — наслаждением. Обогащают звуковую палитру осажденного Севастополя и другие звуки — с бульвара. Звукам вальса на бульваре «странно вторят» (93) звуки выстрелов, бомбардировок на бастионах — этот прием способствует совмещению в одном художественном пространстве разных локаций и основывается на том, что только слуховые

⁴⁹ Эпизод в операционной, где делают перевязки, операции, в том числе ампутации, — прямая антитеза романтическому восприятию войны.

ассоциации дают возможность находиться словно в нескольких местах одновременно.

Однако самым важным инструментом в познании войны становится именно зрение. Неслучайно на протяжении всей «экскурсии» по Севастополю, проведенной повествователем в первом рассказе, более 30 раз прозвучат слова, связанные со зрительным восприятием: «видите» (7 раз), «увидите» (21 раз), «видели» (4 раза). Зрение дает наиболее полную картину происходящего, однако именно оно представляет «ужасные, потрясающие душу зрелища» (87).

Целью Толстого-художника, по точному замечанию В. И. Ленина, было «срыванье всех и всяческих масок» [Ленин, с. 209]. Автор Севастопольских рассказов, действительно, как будто снимает с человеческой души слой за слоем, разоблачая каждый как ложный, пока не добирается до самого сокровенного — до моральной сущности того или иного персонажа.

Желание произвести эффект — яркий признак неестественности поведения — для Толстого, безусловно, было предательством того природного начала, которое, согласно его философии, разлито повсюду — в мире в целом и в человеке в частности. Именно поэтому везде, где только возможно, автор Севастопольских рассказов пытался поймать своих героев на фальши, игре, неискренности — началах, лежащих в основе цивилизации, но не природы. Особенно ярко борьба в душах героев между страстями и природными, несуетными основами бытия изображена Толстым во втором рассказе цикла — «Севастополе в мае».

Уже в первой главе «Севастополя в мае», используя не очерковый, как это было в первом рассказе, а эпический синтаксис, напоминающий начало третьего тома «Войны и мира»⁵⁰, Толстой, словно проповедник, обличает неправедных людей, перечисляя их заблуждения: «Тысячи людских самолюбий успели оскорбиться, тысячи успели удовлетвориться, надуться» (94). Неслучайно

⁵⁰ В первом абзаце третьего тома «Войны и мира» читаем: «Миллионы людей совершали друг против друга такое бесчисленное количество злодеяний, обманов, измен, воровства, подделок и выпуска фальшивых ассигнаций, грабежей, поджогов и убийств, которого в целые века не соберет летопись всех судов мира, и на которые, в этот период времени, люди, совершавшие их, не смотрели как на преступления» [Толстой, т. 11, с. 3].

преходящее искусственное и неизбежное естественное смешиваются в предложениях: тысячи самолюбий явили себя в разнообразных проявлениях тщеславия — в высокомерии, самолюбовании, страсти к наградам, но тысячи же и покинули мир живых, оказавшись в «розовых гробах» (94). Таким образом Толстой демонстрирует всю тщетность, ненужность каких-либо ожиданий, амбиций. Используя во втором абзаце «Севастополя в мае» однотипные синтаксические построения и повтор сочетаний слов «все те же», «все так же», «все с тем же», автор как будто специально усиливает обобщенность изображаемых и комментируемых сцен, подводит читателя к мысли о том, что тысячи человеческих смертей не меняют общего установленного порядка — бессмысленная война все равно продолжается, этот круговорот не имеет конца: «Все те же звуки раздаются с бастионов, все так же <...> смотрят в ясный вечер французы из своего лагеря на желтоватую изрытую землю бастионов Севастополя», «все так же в трубу рассматривает с вышки телеграфа штурманский унтер-офицер пестрые фигуры французов», «все с тем же жаром стремятся с различных сторон света разнородные толпы людей, с еще более разнородными желаньями, к этому роковому месту» (94). Толстому важно показать, что и французы, и русские ведут себя как и раньше, — все участвуют в общем сумасшествии.

Толстой показывает, что даже перед лицом смертельной опасности люди не уступают своему самолюбию. Весь осажденный Севастополь — место, где «ежеминутно висит смерть над головой каждого», поэтому автор говорит о том, что тщеславие — «гнусная страстишка» (98) — проявляется в кругу военных не только на бастионах, но и на бульваре, где люди, казалось бы, должны отдыхать от войны, от постоянного напряжения, ощущать себя, насколько это возможно при почти несмолкающем гуле выстрелов, в гармонии с собой и миром. Однако городской бульвар становится пространством со строгой, но при этом совершенно ненужной иерархией — сосредоточием тщеславия и фальши: каждый считает другого лучше себя — аристократом — и старается перед ним показать себя не

таким, какой есть на самом деле⁵¹. Подлинный героизм, истинная храбрость, с точки зрения Толстого, были возможны только вне проявлений тщеславия — «особенной болезни <...> века» (99). Именно тщеславие, самолюбие людей на войне, а не сама война становится ключевой темой «Севастополя в мае», где в отличие от первого рассказа уже нет того ощущения патриотического подъема, воодушевления, уверенности, что город сдать нельзя.

Тщеславие может выражаться во множестве, казалось бы, незначительных условностей: принужденные улыбки, нарочито грубое обращение с низшими чинами, разговоры «не своим голосом» (99). Их соблюдение, как замечает Толстой, делает отношения между людьми совершенно неестественными, приводит к тому, что люди постоянно лицемерят: так, капитан Обжогов ненавидит Михайлова за внешние признаки аристократизма («чистую шинель и перчатки») и одновременно уважает, Михайлов в свою очередь «не совсем хорошо расположен» (98) к Калугину, но в то же время его боится.

Условности властвуют, однако, не только во время прогулок по бульвару, но и во взаимодействии между военными при выполнении ими своих непосредственных обязанностей. Например, когда во время чаепития в комнату входит пехотный офицер, Калугин разговаривает с ним «с оскорбительной учтивостью и натянутой официальной улыбкой» (104), давая ему понять, что он, не знающий французского, не имеющий перчаток, совершенно ничтожен. Однако все меняется, когда сражение входит в активную фазу и тот же самый офицер вновь приезжает к генералу: он уже ведет себя не робко и застенчиво («Я... мне приказано... я могу ли явиться к ген... к его превосходительству» (104)), не просит, а как власть имущий — требует («Генерала нужно» (106)). В этот момент — перед лицом смерти и опасности — условности, которые делали пехотного офицера

⁵¹ Аристократизм для Толстого, безусловно, явление повсеместное («проникло во все края и во все слои общества»). Именно поэтому в повести «Юность» (1857) он тоже говорит об аристократах, изображая таких людей в контексте уже не военного, а мирного времени – в университете. Николенька Иртеньев в кругу университетских товарищей вынужден притворяться, «чтобы показать себя с более выгодной стороны» [Толстой, т. 2, с. 192], лишь отвечал поклоном на их приветствие, но никогда не кланялся первым. Не меньшее значение поклоны имеют и среди «бульварных» аристократов: так, Праскухин лишь «слегка поклонился» (99). Михайлову и не подал ему руки при встрече только потому, что не был уверен в одобрении князем Гальциным своего знакомства со обыкновенным штабс-капитаном.

менее значительным, менее уверенным в себе, чем Калугин и Гальцин, исчезают — все становятся равными⁵².

Остановить войну хоть на время способно было лишь перемирие⁵³ — явление военных будней, изображение которого будет иметь продолжение в толстовском творчестве⁵⁴. В Севастопольских рассказах ярко изображена сцена перемирия 12 марта 1855 г. для уборки с поля тел. А. В. Гулин справедливо называет мирные разговоры русских с французами, обмен сувенирами, проявления противниками взаимоуважения «общением на крови», «апофеозом “цивилизованной натянутости”» [Гулин, с. 72]. Безусловно, можно рассматривать сцены перемирия как свидетельство будущего всемирного единения, однако ни перемирие в Севастопольских рассказах («Белые тряпки спрятаны — и снова свистят орудия смерти и страданий, снова льется невинная кровь и слышатся стоны и проклятия» (128)), ни перемирие накануне Шенграбенского сражения в «Войне и мире» («Но ружья остались заряжены, бойницы в домах и укреплениях так же грозно смотрели вперед, и так же, как прежде, остались друг против друга обращенные, снятые с передков пушки» [Толстой, т. 9, с. 215]) к миру не приведут. «Тысячи людей толпятся, смотрят, говорят и улыбаются друг другу. И эти люди — христиане, исповедующие один великий закон любви и самоотвержения» (128) — эта высокая риторика повествователя выражает высшую степень отчаяния, негодования, возмущения. Это толстовский пацифизм.

⁵² М. Горький в пьесе «На дне» покажет, что не только война может сделать людей равными, упразднив условности, в том числе общественное положение, статус. Бубнов, картузник, житель ночлежного дома, видя, как Пепел в разговоре с Бароном пытается унижить и оскорбить последнего, припоминая ему дворянское происхождение, говорит: «Что было – было, а остались – одни пустяки... Здесь господ нету... все слиняло, один голый человек остался...» [Горький, с. 123].

⁵³ В мемуарах участников войны неоднократно встречаются описания перемирия. Например, А. И. Ершов так отражает противоестественность происходящего: «Странно было видеть людей, за несколько времени до этого сражавшихся между собою на смерть, а теперь сходящихся между собою на смерть, а теперь сходящихся и разговаривавших весело и непринужденно, как бывает между добрыми знакомыми» [Ершов, с. 169].

⁵⁴ В одном из последних прижизненных трудов Толстого – «Пути жизни» (1910), представлявшем собой сборник суждений по разным жизненным вопросам и ставшем своеобразным духовным завещанием Толстого, в гл. «Неравенство» затрагивается тема севастопольского перемирия. Толстой противопоставляет братские чувства между русскими и французскими солдатами лицемерию, холодной расчетливости управленцев: «Не раз видел я под Севастополем, когда во время перемирия сходились солдаты русские и французские, как они, не понимая слов друг друга, все-таки дружески, братски улыбались <...>. Насколько люди эти были выше тех людей, которые устраивали войны и во время войны прекращали перемирие и, внушая добрым людям, что они не братья, а враждебные члены разных народов, опять заставляли их убивать друг друга» [Толстой, т. 45, с. 193].

Эпизод перемирия в Севастопольских рассказах важен и с точки зрения воплощения в нем устойчивого приема Толстого — столкновения условного и безусловного. Русские и французы ведут мирные беседы там, где только накануне произошла ожесточенная схватка. Груды мертвецов, наполненный трупными запахами воздух — всё это в лоне безусловного — природы: в «цветущей долине», там, где «прекрасное солнце спускается к синему морю, и синее море, колыхаясь, блестит на золотых лучах солнца» (128).

Природа для Толстого — олицетворение добра в высшей степени (в этом, безусловно, проявилось влияние трудов Ж.-Ж. Руссо). Его герои в лучшие мгновения своей жизни осознают себя частью природы, сливаясь с ней полностью, уходя в неё, растворяясь в ней. Так, в повести «Юность» в единении с природой находится Николенька Иртеньев: «И всё я был один, и всё мне казалось, что таинственно величаявая природа <...> и я, ничтожный червяк, уже осквернённый всеми мелкими, бедными людскими страстями, но со всей необъятной могучей силой воображения и любви, — мне всё казалось в эти минуты, что как будто природа и луна, и я, мы были одно и то же» [Толстой, т. 2, с. 180]. Когда герой романа-эпопеи «Война и мир» князь Андрей, раненный в сражении под Аустерлицем, видит небо, он перестает замечать все вокруг: «Да! все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме его» [Толстой, т. 9, с. 344]. Неслучайно впоследствии он стремится с ним снова соединиться, пережить опыт очищения души, кристаллизации истины.

В «Севастополе в мае» герои, как правило, живут не в единении, а, напротив, в трагическом разобщении с природой: чем сильнее они отдаляются от природы, тем больше оказываются во власти порочных, безнравственных начал. Лишь ребенок — десятилетний мальчик — нуждается в природе, стремится к ней. Собранные им полевые цветы становятся для него своеобразным щитом, которым он укрывается от тлетворных запахов и ужасающего вида трупов. Таким образом, олицетворением безусловного, естественного состояния у Толстого являются не

только картины природы, но и дети⁵⁵. Помимо мальчика, собиравшего на покрытом трупами поле цветы, Толстой изображает еще одного ребенка — десятилетнюю девочку, называющую снаряды «звездочками» (108). Очевидно, восприятие детьми войны, интуитивное, искреннее, очень живое, особенно значимо для автора: в «Войне и мире» ключевое историческое событие — военный совет в Филях — читатель увидит глазами шестилетней Малаши. Она, конечно, не знает военной повестки, людей, собравшихся в ее избе, но подсознательно отличает естественное поведение от искусственного, и ее понимание ситуации оказывается созвучно авторскому.

Несмотря на очевидную близость Толстому особого детского фокуса восприятия, в Севастопольских рассказах детей очень мало. Поведение мальчика Мишки, управляющего лодкой, десятилетних мальчика и девочки, имен которых мы не знаем, не дает нам исчерпывающего представления о том, как отражается война в детской душе. В «Севастополе в августе 1855 г.» Толстой, однако, обращается к этому фокусу уже на другом — глубинном — уровне, как бы подсказывая читателю, в ком он может обнаружить подобное восприятие. Определение «детский» встречается на страницах трилогии лишь однажды: «детской» (157) душой наделен Володя Козельцов, которого автор называет не юношей или молодым человеком, а всегда — мальчиком, что, безусловно, неслучайно⁵⁶.

Восприятие Володи, которому примерно 17 лет, который впервые на войне, оказывается не лишено пагубного влияние «людей цивилизации», например: «Да, впрочем, ведь ежели здесь счастливо пойдет, так можно еще скорее выиграть, чем в гвардии: там в 10 лет в полковники, а здесь Тотлебен так в 2 года из подполковников в генералы» (141); «Он даже тщеславился своей храбростью, франтил перед солдатами, вылезал на банкет и нарочно расстегнул шинель, чтобы

⁵⁵ Тяжелые детские судьбы на войне описывал Толстой и в своих дневниковых заметках. В начале апреля 1855 г. в дневнике встречаем запись: «Вчера ядро упало около мальчика и девочки, кот[орые] по улице играли в лошадки: они обнялись и упали вместе. Девочка – дочь матроски. Каждый день ходит на квартиру под ядра и бомбы» [Толстой, т. 9, с. 40].

⁵⁶ Красоту, чистоту души Володи Козельцова отмечал Н. А. Некрасов, указывая на то, что Толстой выбрал особый фокус описания последних дней Севастопольской обороны, изобразив их «сквозь призму молодой, благородной, младенчески прекрасной души, не успевшей еще засориться дрянью жизни» [Некрасов 1856, с. 204].

его заметнее было» (173). Тщеславие, занимавшее ведущее место в «Севастополе в мае» как главный механизм в поведении героев, здесь, в заключительном рассказе, в поведении юного Володи не выглядит столь пугающим. Кажется, что ему, мальчику, почти случайно оказавшемуся на войне (он приехал в Севастополь так быстро лишь благодаря встрече со старшим братом, хотя собирался поехать на следующий день, который оказался для обороны города последним), Толстой прощает бравадное к ней отношение. Эта снисходительность авторского отношения связана и с более ровной интонацией последнего рассказа, и с преодолением конфликта между естественным и цивилизованным — «выходом в иную, вполне объективную, реальность» [Гулин, с. 78], и с восприятием самого героя, ценным для Толстого: именно Володю он наделил собственным пониманием Бога и посмертного бытия (оно нашло отражение в ночной молитве Младшего Козельцова, первую и последнюю ночь проводившего в Севастополе). «Чувствительное» восприятие [Там же, с. 79] Володи происходящего для читателя уже не ново, ведь ранее, в «Севастополе в декабре месяце», сквозь эту же призму смотрел на события и обобщенный наблюдатель, однако, на наш взгляд, в заключительном рассказе такое восприятие нужно в первую очередь самому автору. В «Севастополе в августе 1855 года» несовпадение представлений о войне и ее подлинных проявлениях материализуется в конкретном, а не обобщенно-абстрактном персонаже. В первом рассказе читатель мог поставить себя на место безличного спутника повествователя во время своеобразной экскурсии по Севастополю. Несмотря на все зрелища, которые придется увидеть, все испытания воли, через которые придется пройти, это всё же положение наблюдателя, а не участника. Наблюдатель будто бы находится в опасности наравне со всеми участниками обороны, но автор невидимой рукой, кажется, заслоняет своего спутника от любой беды: *«мимо вас взвизгнет ядро»* (91); *«снаряд пролетел, не задев вас»* (*курсив наш.* — М. П.) (92). Более того, побывав на четвертом бастионе, спутник повествователя, обобщенный образ, имеет возможность пойти назад — такого права не имеют защитники Севастополя. Так и Володя — новичок на войне — тоже, как и безличный очевидец, видит город впервые, но в отличие от

обобщенного героя первого рассказа не может, несмотря на сильнейший страх и предчувствие собственной гибели, его покинуть: «казалось, все говорило ему, чтобы он не шел дальше, что не ждет его здесь ничего доброго, что нога его уж никогда больше не ступит на русскую землю по эту сторону бухты, чтобы сейчас же он вернулся и бежал куда-нибудь, как можно дальше от этого страшного места смерти» (150). Поскольку Володя не просто неопытным взглядом наблюдает за происходящим, но и участвует в нем, мы видим, что столкновение с реальностью он переживает значительно болезненнее, чем некий очевидец в первом рассказе. Если обобщенному наблюдателю «неприменно предстоит разочарование» и он испытает множество неприятных ощущений и эмоций («первое впечатление ваше непременно самое неприятное» (84), «свист ядра или бомбы <...> неприятно поразит вас», «неприятное чувство нерешимости» (89)), то для Володи произойдет крушение придуманного им образа войны, состоящего из мечтаний «прекрасных, радужных, великодушных» (148). Его представления о собственном участии в войне наивны⁵⁷: убьет много французов, спасет брата и почти сразу же его потеряет, в одиночку поведет солдат вперед, произнесет не одну возвышенную речь, трижды будет ранен, о его состоянии будет справляться сам Горчаков — но одно из них все же сбудется: и он, и его брат действительно будут убиты, но порознь, и момент смерти самого Володи останется как для его сослуживцев, так и для читателей незаметным. Ни внутреннего монолога, который вели находящиеся на грани жизни и смерти ординарец Праскухин и штабс-капитан Михайлов, ни диалога со священником и соприкосновения с крестом, перед смертью ожидавшего его старшего брата, в судьбе Володи не произойдет — возможно, именно так Толстой хотел показать случайность его нахождения на войне, его неготовность к участию в ней, к совершению убийств: когда Володя командовал мортирами, он не сталкивался с врагами лицом к лицу, не убивал их собственной рукой и потому, насколько это было возможно, чувствовал себя уверенно (автор, однако, намекает читателю, что его роль не была определяющей: «уже солдаты распорядились без

⁵⁷ Неслучайно образ Володи Козельцова А. В. Ткачев называет «прощанием Толстого с собственными романтическими представлениями о войне» [Ткачев, с. 497].

него» (178)); когда же французы прорвались на укрепление, «Володя стоял как окаменелый и не верил глазам своим», т. е. бездействовал. Сравнение «как окаменелый» символично: когда Вланг посмотрит на место, где находился Володя, там будет «что-то в шинели» (178), будто бы Козельцов, окаменев при виде врагов, таким и умер.

В Севастопольских рассказах, особенно во втором и третьем, поведение человека в бою, его чувства в момент столкновения с опасностью лицом к лицу становятся предметом особого авторского интереса. Ключевым состоянием, в котором находятся персонажи во время сражения, у Толстого является бессознательность. У героев Севастопольских рассказов нет никакого плана действий при вступлении в сражение, они, по сути, зачастую не знают, как будут вести себя в бою. Так, юнкер Пест в «Севастополе в мае» во время выхода своего батальона из-за бруствера в открытое поле не принимал никаких самостоятельных решений: он встал на указанный фланг, «решительно не отдавая себе отчета, где и зачем он был». В описании последовавших затем действий и собственно участия Песта в бою бессознательность его состояния все более усиливается: он смотрел перед собой «бессознательно», «не помнил, долго ли? куда? и кто, на что?», шел «как пьяный». Особенно выразительно ощущения Песта передаются большим количеством неопределенных местоимений, постоянно появляющихся в нескольких предложениях подряд: «затрещало что-то», «он <...> побежал куда-то», «он <...> упал на что-то» (117), «на него <...> наскочил какой-то человек» (118). В череде этих лишенных конкретики событий юнкер перестает осознавать самого себя настолько, что, убив француза, даже не понимает этого: «Кто-то взял ружье и воткнул штык во что-то мягкое». Содеянное отрезвляет Песта и впервые в описании его поведения на поле боя появляется слово «понял», свидетельствующее о рациональном осмыслении происходящего. Описывая бессознательное состояние барона и его незамедлительную реакцию после убийства француза («он затрясся, как в лихорадке, и бросил ружье» (118)), Толстой стремится показать противоестественность войны и убийств для истинной человеческой природы,

однако в то же время демонстрирует, что тщеславие, личные устремления мгновенно побеждают любые проявления божественного начала.

Смешение прозаических, даже меркантильных чувств и надежд с естественными устремлениями проявилось характерно и для штабс-капитана Михайлова — героя подчеркнуто обыкновенного. Казалось бы, героическим поступком можно считать то, что он добровольно вместо больного поручика Непшитшетского вызвался идти на бастион, но Толстой почти сразу же указывает читателям на другие мотивы такого поступка: Михайлов вспоминает благосклонную реакцию полкового командира и пытается ободрить себя, побороть подступающий страх мыслями о возможном повышении в чине или ордене.

Апогеем изображения борьбы в человеке естественных и ложных помыслов является эпизод смерти ротмистра Праскухина. Генерал посылает его с заданием на передовую, чтобы отвести батальон Михайлова в резерв. Выполнив поручение, Праскухин вопреки собственному желанию не обгоняет неспешно, на его взгляд, движущийся батальон Михайлова лишь потому, что не хочет выглядеть трусом в глазах штабс-капитана. Когда в самый центр батальона падает бомба, Толстой, с одной стороны, указывает точное время, прошедшее с момента, когда бомба коснулась земли, и до ее падения — 2 секунды. С другой стороны, делает столь небольшое временное пространство предельно концентрированным: в лихорадочном внутреннем монологе Праскухина умещается весь человек, вся его жизнь — «целый мир чувств, мыслей, надежд, воспоминаний» (119). Первая секунда — секунда осознания случившегося — в сознании героя кажется часом. Это время Праскухин сначала не воспринимает как время прощания с жизнью: он успевает согнуться, зажмуриться, открыть глаза, оценить, насколько близка бомба к нему, и «с самолюбивым удовольствием» осознать, что Михайлов больший трус, нежели он сам, и вспомнить, сколько он ему задолжал. Увидев, что его от бомбы отделяет меньше метра, Праскухин испытывает ужас, который, кажется, поглощает все сознание, не допуская туда «другие мысли и чувства». Но в следующую секунду, как показывает Толстой, эта созданная страхом пустота вновь заполняется

множеством воспоминаний — значительных и мелких, важных и случайных⁵⁸: долги, неотмщенные обиды, цыганская мелодия, образ любимой женщины и т. п. Но общественным предрассудкам, суетным мыслям противостоит «чувство настоящего» (120): ощущение приближающейся смерти — вневременного, трансцендентного начала. Это сложное состояние человека перед смертью — изменчивое, противоречивое — есть неоспоримое свидетельство проявления диалектики души — черты поэтики Толстого. Чувства, ощущения, мысли Праскухина даны в развитии — объектом изображения у Толстого становится сам психический процесс, или, как отметил Н. Г. Чернышевский, «таинственнейшие движения психической жизни» [Чернышевский 1947, с. 426]. Этот процесс рождают внешние впечатления, которые потом развиваются в человеческой душе независимо от первоначальных импульсов, без направления, превращаясь в эмоционально окрашенные ассоциации.

Секунды от падения бомбы до ее разрыва становятся для Толстого поводом не только провести исследование души своих героев, но и раскрыть положение дел внутри русской армии. Праскухин и Михайлов ожидают прихода смерти в одно и то же время, от одного и того же снаряда — бомбы, лежащей недалеко от каждого из них. Они совсем рядом, даже физически могут ощущать близость друг друга: так, Праскухин чувствует, что Михайлов лежит «около самых ног его, недвижимо» (119). Однако ни общее положение, ни ощущение скорой смерти, ни личное знакомство не рождают ни в одном из них братского чувства, единения перед общим врагом и, возможно, общей участью. Михайлов думает только о себе, своей участи, Праскухин же успевает, сравнив себя со штабс-капитаном, ощутить собственное превосходство, подумать, как он будет рассказывать о смерти последнего (без особого сожаления), не забыв упомянуть, что и он причастен, ведь его «кровью забрызгало» (119). Война предстает здесь как событие, разделяющее даже стоящих по одну сторону баррикад людей, а не знаменующее собой единство нации.

⁵⁸ В этом эпизоде Толстой не только отрицает официальную формулу любви к Родине (*«за веру, престол и отечество»*) (130), но и спорит с устоявшейся манерой изображать последние чувства человека как непременно высокие.

Все проявления лжи, позерства — любой фальши в поведении героев Толстой разоблачает, используя особую технику письма, которая получит полное развитие в эпизодах «Войны и мира», — авторский комментарий. Слова и поступки персонажей находятся под пристальным вниманием автора — кажется, он не пропускает ничего. Именно это М. М. Бахтин, рассуждая о монологизме Толстого, назвал «твердой оправой авторских слов» [Бахтин, с. 48] о том или ином герое. Ярким примером, где обличительный авторский комментарий открывает читателю глаза на проявления истинного и мнимого героизма, становится эпизод, в котором князь Гальцин в разговоре с Калугиным спрашивает, не поучаствовать ли ему в вылазке. Если бы не авторский комментарий, можно было бы подумать, что Гальциным и правда руководит желание помочь общему делу, однако эти слова были произнесены им бравадно: Гальцин, как отмечает повествователь, всерьез и подумать не мог идти туда сам и, более того, прекрасно знал, что «его ни в каком случае не могут послать туда ночью» (106). Показательно, что полные отваги речи князя на самом деле не произвели нужного эффекта на собеседника, поскольку тот, как мы узнаем опять же с помощью авторского комментария, прекрасно понимал всю подноготную слов Гальцина.

На бастион, однако, все же пришлось ехать, но не Гальцину, а Калугину, который в дороге как бы боролся сам с собой. Он постоянно пытался победить страх смерти, прибегая не к молитве, знаку покорности Божественному промыслу, а к тщеславной картине (ставил себя на место адъютанта Наполеона), которую услужливо рисовало ему воображение. Но Толстой дает читателю понять, что долго на одном самолюбии на войне не продержаться — страх возьмет свое. Примечательно, что, когда Калугин, чуть ли не прижавшись к земле, продвигался по траншее, он «удивлялся самому себе, но уже не пытался преодолеть своего чувства» (112). Мотив неузнавания («Он не узнавал себя» (112)) человеком самого себя важен для Толстого. Так, Калугин не узнает себя именно потому, что в нем смешались природные и ложные чувства: вот он ползет по траншее, объятый страхом, но, услышав звук шагов, выпрямляется и почти перестает бояться. Идти ровно, делать вид, что ничего не страшно лишь для того, чтобы создать себе

репутацию храбреца, — храбрость ложная (неслучайно Калугина вдохновляет эпизод разговора Наполеона с адъютантом). Для Толстого настоящая храбрость — храбрость солдат и офицеров, которые привыкли к постоянной близости смерти и продолжают делать свое дело: «он (*фуриштатский солдатик* — М. П.) исполняет свое дело <...> спокойно, и самоуверенно, и равнодушно»; «вы видите будничных людей, спокойно занятых будничным делом» (84).

По-настоящему храбр и Михаил Козельцов — герой заключительного рассказа «Севастополь в августе 1855 года», хотя и он зачастую боится сторонних взглядов, осуждения: «Мысль, что его могут принять за труса, не хотевшего выйти к роте в критическую минуту, поразила его ужасно. Он во весь дух побежал к роте» (176). В психологически самые тяжелые моменты Толстой изображает поведение старшего Козельцова совершенно нестандартно: атакуя, он точно знает, что будет убит, но от этого становится только храбрее; умирая, он плачет, но, кажется, не от боли, и мысленно желает брату «такого же счастья» (177). Таким образом, в художественном осмыслении Толстого горе и счастье во время войны оказываются соединены, перемешаны так, что трудно бывает их различить.

Офицеры Козельцовы в изображении Толстого, безусловно, лучшие представители русского офицерства, близкие к народу (старший давно заслужил любовь солдат, младший же завоевывает ее довольно быстро). Однако автор, в заключительном рассказе изображая настоящую трагедию — сдачу Севастополя, показывает, что даже лучшие люди не в силах изменить исход войны. В третьем рассказе Толстой в образной форме обозначает причины поражения русской армии, тем самым врываясь в обличительную «струю» русской литературы. Уже в начале «Севастополя в августе 1855 года» мы видим, что существует серьезная транспортная проблема: добровольцы иногда в течение трех и более месяцев не могли добраться до Севастополя («уже три месяца едем» (135), «уже близко, а нельзя доехать» (136), «восемьсот верст третий месяц еду» (138)). Более того, они никак не могут найти свою часть, их отсылают то в одно место, то в другое: «мы не знаем, где наши батареи: одни говорят, что в Севастополе, а вот они говорили, что в Одессе». Толстой указывает и на то, что добровольцам не всегда платили

обещанные подъемные. Так, у некоторых из них «денег совсем не осталось» (137): ни Володе Козельцову, ни многим другим офицерам на станции их не выдают.

Не менее важной причиной поражения явилось и плохое снабжение русской армии, в том числе оружием (не говоря уже о качественной разнице вооружений: русские гладкоствольные ружья против английских и французских штуцеров). Михаил Козельцов встречает знакомого верхового, который ночью едет на Северную сторону лишь для того, чтобы привезти на бастионы патроны, которых осталось ничтожно мало: «штурма ждем с часу на час, а по пяти патронов в суме нет. Отличные распоряжения!» (150) Очевидно, столь будничное, будто бы спокойное сообщение верхового должно показать читателю, что подобные ситуации типичны.

Основная причина проблем с вооружением и многих других для Толстого очевидна — коррупция. Заведующий полковым обозом живет в огромном новом балагане, в котором висят дорогие, хоть и необходимые исключительно для практических целей ковры, а на кровати лежит енотовая шуба — одежда, в которой, очевидно, нет необходимости летом. Однако самым достоверным свидетельством неподобающего использования денег становится не столько роскошная обстановка, предметы интерьера, сколько поведение самого Василия Михайлыча: «*как будто пойманный на воровстве, весь покоробился, увидав гостя*»; «сказал он, *упрятывая* деньги в шкатулку» (*курсив наш.* — М. П.) (146).

Рассказ «Севастополь в августе 1855 года» создавался уже ретроспективно (был закончен в декабре 1855 г.), когда Толстой находился в Петербурге и война в восприятии современников уже была завершена — именно поэтому осмысление причин поражения стало возможным. Оставление Севастополя, которое многие из участников обороны рассматривали как предательство⁵⁹, безусловно, и для Толстого, очевидца этого события (приехал в Севастополь незадолго до последнего штурма), было поистине трагическим событием⁶⁰. Однако в изображении гибели

⁵⁹ А. В. Ткачев считает, что чувство отступающих защитников Севастополя, которое так тщательно описывает Толстой, при этом не называя его, — измена, предательство со стороны командования [Ткачев, с. 506].

⁶⁰ В. Б. Шкловский весьма точно оценил авторское восприятие последних дней обороны и последовавшей за ними сдачи Севастополя: «“Севастополь в августе” написан человеком, не простившим поражения, в котором он не виноват» [Шкловский 1963, с. 241].

Михаила Козельцова, в описаниях прощания отступавших с городом Толстой показал и высокое гражданское чувство защитников города, знаменуемое осознанием исполненного долга.

Достоверность воссозданных в Севастопольских рассказах чувств, которые испытывает человек на войне, его поведения, может быть, на наш взгляд, подтверждена тем, что в мемуарах участников Крымской войны есть многочисленные описания ощущений и эмоций, схожих с изображенными Толстым. В первую очередь можно выделить равнодушное отношение жителей Севастополя и опытных защитников города к обстрелам. Например, в мемуарах, опубликованных под названием «Из записок севастопольца», офицер-артиллерист Николай Степанович Милошевич отмечает, что чем дольше он находился в Севастополе, тем меньше обращал внимание на опасность («мысль об опасности не входила уже в помыслы» [Милошевич, с. 6]), на сохранение собственной жизни («оберегание себя казалось бесполезною и смешною заботою» [Там же]). В записках другого участника обороны — Петра Владимировича Алабина — встречаем поразившее его описание мирного, не прерываемого звуками выстрелов и бомбежек сна старушки («храпит во всю ивановскую» [Алабин 1890–1892, ч. 3, с. 161] и ее сына.

Не просто отсутствие чувства страха, но даже равнодушие к опасности, которое столь выразительно отразил Толстой, например, в поведении фурашского солдата, офицера в белых перчатках и других защитников города в «Севастополе в декабре месяце», ощущал и артиллерийский офицер Андрей Иванович Ершов⁶¹. В воспоминаниях он рассказывает, как спустя несколько месяцев пребывания в Севастополе изменяется его восприятие происходящего: вместо былого страха — хладнокровие, «равнодушный взор» [Ершов, с. 220]. «Состояние полного равнодушия к жизни и всему окружающему» передал в мемуарах и герой Севастопольской обороны Михаил Антонович Вроченский [Вроченский, с. 199].

⁶¹ Сам Толстой отмечал сходство воспоминаний об обороне Севастополя Ершова с собственными. В предисловии к «Севастопольским воспоминаниям...», которое было написано Толстым в 1889 г. по просьбе самого Ершова, читаем: «Я переживал с автором пережитое и мною 34 года тому назад» [Толстой, т. 27, с. 520].

Тем не менее чувству страха — природному человеческому инстинкту — все же есть место на войне. Герои Толстого, в частности штабс-капитан Михайлов, адъютант Калугин, ротмистр Праскухин, испытывают страх, но это чувство у каждого неразрывно связано с ощущением стыда за свою трусость — не столько перед собой, сколько перед теми, кто может стать свидетелем их малодушия. Владимир Иванович Ден, бывший свидетелем бомбардировки Одессы в 1854 г., вспоминал, что однажды, перепутав разрывы гранаты и тень от пролетавшего голубя с бомбой, он, испугавшись, пригнулся — этот поступок заставил его покраснеть, несмотря на то что вокруг никого не было. Ден постарался убедить себя, что проявления страха на войне не постыдны, что это лишь «самое естественное чувство самосохранения» [Ден, с. 559].

В «Севастополе в мае» Толстой показывает, что некоторые зрелые, опытные бойцы, которые провели на передовой не один месяц и уже успели ощутить превосходство над другими, проявить храбрость, получить награды и репутацию, зачастую стремятся сохранить свою жизнь и не рискуют, когда в этом нет острой необходимости. Именно так ведет себя, например, капитан, на протяжении шести месяцев живший на бастионах: «исполнял в точности свою обязанность, но, хорошо понимая, как мало ему оставалось случайностей жизни, после шестимесячного пребывания на бастионе уже не рисковал этими случайностями без строгой необходимости» (114). В воспоминаниях артиллериста Петра Алексеевича Бабенчикова встречаем сходное мировосприятие. Исходя из собственного военного опыта, Бабенчиков формулировал собственный принцип участия в войне, сводящийся к ответам на вопросы: «как совершить подвиг и где найти наиболее безопасное место в бою» [Бабенчиков, с. 359]. Хладнокровное, твердое следование долгу, выполнение исключительно собственных обязанностей, по мнению Бабенчикова, уменьшает вероятность гибели: «В таком случае поражают только те снаряды и пули, которые попадают собственно в тот пункт, где ты находишься, а это весьма редкая случайность» [Там же]. Напротив, неоправданный риск, поиск опасности неизбежно приводят к преждевременной смерти.

Отношение к ранам в военной среде было, как показывает Толстой, неоднородным: одни не обращали на них внимания (например, раненый солдат, остановленный Гальциным, говорит, что был вынужден покинуть поле боя: «Да я бы не пошел, кабы не евтого солдатика проводить, а то упадет неравно» (110), другие, напротив, считали необходимым засвидетельствовать ранения. Так, Михайлов, после легкого ранения головы задумывается о том, чтобы на следующий день пойти на перевязку, что, на его взгляд, поспособствует представлению к награде. Однако непосредственно в момент принятия решения — покинуть роту и пойти на перевязочный пункт или остаться — штабс-капитан вспоминает иронию, с которой отнеслись врачи к пришедшему к ним с царапиной офицеру. Это яркое свидетельство того, что в военном кругу не уважали тех, кто обращался за не столь необходимой медицинской помощью, нашло отражение и в мемуарах. Ершов отмечает, что «русский солдат вообще неохотно отправляется в лазарет» [Ершов, с. 50]; Вроченский говорит, что помощи докторов военные старались избегать и «ходили с синяками, опухолями и ссадинами на теле» [Вроченский, с. 118]; Илларион Корвин-Павловский указывает на то, что признаком мужества, поводом для уважения среди солдат был отказ от посещения перевязочного пункта [Корвин-Павловский, с. 302]; капитан 1-го ранга Реймерс вспоминает, что был на бастионе, «пока силы позволяли, до последней своей раны» [Реймерс, с. 32].

Восприятие смерти на поле боя как самой желанной и счастливой особенно выразительно отражено Толстым в «Севастополе в августе 1855 года». По дороге в Севастополь Володя, фантазируя, представляет, как они с братом будут смертельно ранены на поле боя. В настоящем сражении его брату Михаилу будет придавать смелости именно уверенность в неминуемой гибели; умирая от полученного во время сражения ранения, он пожелает Володе «такого же счастья» (177). В записках Алабина встречаем похожее описание гибели бойца на поле брани — в «наиболее опоэтизированный момент земной своей жизни». Такая смерть «всегда желанна и завидна» [Алабин 1890–1892, ч. 3, с. 91].

Поведение защитников города во время проводимых им ампутаций, обработки ран и после также представлялось для современников важным эпизодом военных будней. Например, Толстой показывает пожилого солдата с ампутированной ногой, который описывает свое ранение и его последствия без особого драматизма («глядь, а ноги нет» (85)), не рассказывая о своих страданиях и проявленном мужестве⁶². В мемуарах майора Николая Семеновича Латинского встречаем описание ампутации руки у офицера: он «курил папироску и не издавал ни одной жалобы, как будто бы не ему делали операцию» [Латинский, с. 168].

Описанное Толстым романтическое восприятие войны также находит отражение в мемуарной литературе. Например, Ершов, который во время Крымской войны «был очень и очень молод» [Ершов, с. 3], в своих воспоминаниях рассказывает о совершившемся с ним «нравственном перевороте» [Там же, с. 18]: впервые пристально посмотрев на раненых, испытав настоящее потрясение от вида изуродованных бойцов, он навсегда расстался с «радужными мечтами поэзии, всеми одуряющими картинами боя» [Там же].

Психологическое состояние неопытного бойца в первую ночь его пребывания в осажденном городе, столь достоверно описанное Толстым, нашло отражение и в записках Алабина: «Особенно для меня была тяжела первая севастопольская ночь. <...> Воля ваша, господа, а первая ночь подобного рода заставит каждого смертного испытать сильные ощущения» [Алабин 1890–1892, ч. 3, с. 160–161].

Созданный Толстым цикл из трёх рассказов соединяет художественную и очерковую (документальную, публицистическую) составляющие и демонстрирует становление творческой манеры автора, формирование способа осмысления им действительности, философских воззрений на войну и мир как состояния человеческого общества, укрепление у него понимания роли русского народа в

⁶² О том, как героически старый матрос вел себя после ранения, как он был удостоен внимания великих князей, как тяжело на самом деле было его ранение, рассказывает посетителю госпиталя не сам солдат, а его жена. В этом заключается важная для Толстого закономерность: настоящие герои о своих подвигах не упоминают – о них узнают от сторонних людей. Так будет и в «Войне и мире»: например, о героизме капитана Тушина будет рассказывать князь Болконский.

истории и в жизни России, представлений о сложном соотношении патриотизма и пацифизма, естественного и цивилизованного.

Севастопольские рассказы тесно связаны с будущими произведениями Толстого, в частности с «Войной и миром», сюжетно, идейно, философски. Б. М. Эйхенбаум называл Севастопольские рассказы «этюдами» к роману-эпопее [Эйхенбаум, с. 269]. При этом каждый из Севастопольских рассказов — самостоятельное произведение, обладающее собственной стилистикой и проблематикой.

3.2. Поэтические отклики на события Крымской войны

Откликнулись на события войны, многие из которых, такие как оборона Севастополя, осада Соловецкого монастыря, стали трагическими, поэты того времени, как знаменитые, так и малоизвестные. Посредством поэтического слова они пытались осмыслить события войны и тот отклик, который они получили в сердцах русских людей.

Отражение Крымской войны в лирике стало предметом изучения многих исследователей. Г. В. Федянова, рассматривая стихотворения К. С. Аксакова, А. Н. Майкова, П. А. Вяземского, Ф. Н. Глинки, В. П. Алферьева, О. Ф. Миллера и др., выявляет, что во второй половине XIX в. «русская поэзия служила широкому кругу читателей, что способствовало демократизации литературы» [Федянова 2008б, с. 188]. Об отклике русской поэзии на события Крымской войны пишет К. В. Ратников, отмечая, что на «военном материале» русским поэтам удалось достичь «значительных художественных свершений» [Ратников, с. 40–41]. Ряд филологических исследований посвящается стихам о Крыме и Крымской войне отдельных поэтов: А. Н. Яхонтова [Саюнов], И. С. Никитина [Черешнева], А. Н. Апухтина [Бобылев] и др. Чаще всего объектами внимания литературоведов становятся патриотические стихи [Табакова]. Для историков посвященные Крымской войне поэтические тексты, созданные современниками событий, в числе других художественных произведений являются «особым видом исторического источника, содержащего

актуальную для понимания исторической памяти информацию» [Шаповалова 2018б, с. 5].

Нам представляется важным вовлечь в научный оборот поэтические тексты, к которым авторы предыдущих исследований не обращались ранее или обращались эпизодически. Это в первую очередь стихи из сборников, изданных во время войны. Анализ поэтических произведений, написанных в ходе Крымской войны и посвящённых ей, поможет выделить аспекты, которые для современников и прямых или косвенных участников событий были наиболее важными, а также почувствовать эмоциональное состояние свидетелей и участников войны, понять их отношение к происходящему в Российской империи.

Поэтические сборники, посвящённые Крымской войне, начали издаваться ещё во время войны. Например, в 1854 г. вышли сборники П. Татаринова: «Бог, Вера и Царь, или Герои нынешней войны», где среди стихотворений особенно выделяются акrostихи, посвящённые героям войны («Герою Нахимову», «Бебутову», «Барону Остен-Бакену»⁶³) [Татаринов 1854а], и «Морской рак, или Шаг вперед, да два назад» со стихотворениями и баснями [Татаринов 1854б]. В том же году изданы «Альбом патриотических стихотворений» художника М. Владимирова [Владимиров], сборник «Современные стихотворения» А. Кононова [Кононов], сборник «Русский солдат» Г. Федорова [Федоров], а также две части «Собрания патриотических стихотворений», подготовленные Н. Клячковым и включающие стихи А. Н. Майкова⁶⁴, Ф. Н. Глинки, С. Е. Раича и др. поэтов [Собрание патриотических стихотворений ...]. Годом позже вышел сборник стихов «Чувство и любовь слепца к престолу и Отечеству» В. Скарретки [Скарретка].

⁶³ Здесь и далее названия произведений и их тексты представлены в современной орфографии и графике. Неизменным осталось написание некоторых слов с прописной буквы, передающее эмоции автора и его особое отношение к тем или иным явлениям.

⁶⁴ Осмысление духовного значения Крымской войны нашло отражение не только в стихотворениях А. Н. Майкова («Военная песня», «Наш народный клик» и др.), но и в его эпистолярном наследии. В письме А. Ф. Писемскому он отмечает, что это война, помимо внешнеполитического, имеет значение для представителей каждого русского сословия: «...нынешние события – величайший шаг в нашем развитии; с них начинается новый период нашей исторической жизни уже потому, что они заставили всех и каждого вдруг, внезапно остановиться и спросить себя: кто же ты?» [Златковский, с. 42] Главным в сознании современников, по мнению Майкова, должно было стать понимание, что, несмотря на уровень образования, сословную принадлежность, каждый из них прежде всего русский человек.

Главной составляющей сборников, издававшихся в период войны, являются патриотические стихотворения, ключевой идеей которых стало прославление подвигов русских солдат и военачальников. Собственно, основной задачей поэзии о войне, издаваемой во время войны, стало поддержание высокого боевого духа солдат и офицеров. Данным целям служил целый комплекс мотивов и образов.

Важнейшим поэтическим образом стал образ Родины-матери. Обращение к Родине как к матери, понимание её материнской роли звучит во многих стихах и встречается практически у всех поэтов. Например, у Владимирова: «Долгоденствуй, Мать Родная, / Русь великая, Святая...» [Владимиров, с. 8] или у В. Скарретки: «Кто не любит мать родную, / Кто из русских не готов / Умереть за Русь святую...» [Скарретка, с. 5]. Как правило, в стихотворениях такое сравнение выражено весьма лаконично, сжато, но может быть создан и развернутый, даже детализированный образ: «Ах, ты милая — Русь родимая, <...> Как кормилица, грудью нежною / Ты нас кормишь всех — с лаской матери» [Владимиров, с. 23].

Этот образ переводит заботу о Родине, её защите в сферу семейных интересов русского народа, делает образ Родины ближе и понятнее, позиционирует её защиту как долг каждого гражданина. Именно любовь к Родине-матери делает возможным для русского солдата риск во имя её спасения: «Русь родная милее мне жизни» [Федоров, с. 5], «Нет в Руси таких сынов, / Кто за родину святую / Лечь костями не готов» [Скарретка, с. 6]. Естественным следствием восприятия Родины как матери становится чувство родства с другими воинами, понимание русского народа как семьи: «На толпу врагов враждебных / Грянем общею семьей» [Там же, с. 19]. Т. Коваль отмечает, что образ Родины-матери в русском менталитете является «древним и могучим архетипом» [Коваль, с. 199], использование которого актуализируется в периоды исторических потрясений и появления реальных опасностей для России.

Образу Родины-матери противостоит образ врага. Поэты изображают военных соперников России не просто грозными и опасными: оппоненты наделяются значительно более сложным комплексом разнообразных негативных качеств. В стихах Владимирова одним из главных грехов врага назван «грех

любостяжания» [Владимиров, с. 11]. Враги предстают перед читателем корыстными и в других стихотворениях: «Англичанин и француз / На себя взвалили груз / Турок защищать, / Их же обирать...» [Татаринов 1854а, с. 8].

Враги также изображаются вероломными, неблагодарными России за её былые благодеяния: «Кто вас в голоде спасал, / Пенькой, салом наделял?» [Там же, с. 8], «Злодеев наших мы от многих бед спасали» [Владимиров, с. 12]. В представлениях россиян неблагодарность — одно из самых негативных качеств человека, а «ответ на доброе дело враждебностью при явном численном превалировании последней» понимается как «черная неблагодарность» [Воркачев, с. 34].

Изображают врагов и грустящими по поводу военных неудач, а потому заслуживающими шуточного сочувствия со стороны народа-победителя: «Начал он тужить, / Эх, британцу плохо жить!» [Татаринов 1854а, с. 9].

Французов и англичан как христиан поэты упрекают в том, что они забыли «злодейства мусульман» [Там же, с. 8], т. е. заключили союз с «неверными», «вступили в службу Магомета» [Собрание патриотических стихотворений ... , ч. 2, с. 9] и действуют в войне против своих братьев-христиан. По мнению поэтов, это противоречит пониманию христианства и солидарности братьев по вере: «Но когда же то бывало, / Чтоб мы шли за мусульман?» [Кононов, с. 10]. Союз христианских стран с Турцией называется в стихах «связью, противною для света» [Там же].

Закономерно, что враги в стихах разных авторов характеризуются такими эпитетами, как коварные, злые, завистливые, хищные, хитрые, жадные, кичливые, надменные; характеристиками «вражьи скопища» [Владимиров, с. 12], «бурный Запад» [Там же, с. 14], «вечная злоба» [Скарретка, с. 17], лиходеи, изуверы, нехристи, хвастуны, лгуны, народец, орды, а их действия именуются кознями, пустыми угрозами. Для характеристики врагов также используются эмоционально окрашенные глаголы и глагольные фразеологизмы с негативной семантикой: «Что ж он это *взбеленился*, / Аль совсем ума *лишился!*...» (*курсив наш.* — М. П.) [Кононов, с. 12].

Надо отметить, что наиболее эмоциональными и негативными характеристиками награждаются в стихах или турки, или все враги в целом. Если же речь идёт о британцах или французах, то характеристики менее экспрессивны: «И французы басурманы, / И буяны англичаны...» [Там же, с. 15].

Часто встречается также ироническая характеристика врагов как гостей, которых русские готовы с честью принять: «И *гостей* дорогих / Мы отпотчует их / И штыком, и пинком, / И родным кулаком» [Федоров, с. 9], «Всем докажем тем *гостям* <...> / В нас течет Славянска кровь!» [Скарретка, с. 18], «Издальче прикатили / Эти *гости* (*курсив наш*. — М. П.) к нам сюда / И, признаться, поспешили...» [Татаринов 1854а, с. 2]. Гостеприимство является важной составляющей русской культуры, её «базовым концептом» [Турбина, с. 16]. В России издавна существует ритуал гостеприимства и культ гостя, которому оказывается вся возможная помощь. Сравнение врагов с гостями показывает широту души русского человека, готового принять любого странника как гостя, и в то же время низость врага, отвергающего такое гостеприимство и ведущего против русского народа боевые действия.

Лаконичные, но в то же время выразительные описания врагов даны в опубликованном в составленной А. Ф. Погосским «Сборной книжке» стихотворении неизвестного автора «Разговор бессрочно-отпускного кавалера с ребятами перед Крымской войной». В ответ на просьбу детей рассказать, кто они, враги России, отправляющийся на войну опытный боец даёт им следующие характеристики: англичанина называет «уткой» и «пройдохой», француза — «драчуном», турка — «чуркой» [Нам-ий, с. 11]. В последней строфе стихотворения члены коалиции, вступившие в войну против России по разным причинам, преследуя собственные интересы, становятся для русского солдата единым врагом — «антихристовым племенем» [Там же, с. 14]. В этом обобщении проявляется главный грех и англичан, и французов, и турок: они выступают против самого Христа.

Негативные качества врагов, называемые и описываемые в стихотворениях о Крымской войне, позволяют авторам передавать идею о духовном превосходстве

русского народа над завоевателями. Это делает войну и неизбежно связанные с нею убийства допустимыми и оправданными.

Важными для единения народа на основе Православия, помогающего отражать натиск духовно и этически чужого «супостата», становятся христианские мотивы. Идея христианской веры, исконная, неразрывно связанная с образом русского народа, вселяющая в него силы, постоянно слышится в сборниках стихов периода Крымской войны. Так, Владимирова посвящает свой сборник «Богобоязненному, правдолюбивому, благородному, православному (курсив *наш*. — М. П.) — русскому люду...» [Владимирова, с. 4] — в этом посвящении идея христианства звучит дважды.

В тексте сборников стихов эпохи Крымской войны данная идея проявляется в разных ипостасях. Во-первых, подчеркивается, что сама война является христианской, направленной на защиту веры и братьев-православных: «Русь Святая! <...>/ Христианская свобода / В Тебе Божий щит нашла!» [Там же, с. 5], а враги выступают «противу христиан» [Там же, с. 11]. Во-вторых, «чужая» вера становится важной чертой образа врага. «Чуждая» вера в стихотворениях зачастую видится как одна из главных причин войны: «Эх, заморские вы хваты, / Басурмане — супостаты!» [Татаринова 1854а, с. 11]. Военных противников в связи с этим называют «антихристами» [Владимирова, с. 6], «крамольными врагами» [Там же, с. 11], «веры, чести продавцами» [Там же, с. 17], крамольниками, басурманами, нечестивыми и т. п.

Русский солдат изображается богомольным, смиренным человеком, для которого вера и её атрибуты — важнейшие основы жизни. Сражается он, «читая молитву» [Федоров, с. 1]. Для него характерно восприятие Родины в единстве материнской и православной ипостасей, и он готов защитить «святую нашу мать» [Скарретка, с. 10].

В стихах постоянно подчеркивается, что Русь находится под покровительством высших сил, что вера защищает её: «Самим Богом ты охраняешься, / Православная, необъятная!» [Владимирова, с. 24]. Встречаются

стихотворения, где помимо Иисуса Христа упоминается и пророк Мухаммед: «С нами русский Бог — страшитесь / Не спасет вас Мухамет⁶⁵» [Тушканова, с. 19].

Христианские мотивы реализуются также с помощью образа Креста: «Скоро солнцем загорится / Крест в Восточных небесах» [Там же, с. 6]. Одной из целей войны для авторов стихов является то, чтобы «загорели кресты соборов» [Собрание патриотических стихотворений ... , ч. 2, с. 9] в освобожденных от иноверцев христианских землях. Крест выступает как символ христианской веры и, в частности, Православия.

В поэзии периода Крымской войны отчетливо виден мотив самоутверждения нации, реализуемый в первую очередь посредством принижения значимости и силы врага. В стихах Татаринова в результате сатирического изображения враг предстаёт перед читателем слабым, недостойным, и победа над ним русского оружия воспринимается как очевидная и единственно возможная: «Русский славный штык / Путь указывать привык!» [Татаринов 1854а, с. 10]. Кроме того, в поэзии гиперболизируется образ русской армии: «И могуча / Рать твоих богатырей / Полетела грозной тучей / На погибель злых людей» [Владимиров, с. 6], а также образ русского народа в целом: «Ты стоишь в житейском море, / Как гранитная скала» [Там же, с. 7]. Подчёркивается сила русских людей, прочность их жизненных устоев, стремление помогать другим народам.

Для самоутверждения нации важна и память о том, что Русь неоднократно пытались безуспешно завоевать различные враги. Стихотворения, призванные освежить в памяти читателей предшествующие исторические события, видим в сборниках разных авторов. Целый перечень попыток завоевания Руси описывает в стихотворении «Слово к недругам» Владимирова и подытоживает, что русский народ «низвел в могилу / Всех грозивших нам врагов <...>» [Там же, с. 17]. «Лет за

⁶⁵ Автором стихотворения является Мария Ивановна Тушканова – уральская казачка, по словам Погосского, «еле грамотная», обучавшаяся письму по Псалтыри [Неизданные стихотворения, с. 16]. В сборнике опубликованы два стихотворения Тушкановой, написанные в начале Крымской войны: «Казачка» и «Нестерпимая досада на турецкого салтана». С творчеством Тушкановой во время поездки в 1900 г. на Урал познакомился В. Г. Короленко, впоследствии изложив свои впечатления в книге «У казаков (Из летней поездки на Урал)». Несмотря на то что с художественной точки зрения стихотворения Тушкановой, по мнению Короленко, слабые («убогая рифма, бедный размер, скудные образы» [Короленко, с. 174], он сочувствует ее непростой судьбе личной и творческой судьбе: супруг обижал, запрещал писать стихи, после смерти Тушкановой члены семьи сожгли ее рукописи.

полтора ста» в историю всматривается А. Кононов в стихотворении «Монсье и сэр, напрасно вы...». Автор кратко, но детально описывает вехи военной истории, упоминая нации, претендующие на русскую землю (шведы, турки, французы), названия мест сражений (Полтава, Рымник, Туртукай, Москва, Березино) и имена полководцев (Суворов, Наполеон Бонапарт, Кутузов и др.). Создается образ непобедимой державы, постоянно вынужденной противостоять нашествиям иностранных врагов и делающей это исключительно успешно.

В стихах о Крымской войне часто звучит недоумение по поводу «короткой памяти» французов⁶⁶ и соответствующая отсылка к описанию событий Отечественной войны 1812 года: «Покойные Французы знали / Остры ли Русские штыки» [Собрание патриотических стихотворений ... , ч. 2, с. 11]. Действительно, войну 1812 г. и 1850-е гг. разделял небольшой временной период, ещё были живы участники Отечественной войны — старики, рассказывавшие своим детям о великой победе над армией Бонапарта.

Поэты стараются напомнить французам, «как наш русский народ / Их тогда проучил, / Да в Париж к ним сходил» [Владимиров, с. 7], а французам и англичанам — как благодаря русской армии была «вся Европа спасена» [Скарретка, с. 14]. Упоминание о войне 1812 г. необходимо для того, чтобы намекнуть врагам на неизбежность их поражения: «Не повторился б вам Двенадцатый-то год!» [Собрание патриотических стихотворений ... , ч. 2, с. 35]. Конечно, такие обращения направлены совсем не в адрес французов — они предназначены русским людям: должны пробудить в них память о победе 1812 г., гордость за эту победу, помочь выстоять в новой войне.

Символом сильной и бесстрашной России становится во многих стихотворениях образ орла, который, безусловно, связан с гербом государства, но передает не только монархическую идею. Поэты заявляют: «Орел неустрашим!» [Там же, с. 34], метафорически воплощая в данном образе скорее не царя, а весь русский народ.

⁶⁶ Вступление Франции в Крымскую войну – это инициатива не столько французского народа, сколько Наполеона III. Е. В. Тарле считает, что император думал о собственных «династических выгодах <...>, о возможности покрыть “военными лаврами” новую империю, взять реванш за 1812 год» [Тарле 1959, с. 20].

Формированию мотива самоутверждения нации служит образ русского солдата — удалого, бесстрашного, веселого, готового сложить голову за Русь, веру и царя. Этот солдат сражается «в храбром русском полку, разудалом» [Федоров, с. 2], он с радостью идёт с бой: «Да как грянем в них по-свойски, / По-российски, по-геройски — / Дрогнул басурман!» [Владимиров, с. 29], это всегда храбрец, молодец. Несомненно, стихи, основанные именно на таком изображении воинов, привносили бодрость в настроения солдат, помогали им легче переносить трудности войны.

При этом прославление поэтами храбрости и удали русского солдата не было пропагандой, а основывалось на реальных фактах. Историки отмечают «массовый героизм солдат» в военных действиях 1853–1856 гг., а также их идеализм в восприятии образа Отечества [Смолин, Ковин, с. 136].

В стихах, написанных от лица солдата, обращает на себя внимание полное отсутствие жалости к врагам и достаточно детальные, даже натуралистические, описания их хладнокровных убийств. Таково, например, стихотворение Г. Федорова «Русский солдат»: «Метил я так и сяк, / А убил наверняк, / Как стрелок, подглядевший дичину» [Владимиров, с. 3], «Одного застрелил, / А другому впустил / Спицу в бок от булата лихого» [Там же, с. 4], «Вот как двух я свалил / И на них наступил, / Из руки не спуская булата» [Там же]. Такие описания подчеркивают, что для русского солдата враг — это уже не человек. В борьбе за Родину русский воин готов без раздумий убивать неприятелей одного за другим, поскольку жизнь Святой Руси гораздо важнее, чем жизнь конкретного человека. Соответственно, солдату не свойственны сомнения и муки совести по поводу убийства на войне. Однако, когда один из поверженных врагов начинает стонать, солдату становится жалко «душу живую» [Там же], и он прекращает мучения врага.

Монархическая идея звучит в большей части стихов периода войны. Татаринов пишет: «За Монарха НИКОЛАЯ / Ополчилась Русь Святая» [Татаринов 1854а, с. 13]. М. Владимиров обращается к Руси: «И по воле НИКОЛАЯ / Со Христом дерзай — гряди!!!» [Владимиров, с. 8]. Обязательным компонентом прославления монарха является указание на связь его с народом и православной

верой: «Мы с врагом сразимся смело / За Христа и за Царя!» [Кононов, с. 11], «...За Бога и Царя» [Скарретка, с. 17].

Образ монарха в поэзии времен Крымской войны часто является отвлеченным: в нем нет конкретики, детализации (например, «...Благословенный — Наше солнце, наш кумир, / Силой Бога окрыленный»), однако он обязателен для поэтов, которым важно подчеркнуть, что именно царь стоит во главе русского войска, является олицетворением этого войска и всего народа в целом. В стихах звучит понимание огромной роли монарха и того, что для него война является тяжким бременем — он нуждается в помощи, достоин сочувствия. Например, Владимиров в стихотворении «Русский народный гимн» обращается к высшим силам: «Подкрепи Царя, — о Боже! / Во дни мудрых дум, забот...» [Владимиров, с. 9].

Образ монарха появляется, как правило, в конце стихотворения, в его последних строках. Так, приведённые выше цитаты являются в основном заключительными строками стихотворений. Чаще всего они сопряжены с призывами продолжать войну, смело идти в бой, но некоторые стихотворения заканчиваются и душевными пожеланиями самому царю, членам его семьи: «Даруй русскому монарху многи лета, долги дни!!!» [Там же, с. 40].

Мотив самоутверждения нации способствует тому, что русский народ в традиционных пожеланиях, приведенных в конце стихотворений, начинает занимать положение равного и Богу, и царю. Образы народа, Бога, царя тесно переплетаются, сливаются в восприятии поэта:

Слава! Слава в Вышних Богу!

Слава Русскому Царю!

Слава русскому народу.

Бог — помощник нам в бою [Скарретка, с. 20].

Сильным образом, встречающимся в лирике периода Крымской войны, является также образ Матери-природы. Русский человек изображается тесно связанным с природой, а сама Русь — ее неотъемлемой частью: «В дни всеобщего покоя / Русь, как светлый океан, / Отражает всё Святое: / Месяц, солнце золотое, /

Звезды, небо — Божий храм...» [Владимиров, с. 13]. Природные образы в данном стихотворении создают картину Руси, для которой слияние с природой органично, естественно и единственно возможно. Такие картины противостоят как описаниям трагических событий войны, так и самим этим событиям. Благодаря подобным зарисовкам ещё более явным становится противоестественность войны как феномена. В то же время ассоциация Руси с Матерью-природой даёт поэту возможность подчеркнуть её силу, ведь в природе есть и бурные явления — если будет нужно, Русь пойдет «на врагов волной громадной» [Там же, с. 14].

Непосредственно обращается к природе — синему морю (автор последовательно использует постоянный эпитет) — лирический герой в стихотворении Н. В. Берга, написанном 28 февраля 1855 г. Проезжая вдоль Черного моря под Одессой, Берг «думал стихами» [Берг 1855, с. 42]. Лирический герой утешает море, которое плачет по затонувшим в Севастополе кораблям:

Не плачь, не плачь ты, сине море,
Глубоко вопли затаи:
Пройдет твое лихое горе,
Вернутся соколы твои! [Там же, с. 43]

Не только корабли, но и черноморцы — «питомцы» [Там же] моря. Поскольку лирический герой лично ощущал настроение, царящее в траншеях, он знает, что черноморцы будут стоять до последнего. Именно ощущение вовлеченности лирического героя Берга, его непосредственное свидетельство обороны Севастополя дают основания Некрасову отмечать в стихотворении «живой голос, живое чувство очевидца» [Некрасов 1855, с. 184], что выгодно выделяет его на фоне многих других, написанных в Москве или Петербурге.

Обращение в лирических произведениях к образу Черного моря отнюдь не случайно: как отмечает Г. В. Федянова, указывая на стихотворения Я. П. Полонского «На Черном море» (1855), А. Марченко «Бегут по-прежнему толпой холодной волны...» (1854), именно оно стало символом трагедии в Севастополе [Федянова 2008а, с. 26].

Не молчаливым и безучастным, а деятельным союзником России становится Черное море в стихотворении 1855 г. И. И. Башмакова «Обхождение русских с врагами. Подвиг Донских казаков на Черном море 2-го ноября 1854 года»⁶⁷. Море, чувствуя, что по нему идут вражеские суда, негодует, не безмолвствует. Называя врагов России «чужеморцами» [Башмаков, с. 8], оно возмущается, что пришли они не торговать, а воевать. К торговым судам иноземцев Черное море относится бережно: «Вы оттоль накладывали грузы, — / Я несло, лелея сколько можно, / Грузы тяжкие несло я из России, / Не гневясь, не вскидывая волны...» [Там же, с. 8–9]; «Я терпело гнет, суда носило, / Ночью сладки речи говорило; / Я волнами говорило с вами, / Я волнами вас баюкало, ласкало, / На волнах, послушных мне, я вас качало!..» [Там же, с. 9]. Однако отнюдь не столь любезно Черное море в отношении к врагам. Предупредив вражеский флот, попытавшись вразумить предателей, оно, осознав тщетность слов, полностью преображается и начинает бороться с врагами на своем, водном, фронте:

Замолчал тут Черный Понт наш и утихнул,
 На минуту будто он остановился,
 Он на зверство иноморцев подивился...
 Да потом — как вскинет черны волны,
 Волны гневом, волны пагубою полны!
 Тут и начал он метать уже не в шутку
 Корабли тяжелы, вражьи пароходы... [Там же, с. 10]

Ни знание мореходства, ни страх не могут помочь иноземцам поладить с морем, поскольку «оно ведь Русско Море» [Там же, с. 11]. Но вся жестокость моря не бездумная, не самовольная: «Черно Море есть создание Бога; / Если же оно гневливо было — / Так по воле ж Божией гневливо» [Там же, с. 12]. Таким образом, Черное море в стихотворении Башмакова предстает руководимой Божественным замыслом стихией, а значит, способной и на милосердие, и на справедливое возмездие.

⁶⁷ Это стихотворение упоминает в перечне художественно слабых, не принадлежащих литературе произведений Н. Г. Чернышевский, указывая, что оно, как и ему подобные, лишь пользуется «патриотическими чувствами народа» [Чернышевский 1855а].

Среди стихотворений периода Крымской войны многие построены на отвлечённых описаниях и призывах (например, в сборнике В. Скаррлетки [Скарретка]), но есть и стихи, содержащие множество деталей, по которым можно судить о том, что автор прекрасно осведомлён о ходе войны. К примеру, Татариновым указываются места военных действий: Кронштадт, Соловецкий (монастырь), Брагестада, город Кола, Одесса; участники войны с обеих сторон: Пальмерстон, прапорщик Щеголев, Меньшиков и др. [Татаринов 1854а, с. 5]. Такие стихи, как нам кажется, были особенно важны для читателя того времени: участники военных действий, как и те, кто не принимал участия в войне, но следил за событиями по газетам и рассказам, искали в них знакомые детали и имена. Перед глазами читателя вставали недавние события войны, которые он вместе с автором переживал ещё раз.

Далеко не все рассмотренные выше стихотворения являются совершенными в художественном отношении. В них встречаются и речевые ошибки, и неудачные рифмы, и неровный стихотворный строй, и довольно незамысловатые, поверхностные образы. Непрофессионализм поэтов в большинстве случаев извиняется тем, что они не были специалистами в стихосложении и начали писать стихи, подчиняясь сильному патриотическому порыву, руководившему обществом в период Крымской войны. Для нас же в ходе анализа стихов было наиболее важно рассмотреть мотивы, идеи и образы, которые созданы авторами — современниками событий.

Мы увидели направленность стихотворений на прославление России, её армии, силы русского оружия, на посрамление врага. Эти стихи были откликом на призыв защитить Родину, живой реакцией на события. Они создавались, когда война ещё продолжалась и неизвестно было, чем она завершится. Тем не менее стихи наполнены верой в грядущую победу, убежденностью в силе духа, высоких моральных качествах и воинском мастерстве русских солдат. В них транслируется идея единства русского народа и поддержки его действий со стороны высших сил.

Показательно, что более известные и лучше изученные стихи периода войны, написанные русскими поэтами-классиками, безусловно, превосходят

рассмотренные нами выше стихотворения художественно, но идейно схожи с ними. Обратимся к стихотворению «Теперь тебе не до стихов...» Ф. И. Тютчева, написанному в 1854 г.

Первая строка стихотворения создаёт ощущение неуместности поэтического творчества как формы досуга в пору суровых испытаний, однако большое количество лирических произведений этого периода, в том числе рассмотренных нами выше, свидетельствует об обратном.

Стихотворение Тютчева вполне соответствует концепции призыва к защите Родины. Враги изображаются здесь как «все богохульные умы, / Все богомерзкие народы» [Тютчев 1987, с. 188]. Необычна сама адресация стихотворения (оно представляет собой лирическое обращение к языку, «слову русскому, родному» [Там же]), однако вполне традиционны идеи превосходства над врагами русского народа и понимания войны как роковой борьбы, а также воззвание при этом к высшим силам:

О, в этом испытанье строгом,
В последней, в роковой борьбе,
Не измени же ты себе
И оправдайся перед богом... [Там же, с. 189].

Интересно сравнить стихи периода Крымской войны с теми, которые были написаны уже по окончании войны, спустя несколько лет, когда воспоминания о войне были ещё свежи, но наступал момент переосмысления её значения.

В стихах, написанных через несколько лет после окончания Крымской войны, по-прежнему встречаются мотивы и образы, которые присутствовали в стихотворениях 1854–1855 гг. В том числе:

- христианские мотивы — представление о связи русского народа с Богом и помощи высших сил в противостоянии врагу: «Народ, стекаясь к *алтарям*, / Хвалу усердную возносит / Смирившим громы *небесам*» (Н. А. Некрасов. Тишина, 1857 г.) [Некрасов 1982, с. 73]. Для А. А. Фета в 1887 г. важно, что «рукою *набожной* сложила здесь отчизна / Священный прах своих сынов»,

при этом сами бывшие герои в братских могилах *«молитвенно молчат»* (*курсив наш.* — М. П.) [Фет, с. 41];

— образ непобедимого русского народа: «Народ — герой! в борьбе суровой / Ты не шатнулся до конца» [Некрасов 1982, с. 73] и связанные с ним образы негибаемых и не страшщихся смерти русских солдат, выглядящих как «бойцы из железа и стали» [Апухтин, с. 152]. Даже спустя несколько лет на братском кладбище поэт ощущает, как эти герои «отвагой прежней дышат...» [Фет, с. 41];

— образы врагов — совсем не грозных и даже смешных, которые «с кислым лицом / И с разбитым отчалили носом» [Апухтин 1901, с. 152] и др.

Но появляются также новые мотивы и образы, которые стали возможными в поэзии, уже не выполняющей функции призыва к защите Родины.

Мотив драматизма и трагизма войны связан с описаниями небывалых потерь, которые понес народ. Если в стихах периода войны убийство врагов воспринималось как логичное явление, а смерть русских солдат — как неизбежность, то теперь появляется образ народа, который, «еще в крови, еще дымясь» [Некрасов 1982, с. 73], пытается вернуться к мирной жизни. Оказывается, война — это не только героизм и победные марши, это и бесконечные потери: «Носили там людей к погосту, / Как мертвых пчел, теряя счет...» [Там же, с. 74], и «немолчные, тяжкие стоны» [Апухтин, с. 153].

Даже героическая оборона Севастополя по окончании войны может быть охарактеризована как резня: «И одиннадцать месяцев длилась резня...» [Там же], а сам Севастополь после победы — как «город мертвецов» [Немирович-Данченко, с. 103].

Поэты пытаются осмыслить последствия войны теперь, когда «войска ушли... кругом пустыня, / Могилы...» [Там же, с. 74] — из-под пера выходит другая, уже не такая бодрая песня. Например, стихотворение А. Н. Апухтина «Солдатская песня о Севастополе» (1869) начинается словами:

Не веселую, братцы, вам песню спою,
Не могучую песню победы [Апухтин, с. 152].

Это неожиданное начало: оно показывает, что для автора важно оттолкнуться от уже сложившейся поэтической традиции петь «могучую песню победы» [Там же, с. 152], рассказывая о Крымской войне, и показать войну с иной стороны — стороны потерь, страданий, лишений. Поэт прекрасно понимает: «не радостна песня, что вам я пою» [Там же, с. 153], но считает нужным теперь, по прошествии нескольких лет, петь именно такую песню. Трагизм войны становится более явным на расстоянии, когда враг уже повержен и победители начинают осознавать то, что потеряли. На первый план выходит уже не величие победы, а «величие могил» [Немирович-Данченко, с. 103]. Формируется понимание того, что победа русского оружия досталась народу огромной ценой, однако ощущения, что потери были напрасными, не возникает.

Нельзя сказать, что мотивы трагизма войны появились только в стихах, написанных по её окончании. Присутствовали они и в лучших произведениях периода войны, например, в стихотворении Тютчева «Вот от моря и до моря» (1855) автор пророчит защитникам Севастополя не только «много славы», но и «много горя» [Тютчев 1987, с. 191]. Однако в поэтических произведениях послевоенного периода этот мотив становится доминирующим.

Чем больше времени проходит между окончанием войны и написанием стихотворения, тем сильнее звучит в поэтическом тексте мотив забвения. Этот мотив представлен уже в стихах первых послевоенных лет, в которых авторы всё чаще обращаются к образу могилы солдата, а не к образу самого солдата. В стихотворении «Братские могилы» (1904) И. Ф. Анненского мы видим описание заброшенного кладбища в Севастополе:

Воздух мягкий, но без силы,
Ели, мшистые каменя...
Это — братские могилы,
И полней уж нет забвенья. [Анненский, с. 138]

Мотив забвения здесь наиболее силён. Поэт размышляет о том, что, как бы ни был велик подвиг солдата, по прошествии пятидесяти лет он начинает казаться уже не таким значительным. Новые события затмевают те, современников которых

становится всё меньше, и только старые могилы напоминают о жертвах, принесенных во имя Отечества.

Для поэтического мировосприятия Фета мотив забвения неприемлем, и он в своем знаменитом стихотворении «Севастопольское братское кладбище» подчеркивает: «Из каменных гробов их голос *вечно* слышен, / Им внуков поучать *навек* суждено» [Фет, с. 41]. Однако время неумолимо, и наличие такого явного выделения *вечности* памяти о героях — убедительное свидетельство того, что автор понимал: память о героических событиях Крымской войны 1853–1856 гг. начинает ослабевать.

Изучение своеобразия русской поэзии в контексте Крымской войны и её исторического понимания имеет большой потенциал. Интересной представляется идея исследования, направленного на осмысление влияния поэзии эпохи Крымской войны на дальнейшие изменения как в творческом наследии отдельных поэтов, так и в литературных процессах второй половины XIX века и рубежа веков в целом.

3.3. Традиции русской реалистической литературы в повестях, рассказах и очерках о Крымской войне

События Крымской войны 1853–1856 гг. нашли отражение не только в поэтических, драматических⁶⁸, но и в прозаических произведениях. Самые известные и в наибольшей степени изученные произведения — Севастопольские рассказы Л. Н. Толстого — уже рассмотрены нами выше. Авторы стремились осмыслить происходящее, создавая повести, рассказы и очерки.

Наиболее востребованным жанром оказались рассказы, адресованные чаще всего простому народу. В период войны и сразу после неё активно издавались дешёвые книжки в несколько страниц с одним рассказом, в том числе анонимные. Рассмотрим одну из них — «Восстани, спяй, и воскресит тя Христос!». Особенностью начала повествования в рассказе является наличие вступления

⁶⁸ Русским драматическим произведениям периода Крымской войны посвящена наша статья «Русская драматургия периода Крымской войны 1853–1856 гг. (на материале пьес П. И. Григорьева, А. Ф. Писемского, О. Ф. Миллера, А. А. Тальцевой)» [Патрикеева 2021б].

очеркового, документального характера: «Крымская война 1854–1855 гг. оставила не в одной военной истории нашего Отечества много неизгладимых воспоминаний: отдалённые громаы её, отдаваясь по всему пространству великой земли Российской, потрясали до глубины души <...> Не было ни одного тёмного уголка в России, где бы ни шли толки про то, что происходило на местах сражений, в Крыму» [Восстани, спяй ... , с. 3]. Вступление даёт понять, что речь далее пойдёт не столько о военных действиях, сколько о том, как воспринимали их в народной среде.

В рассказе описан эпизод встречи сестёр Успенской обители с глухим инвалидом одной из прошедших войн. Даётся реалистичное описание «старичка»: «Выпрямившись, вытянувшись по-военному, стоял старичок-инвалид, в жёлто-серой солдатской шинели, с шеею, повязанною линиялым бумажным платком, с почти безволосой головой и сильно загорелым, рябоватым лицом» [Там же, с. 9]. Монахини кормят и поят странника, а он рассказывает им историю своей жизни, ключевым моментом которой служит явление ему высших сил, произнесших фразу, которая вынесена в название рассказа, после чего инвалид распрощался с пьянством.

Действие рассказа происходит во время Крымской войны, и главным является заявленный во вступлении неизвестным автором огромный интерес каждого жителя России к происходящим на фронте событиям. Монахини рассказывают страннику о последних новостях: «Лиза, отчётливо выговаривая каждое слово, стала передавать глухому инвалиду, который приставил к левому своему уху дорогой ему рожок, всё, что было ей известно о недавней победе наших войск» [Там же, с. 8], затем они приносят ему бережно хранимую газету с вестями с фронта, которую тот читает. Для автора важно показать неподдельный интерес к войне и искреннее ликование людей по поводу побед.

Инвалид — участник прошедших войн — изображен и в рассказе С. В. Максимова «Кавалер Иван Сысоев». Действие происходит в Петербурге, преимущественно в мелочной лавке. Будучи точкой оживленной торговли, мелочная лавка являлась и местом разговоров, сплетен, последних новостей. Особенно интересными для досужей публики были рассказы отставных кавалеров,

поскольку они вели разговоры не об обыденном (свадьбе, крестинах и т. п.), а о «крупной, ядерной и всем любопытной вещи» [Максимов, с. 5]. Лавочник Григорий Матвеевич относился к отставным военным с большим уважением и любезностью, поскольку своими историями они всегда привлекали в лавку множество посетителей, увеличивая тем самым продажи. Одним из отставных кавалеров, ставшим частным гостем лавки, стал глубокий старик (ему более 80 лет) — Иван Сысоевич по прозвищу Сысоев. Он охотно рассказывал посетителям о своих ранах, войнах, в которых довелось поучаствовать (это и Отечественная война 1812 г., и Русско-турецкая война 1828–1829 гг.).

В городе начинают появляться слухи о разгорающемся конфликте, который послужил началом Крымской войны. В связи с этим рассказы Сысоева приобретают все большую популярность. Особый интерес представляет взгляд этого героя на врагов России по Крымской войне. Врагов, с которыми ему раньше не приходилось иметь дела — англичан — он считает главным звеном войны, ее движущей силой («и турку подговорил, и француза сбил с толку» [Там же, с. 21]), в то время как другие народы — лишь ведомыми: французы — народ-«вертопрах», живущий не своим умом [Там же], турки — «народ необстоятельный, <...> некрещеный» [Там же].

Беседы Ивана Сысоева, его патриотизм, уверенность в силе, мужестве, высоком предназначении русского солдата вдохновляли посетителей лавочки, однако неожиданный сюжетный поворот рассказу придает загадочная перемена в поведении лавочника. Он становится все более любопытным (задает Сысоеву все больше вопросов), расчетливость в нем уступает место щедрости, рассказы отставного кавалера все больше его трогают (слушая, он тяжело и глубоко вздыхает), он все чаще оставляет лавку и куда-то уходит — все эти изменения рождают бесчисленное множество слухов. Однако впоследствии оказывается, что Григорий решил пойти солдатом на войну. Ключевым событием, повлекшим за собой принятие этого судьбоносного решения, становится сон Григория, в котором он, только что женившись, показывает молодой супруге Петербург и случайно встречается с инвалидом, внешне напоминавшим Сысоева. Тот укоряет его за

скоропалительный брак в трудные для страны военные годы: «Англичанин нас обижать хочет, французики разные, а он бабьим делом занимается. Стыдно <...> торговлей мелочной да бабами заниматься; ступай <...> за отечество, за веру православную кровь проливать, по царскому слову — Божьему слову» [Там же, с. 39–40]. В следующем сне в ту же ночь Григорий видит себя уже на поле боя храбро бьющим турок и французов. Приказчик рассказывает кавалеру Сысоеву задуманное, задает множество довольно наивных вопросов: как справиться с врагом? что будет, если ранят в бою, а что — если убьют?

Таким образом, в рассказе Максимова прослеживается ценность связи поколений, передачи опыта, в том числе военного. На первый взгляд праздные беседы с отставным кавалером в лавке становятся для Григория дорогой к новой жизни — не торговой и мелочной, а военной, полной высоких стремлений: «больно, видите, хотелось бы испытать все, что вам довелось на белом свете» [Там же, с. 51]; «от старого да израненного кавалера многому наш брат, молодой человек, может поучиться» [Там же, с. 54].

На фоне скромных, часто анонимных книжек, включающих один рассказ, выделяются издания А. Ф. Погосского. Автор, родившийся в 1816 г. в небогатой дворянской семье, с 1831 по 1843 гг. состоял на военной службе, а перейдя на гражданскую, активно занялся написанием и изданием произведений для солдат. Непосредственного участия в Крымской войне Погосский не принимал, однако его перу принадлежит множество в той или иной степени отразившей ее события произведений.

Творчеству Погосского значительное внимание уделяет С. В. Лапунов, анализирующий жанровое своеобразие его произведений [Лапунов 2016], созданный автором образ солдата [Лапунов 2018] и воплощение в солдатской прозе Погосского ценностных ориентиров [Лапунов 2020]. Лапунов отмечает, что Погосский «был наиболее известным (и самым плодовитым) автором в “солдатской” литературе» [Лапунов 2020, с. 127]. Для Погосского важно описать подвиг людей, отдавших «души свои за веру, царя и Отечество» [Погосский 1903, с. 1].

Произведения Погосского разнообразны по своим жанровым характеристикам. Автор называет их рассказами или беседами, и мы видим в них переплетение документального (очеркового) и художественного, причём эти составляющие представлены в разных книгах в разных соотношениях. К примеру, книга «Оборона Севастополя: Беседы о войне 1853–1856 гг. для войск и народа» — это, по сути, сборник очерков, в которых последовательно рассказывается о ходе обороны. Объединяет очерки и придаёт им черты художественности «образ рассказчика, выступающего как свидетель или очевидец события, либо слышавший о нем от непосредственных участников» [Лапунов 2020, с. 127]. Повествование содержит большое количество сведений, призванных расширить кругозор солдат-читателей.

В творческом наследии Погосского встречаются произведения, в которых Крымская война выступает лишь как сюжетный фон: описания военных событий, военного быта, суждения героев о причинах и последствиях войны и т. п. в них отсутствуют. Именно таким произведением является, например, повесть «Майорская дочка» [Погосский 1879]. Илья Борисов — солдат 7-й мушкетерской роты, крестьянский сын — весной 1846 останавливается в кантонир-квартире в селе Благодатском. В господской усадьбе он знакомится с еще совсем юной девочкой Женей — дочерью майора, сиротой, которую взяла к себе на содержание богатая помещица. Между ними завязывается крепкая дружба, девочка учит безграмотного солдата читать и писать⁶⁹. Череда военных походов разлучает Борисова с Женей на 10 лет. Во время Крымской войны Илья оказывается в Севастополе (описания осажденного города в повести скудны, однако автор обращает внимание читателей на геройский дух защитников Севастополя, полное отсутствие у них страха смерти: все «делали свое дело, не обращая ни малейшего внимания ни на какую опасность: ее все забыли» [Там же, с. 96]), где узнает о

⁶⁹ По мнению педагога В. П. Острогорского, проблема народного, в том числе солдатского, образования стала ведущей в творческой деятельности Погосского [Острогорский, с. 306]. Так, в повести «Майорская дочка» участие представителей образованного сословия в просвещении народа становится одной из главных идей произведения. Именно приобретенные за время общения с Женей знания впоследствии помогают Борисову стать унтер-офицером. Созидательная сила протянутой Женей руки помощи проявится и в том, что Борисов, «как грамотный и довольно развитый человек» [Там же, с. 314], окажет соответствующее влияние на своих сослуживцев.

замужестве Жени. В одной из вылазок на вражеские траншеи Илья получает серьезное ранение. Его доставляют в симферопольский госпиталь, где одной из сестер милосердия оказывается Женя — уже вдова. После войны герои воссоединяются и создают счастливую семью.

Другим произведением, где Крымская война становится лишь своеобразной декорацией для сюжета, является повесть, где главным действующим лицом становится животное, — «... Сибирлетка, полковая собака» [Погосский 1893]. Сибирлетка, щенком спасенный солдатом Егором Лаврентьевым из воды, помнит добро: во время Инкерманского сражения нашла контуженного хозяина со сломанными руками и, охраняя, не отходила от него, пока не подоспела помощь. Когда же оправившийся после ранений Лаврентьев погибает, стоя на защите Севастополя, именно благодаря верному псу его тело находят и с почестями предадут земле.

«Чисто солдатскими» называет В. П. Острогорский [Острогорский, с. 326] рассказы Погосского «Старики» [Погосский 1902] и «Покойный Иван Иванович Иванов» [Погосский 1905].

В рассказе «Покойный Иван Иванович Иванов» мы видим преобладание художественного с большой долей очеркового. Здесь повествуется о том, как солдат на передовой спасает подпоручика Балдина, и тот решает найти и отблагодарить своего спасителя, о котором знает лишь то, что он или Иван, или Иванович, или Иванов и, скорее всего, уже покойный. Описаны поиски во время и после Крымской войны, в ходе которых подпоручик встречает различных героев — простых солдат, но не может найти своего спасителя. Перед читателем — картина жизни теперь уже капитана Балдина после войны: его женитьба, его служба ротным офицером. «Храбрый, неизвестный покойный Иван, Иванович или Иванов — Господь его знает!» [Погосский 1905, с. 33] становится настоящим героем всей дальнейшей судьбы капитана Балдина и его семьи. Своего спасителя капитан встречает много лет спустя, с трудом узнав его в старике-солдате, которого решила приютить его супруга. Оказывается, звали спасителя Артамон Андронов.

Рассказ Погосского «Старики» построен как повествование от лица бывшего солдата, участника Крымской войны, и также сочетает документальное и художественное с преобладанием последнего. Повествование наполнено деталями солдатской жизни и быта, которые должны быть близки читателям. Автор создаёт образ благородного младшего офицера, справедливого к солдатам и помогающего им во всём: «И глядим — все это слабое, плохое, беспорточное так прямо к нему и прёт как в свой дом. И каждому он всегда найдёт чем помочь» [Погосский 1902, с. 18].

Анализируя образ героя произведений Погосского, Лапунов отмечает «установку на типизацию и идеализацию характера» и «тип “покорного” солдата, осмысленный автором в религиозно-нравственном плане» [Лапунов 2018, с. 172]. С этим нельзя не согласиться, однако хочется отметить, что русский воин, являющийся героем произведений Погосского, осмысливается автором как сложный образ. Для него характерны не только бесстрашие, но и христианская любовь к противнику, способность вернуться после войны к мирной жизни, стать снова честным и скромным тружеником.

Христианская любовь к врагу отражена и в рассказе М. А. Чистякова «Русская душа». Однако в этом произведении первым милосердие к противнику проявляет не русский солдат, а француз, спасая из горящего дома женщину с ребенком. Иван, сын крестьянина Ерофея, видя выбегающего из огня зуава, думает, что тот «дорвался до чужого добра» [Чистяков, с. 387], но быстро понимает, что намерения у французского солдата благородные: он не грабитель, а спаситель. Первая встреча — обмен взглядами — оказывается далеко не последней. После одного из сражений Иван замечает на поле боя истекающего кровью французского солдата — им оказывается тот самый зуав⁷⁰. Русский солдат выхаживает его, герои сближаются: «Полюбили они очень друг друга» [Там же, с. 288]. В третий раз персонажи

⁷⁰ Нами было обнаружено тесное сюжетное сходство произведения М. А. Чистякова с рассказом Н. П. Сокальского «Русский солдат и зуав», где русский солдат также жалеет французского солдата, раненного на поле боя. Обстоятельства их повторной встречи, которая, как и в рассказе «Русская душа», окажется случайной, будут связаны с пленом, в который, правда, попадет не русский боец, а зуав. Схожи и описания расставания героев: «Они простились как самые близкие, самые любящие друг друга родные» [Чистяков, с. 407] и «Зуав воротился снова, сжал его (*русского солдата*. — М. П.) в объятиях, поцеловал и снова беглым шагом домчался до своих. Это повторялось несколько раз и еще бы несколько раз повторилось, если бы широкая степь не разделила друзей» [Сокальский 1855, с. 24].

встречаются уже в Париже, куда Иван, попав в плен, был отправлен. Зуав регулярно навещает («безотлучно бывал у Ерофеева» [Там же, с. 396]) своего русского товарища, обучает его французскому. Когда же Ивана после установления мира отправляют в Россию, он на прощание делает зуаву особый, символический подарок — медный крест. Этот символизм необходим автору, чтобы в рамках художественного произведения вновь объединить поссорившиеся христианские народы.

Четвёртая встреча героев происходит уже в мирное время. Иван со своей супругой Мариной дают приют заблудившимся замерзшим детям-шарманщикам — 9-летнему мальчику и 6-летней девочке. На груди у мальчика Ерофеев замечает медный крест, подаренный им французам. Шарманщики оказываются детьми зуава, который он из-за смерти жены, собственной болезни и бедности отправил в Россию, где, по его словам, бедные французы «находят русский хлеб» [Там же, с. 405]. Спустя пять лет мимо постоялого двора, который содержат Иван и Марина, проезжает берейтор, которым оказывается тот самый французский солдат. Дети узнают отца, он сердечно благодарит Ивана за их спасение от смерти и нищеты. Спустя некоторое время, когда французам удается накопить достаточно денег для возвращения во Францию, он, прощаясь с Ерофеевым, говорит: «Я не мог ожидать, чтоб в России, в чужой земле, с которой мы еще так недавно вели войну, принимали нас так гостеприимно» [Там же, с. 407].

Стоит отметить, что Чистяков показывает читателю не только частную историю дружбы русского с французом — целые деревни, принимая пленных французов, относятся к ним не как к врагам, а как к гостям, «нищим, людям Божьим» [Там же, с. 392], которым Бог велел оказывать милость. Деревенские «нарасхват» [Там же] разбирают по своим избам французов, кормят и одевают их, надеясь, что и на вражеской стороне «найдутся <...> добрые души, которые не станут над ними (*русскими солдатами*. — М. П.) надругаться, смилуются и также приютят» [Там же].

Особого внимания заслуживает упоминание Чистяковым трофеев, привезенных французами из России, и, что более важно, описание автором

отношения к ним персонажей — как русских, так и французов. В связи с этим примечателен следующий эпизод. Иван, находясь в плену, вместе с другими пленными участвует в своеобразных экскурсиях по Парижу, которые французы проводят для русских. Во время одной из них пленным показывают Отель Ключни⁷¹, где представлена впечатляющая коллекция экспонатов Средневековья и Возрождения. Однако у русских ни один из них не вызывает ни восхищения, ни интереса. Поведение пленных полностью меняется, когда они видят в одном из залов музея захваченные французами в России и привезенные в Париж образа, сделанные просто и, очевидно, деревенскими жителями. Однако реакция русских отнюдь не радостная — напротив, «ими овладело чрезвычайное горе» [Там же, с. 394], поскольку иконы, как и они сами, — в плену у французов. Пленные понимают, что молиться этим образам парижане не будут, что иконы лишь трофеи, что для святых ликов и для самого Бога — это не что иное как оскорбление, обида. В сильнейшем потрясении русские плачут и молятся перед иконами, стоя на коленях. Чистяков показывает читателям этот эпизод не только глазами русских людей, но и со стороны французов. Видя слезную молитву русских, они не препятствуют ей: «Дав русским солдатам помолиться и насмотреться на наши образа, они их вывели оттуда» [Там же]. Более того, язык общения с Богом оказывается универсальным: не понимая слов, французы чувствуют боль русских, даже сострадают им. Сильное впечатление производят на военнопленных и русские пушки, установленные во дворе парижского Инвалидного дома. Один солдат обнимает пушку, разговаривает с ней, называет «голубушкой», «пленницей <...> горемычной» [Там же, с. 395].

Стоит отметить, однако, что для некоторых французов остается загадкой русская душа: почему русские люди так привязаны ко всему, в чем узнают свое? Так, один из французов считает одушевление икон и пушек глупостью, а самих русских — дикарями [Там же].

⁷¹ В 1850-е гг. был уже не частной собственностью, а государственной – Национальным музеем Средневековья (открыт в 1844 г.).

Отношение русских и французов к христианским святыням ярко изображено и в предназначенном для юношества романе в письмах «Мозаичная переписка» В. П. Желиховской. Роман построен на переписке молодых людей — девушек и юношей, целью которой, как заранее договорились сами участники переписки, было создание «литературной мозаики» — совокупности писем друг к друг из разных стран — России, Англии, Франции, Австро-Венгрии. Таким образом, речь шла не о простых письмах, а обязательно информативных: участники переписки должны были сообщать друг другу интересные, познавательные сведения об истории, легендах, культуре, искусстве тех мест, где им доведется побывать. Одна из участниц переписки — Ортанса Ларош — находится в Париже и рассказывает о том, как она и m-lle Marie (Маша Сахнович) посетили музей Клюни (именно туда водили французы и пленных русских солдат в рассказе М. А. Чистякова «Русская душа»). Ортанса пишет, что в окружающем музей сквере есть пьедестал, на котором установлен православный крест, привезенный французами в качестве трофея из Севастополя. Именно этот трофей становится причиной разговора представителей противостоявших друг другу во время Крымской войны держав — России и Франции. Ларош пишет, что хотела не показывать своей русской приятельнице севастопольский крест («обойти молчанием» [Желиховская, с. 78]), поскольку понимала, что это лишь «хвастливая выставка беззаконного дела» [Там же], что такой пьедестал не красит в первую очередь самих французов. Однако неожиданно появившийся Дюпре — сын состоятельного фабриканта, самонадеянный и хвастливый юноша — начинает, наоборот, делать все возможное, чтобы Маша подошла к кресту и увидела, что крест был снят с церкви св. Владимира и передан в дар музею Клюни герцогом Малаховым — французским полководцем, который стал называться так в ознаменование взятия одноименного кургана французами в 1855 г. Едкие заявления Дюпре, его наглое желание воскресить в памяти Сахнович трагические дни Севастопольской обороны, вызывают у нее воспоминания о событиях 1812–1814 гг. Она не теряет и указывает французу на то, что военные прозвища в России не пользуются популярностью, поэтому ни Кутузова, ни участников заграничных походов

русской армии не называют «парижскими», хотя, безусловно, памятуя о вступлении в 1814 г. союзной армии во главе с Александром I во французскую столицу, имеют на это право. Более того, Мария обращает внимание француза на благородство, нравственное превосходство русских, которых европейцы называют варварами, дикарями: русские никогда не позволили бы себе «хвастаться <...> католическими образами или крестами, награбленными солдатами <...> в военное время» [Там же, с. 80], хотя «могут тоже гордиться подвигами чести» [Там же, с. 81]. В письме Ортанса передает слова молодой Сахнович с восхищением и уважением, подчеркивая, что большинство французов солидарны с ней: они с радостью были бы готовы вернуть России все награбленные святыни, которые, находясь у французов, лишь умаляют достоинство самой Франции.

Среди многочисленных произведений, посвященных Крымской войне, адресованных массовому взрослому читателю, встречаются и предназначенные детям. Так, произведение О. Е. Накко «Рассказ дедушки Максима о Севастопольской обороне во время Крымской войны», изданное для народных училищ в 1904 г., было задумано как средство воспитания молодого поколения, а значит, обладает большим воспитательным потенциалом. Героем-повествователем становится ветеран Крымской войны, через много лет рассказывающий о ней потомкам. Для Накко важно сохранить память о войне и передать его новым поколениям. Ощущается адресация рассказа детям: язык и манера изложения очень просты и доступны для восприятия. Например, рассказ начинается фразами: «На Чёрном море есть полуостров, называется он Крым. Земля и климат в Крыму очень хорошие, там растёт прекрасный виноград и всякие фрукты» [Накко, с. 3]. В ходе повествования постоянно встречаются объяснения слов и понятий, которые могут быть новыми для юных читателей: «В одном месте переехали в лодке через залив, который называется бухтой и разделяет Севастополь на две части: южную и северную» [Там же, с. 5].

Рассказ героя, дедушки Максима, обращён к трём детям его крестной дочери Дарьи, которых он приходит навестить. Повествование строится таким образом, чтобы передать искренние и сильные чувства свидетеля Крымской войны,

потерявшего в это время родителей и брата, которые погибли от взрыва бомбы: «Страшное то было время, детки! Что тут делалось! Это был настоящий ад, и не день, не два, а целых одиннадцать месяцев» [Там же, с. 4].

Семью крестной дочери дедушка Максим отводит к тем местам, где проходили боевые действия. Его рассказ о том, как выглядели эти места во время войны, полон подробностей, в том числе натуралистических: «Одни стены, да трубы торчали кое-где, да в кучах обломков и мусора валялись разные домашние вещи, а в иных местах из-под этих куч торчали то ноги, то руки, то голова убитого человека» [Там же, с. 6]. Для автора важно показать не героизм защитников Севастополя, который понимается как само собой разумеющееся, а войну глазами простого человека. Накко стремится к тому, чтобы её читатели словно вживую увидели все ужасы войны и поняли, что её нельзя забывать даже по прошествии пятидесяти лет.

Адресация издания детям объясняет и то, что в книге часто встречаются иллюстрации, и то, что герой рассказа очень просто и даже наивно объясняет причины войны: «Наше Отечество стало таким сильным и богатым, что другие народы начали завидовать нам» [Там же, с. 7]. Рассказ о войне обстоятелен и затрагивает все её важнейшие моменты, начиная от причин войны и заканчивая её итогами. Повествователь не боится признать и факты, нелицеприятные для России, например, то, что «ружья у союзников были лучше, чем у наших солдат» [Там же, с. 10]. Благодаря тому что рассказ о войне вложен в уста участника событий, повествование приобретает личный, неофициальный характер, заставляя читателей вместе с героем снова переживать войну и его глазами видеть места былых сражений: «Раньше других мест пострадала у нас вот эта слобода, тут не осталось камня на камне» [Там же, с. 14]. Особенно трогателен рассказ дедушки Максима об обстоятельствах гибели его восемнадцатилетнего брата Тимоши, который спас раненого солдата, но сам погиб и похоронен в братской могиле. Читатели узнают, что «всего на братском кладбище схоронено более ста тысяч» [Там же, с. 35].

Среди художественных текстов о Крымской войне 1853–1856 гг. есть произведения, в которых отражены «особенности женского взгляда на историю: обращенность к частной жизни рядовых людей и внимание к эмоциональной стороне событий» [Острейковская 2009, с. 67]. Это книги Т. Толычевой, под псевдонимом которой выступала Екатерина Владимировна Новосильцева (1820–1885).

Новосильцева собирала воспоминания очевидцев о значимых для России войнах, например, об Отечественной войне 1812 г. [Толычева 1912], и обращение её к теме Крымской войны вполне естественно. «Рассказы старушки об осаде Севастополя» были впервые изданы в 1881 г., когда очевидцы событий становились всё старше и постепенно уходили из жизни. Новосильцева стремилась собрать и сохранить их воспоминания.

Анализу книг Новосильцевой (Т. Толычевой) уделила значительное внимание Н. В. Острейковская (Н. В. Гурьева). Исследователь отмечает, что Новосильцева была «хорошо знакома с воспоминаниями участников войны» [Гурьева, с. 41], много знала о войне и военачальниках, о событиях, предшествовавших осаде Севастополя и происходивших в городе и на полях сражений во время осады. По мнению Острейковской, «особая ценность сделанных ею записей заключается в том, что информантами были “выходцы из простонародья”» [Острейковская 2018, с. 316].

Рассказы адресованы детям и стилизованы под повествование «старушки» Анны Демидовны своим внучатам. Повествование состоит из двенадцати частей, которые называются «Вечер I», «Вечер II» и т. д. Поддавшись на уговоры внучат, Анна Демидовна из вечера в вечер подробно и обстоятельно повествует им обо всех событиях Севастопольской обороны. Основная цель книги — показать героизм и бесстрашие русский воинов: «Бодро шли наши на смерть» [Толычева 2005, с. 47]. Адресация детям и ориентация на изображение героизма не допускают со стороны рассказчицы размышлений о причинах поражений, о трудностях, которых можно было бы избежать. Однако книга реалистична, поскольку даже в таком приукрашенном виде она воссоздаёт реальные картины постигших защитников

Севастополя печальных событий: «Нагрузили целые фуры ранеными, а всех захватить не успели. Больше пятисот человек остались на поле битвы» [Там же, с. 48].

Повесть в литературе о Крымской войне 1853–1856 гг. — более редкий жанр, чем рассказ. Наиболее известным произведением данного жанра является повесть К. М. Станюковича «Севастопольский мальчик».

Писатель пережил оборону Севастополя в одиннадцатилетнем возрасте и в образе главного героя, Маркуши, он во многом описал себя. Будущий писатель не терял, как Маркуша, во время войны родителей, но он тоже сражался на бастионах, палил из «мортирки» и даже был удостоен двух медалей «За оборону Севастополя».

Двенадцатилетний Маркуша — матросский сын. Потеряв мать и отца, он сам становится к орудию, надеясь убить как можно больше вражеских солдат. Повествуя о жизни Маркушки, Станюкович затрагивает немало проблем. Он поднимает вопрос о том, «чья вера лучшая» [Станюкович, с. 16], и показывает, что для маленького героя повести все верования одинаковы: он дружит и с татаринком Ахметкой, и с евреем Исайкой. Из уст простого матроса звучит горькая правда о лучшем вооружении противника: «У француза ступер далеко бьёт, а нашему ружью не хватает дальности. Вот тебе и загвоздка» [Там же, с. 24]. Детально показанная смерть матери Маркуши от туберкулёза говорит о бедственном положении народа, лишённого нормального питания и медицинского обслуживания.

Глазами мальчика Станюкович показывает жизнь военного Севастополя: «Улица запружена матросами, которые на себе тащили большие орудия <...>» [Там же, с. 6], «Ласковая синева заштилевого большого рейда, сверкающая под солнцем, и много военных кораблей» [Там же, с. 7], «Среди людей раздавались раздирающие крики о помощи, вопли и стоны. Слышались призывы смерти» [Там же, с. 40] и т. п.

Повесть очень реалистична, причём как в описаниях героизма и патриотизма защитников Севастополя, так и в передаче автором негативной информации о

некомпетентных действиях властей, плохом снабжении армии вооружением и медицинскими препаратами и т. п.

Потеряв близких людей, Маркуша сближается с капитаном Бельцовым, который недавно потерял сына и решает пригреть мальчика. Глядя на оставляемый неприятелю Севастополь, капитан произносит: «А ты, Маркушка, теперь будешь при мне» [Там же, с. 235]. Это делает описанные в повести события и собственно её финал одновременно и трагичным, и оптимистичным. Реалистично показав оборону Севастополя, Станюкович оставляет читателям надежду на лучшее, веру в то, что всё будет хорошо.

Детский взгляд на Крымскую войну показан и в значительно менее известном произведении — рассказе Г. А. Мачтета «Васька-горнист». Пятнадцатилетний Васька — круглый сирота — упрашивает помещика взять его на войну в качестве горниста. Получив ранение и оказавшись в плену, мальчик понимает, что французы такие же люди: и они способны к состраданию, милосердию. Именно этому еще до войны учил его старый солдат Титыч: «Все люди как люди» [Мачтет, с. 4] — эти слова лейтмотивом проходят через весь рассказ. Особенно важно, что они вложены автором не только в уста и мысли Васьки и Титыча, но и французов, которые, слушая исполняемые мальчиком на свирели песни, удивлялись, что эта музыка так же трогает их, так же близка их сердцу, как и своя, французская.

Принцип «все люди как люди», однако, оказывается применим не только в оппозиции «враг — свой». Косвенно он отражен Мачтетом и в отношениях помещика с его крепостными. Барин, став во главе дружины, собранной из крестьян, за время похода начинает другими глазами смотреть на крепостных: «До сих пор он знал этих ратников только как пахарей на его ниве, как холопов его дворни, — теперь он увидел их людьми с теплым и добрым сердцем, с отзывчивой душой» [Там же, с. 28]. Именно это неожиданно возникшее в душе помещика чувство превращается сначала в глубокую думу, затем в обещание всех отпустить на волю, которое он дает дружине. В финале рассказа оно в полной мере воплощается в жизнь: барин не только дает волю собственным крестьянам, но и активно участвует в процессе освобождения остальных.

В связи с этим неслучайной оказывается кольцевая композиция, использованная Мачтетом: герои рассказа покидают родное село в одном статусе, а возвращаются — в другом. Васька уходил из деревни пастухом, а вернулся — георгиевским кавалером, крестьяне покидали родной край крепостными, а вернулись — свободными.

Рассказ получил высокую оценку организованного в 1896 г. при Педагогическом музее военно-учебных заведений Отдела критики и библиографии детской литературы. В рецензии в числе многих других достоинств (интересный сюжет, доступность для детей как среднего, так и старшего возраста, искренность автора, яркость героя) отмечено, что рассказ «прекрасный и гуманный по идее» [Что читать детям ... , с. 57].

Прозаики обращались и к очерковой, документальной литературе. Стоит отметить, что в некоторых рассмотренных выше художественных произведениях присутствует очерковое начало. Очерковая литература призвана следовать правде жизни, реалистично воссоздавать её события. Очерк как жанр отличается «отсутствием единого, быстро разрешающегося конфликта и большей развитостью описательного изображения» [Литературный энциклопедический словарь, с. 262]. Для очерка характерно «обращение к будничным фактам действительности, изображение рядовых героев» [Словарь литературоведческих терминов, с. 253].

Очерковый характер имеет книга В. Х. Кондараки из серии «В память столетия Крыма» «История Крымской войны с частными эпизодами (портретами и видами)» [Кондараки]. Её автор, крымский краевед и этнограф, представляет обзор истории Крымской войны (численность войск, количество убитых и раненых, оценка последствий военных действий и т. п.), а затем переходит непосредственно к «Эпизодам и рассказам из Крымской войны»⁷² — титульный лист с таким заглавием встречает читатель перед текстом описания эпизодов. Кондараки стремится передать правдивую информацию о войне — неслучайно в «Эпизодах...» он обращает внимание читателей на степень достоверности сведений: «Желая

⁷² С появлением нового титульного листа предшествующая нумерация обрывается и обнуляется. Текст «Эпизодов и рассказов из Крымской войны» содержит 90 с.

проверить на месте (курсив наш. — М. П.), насколько были справедливы распускаемые слухи...» [Там же, с. 4]; «Мне достоверно известно» [Там же, с. 14]; «Справедливо ли это последнее или нет — мне неизвестно» [Там же, с. 16]; «Я лично был знаком» [Там же, с. 20]; «Я лично никогда не видал этого человека, но судя по отзыву знакомых моих (курсив наш. — М. П.)» [Там же, с. 25]; «Некоторые из них (*сестер милосердия. — М. П.*) посещали наше семейство и чрезвычайно нравились матери моей» [Там же, с. 27] и др. Собранные в «Эпизодах...» рассказы объединены одним историческим контекстом — контекстом Крымской войны, а также образом повествователя, который, однако не во всех из них заявляет о себе. Тематическое пространство произведений чрезвычайно широко: помощь татар раненым русским бойцам после сражения при Альме («Алминское сражение»), участие проституток в постройке батарей для укрепления Севастополя со стороны Балаклавы («Девичья батарея в Севастополе»), месть байдарской татарки якобы убившему ее возлюбленного русскому офицеру («Байдарская татарка»), продажа садовладельцем имущества на аукционе для получения денег на выезд из Симферополя («Аукцион»), постыдное бегство из Симферополя губернатора Таврической губернии генерал-лейтенанта Пестеля и жителей после известия о движении неприятеля в сторону города («В Симферополе после десанта союзной армии около Бурлюка»), бесчинства исправника Максимовича после высадки турецких войск в Евпатории («Вести из Евпаториского уезда»), уклонение раненого поляка Ю...ского, не желавшего воевать против единоверцев, от возвращения в полк («Помощницы сестер милосердия»), убийство ради грабежа жительницы Керчи Анюты татарами («Убийство под Керчью»), особенности общения русских солдат с французскими и английскими бойцами во время коротких периодов перемирия («Уборка тел»), досуг севастопольских детей, которые, играя в войну, подражали отцам («Детские игры в Севастополе»), отвага добровольческого отряда греков в борьбе с турками — угнетателями христиан («Волонтеры легиона императора Николая»), деятельность по уходу за ранеными на Малаховом кургане приехавшей из Петербурга старушки («Прасковья Ивановна Графова») и др.

В «Эпизодах...» Кондараки показывает не только примеры героического, но и подлого, безнравственного поведения современников во время войны, в большинстве случаев избегая личных оценок. Однако в случаях, когда автор был не только свидетелем, но и участником описанных событий, он позволяет себе высказывать критические замечания. Так, в рассказе «Приобретения священников» Кондараки обличает поступок священника, имя которого он сознательно не называет («отец В...» [Там же, с. 48]). Денщик Степан, находясь в лазарете и чувствуя приближение смерти, отдал исповедовавшему и причастившему его священнику 500 рублей, чтобы тот отправил их отцу. Кондараки рассказывает, что Степан обратился к нему с просьбой проверить, выполнил ли священник просьбу. Лично пообщавшись с последним, Кондараки понимает, что он присвоил деньги себе. «Постыдный поступок», «гнусное явление» [Там же] — так выражает свое отношение к описанному автор, упоминая, что он сообщил о содеянном священником заведующему одного из лазаретов, чтобы тот следил за тем, чтобы подобные случаи не повторялись.

Среди «Эпизодов...» встречается и рассказ о том, как война, наоборот, изменила человека в лучшую сторону, позволила ему преобразить свою судьбу, заслужить уважение и доброе отношение окружающих. Так, в рассказе «Девичья батарея в Севастополе» Кондараки рассказывает, как севастопольская проститутка Сонька-златогривая, желая принять участие в защите города, собрала своих подруг и плечом к плечу с ними приступила к постройке батареи: «усердие и неутомимая деятельность их с раннего утра до позднего вечера могли служить образцом для мужчин» [Там же, с. 13]. Построенную батарею назвали Девичьей, а Сонька добровольно рассталась со своим ремеслом, поскольку «искупила бесчестие своё в поте лица на охрану и славу отечественного знамени» [Там же, с. 14]. Кондараки называет поступок Соньки, ее преображение «чудесами» [Там же, с. 13], которые, по его мнению, стали возможны именно потому, что среди севастопольцев царило единодушие в стремлении защитить, отстоять свой город.

Анализ художественных произведений, в которых нашли отражения события Крымской войны 1853–1856 гг., показывает, что в них проявляется тенденция

реалистического изображения действительности. В большинстве случаев мы не можем знать, как выглядело произведение изначально, до работы над ним цензуры, какие эпизоды были удалены из текста в результате цензурной правки. По мнению исследователей, из прозаических произведений цензурой вымарывались «осуждение действий официальных руководителей обороны Севастополя» [Цимеринов, с. 222], антикрепостнические настроения и намёки на противостояние между классами [Там же], «обкрадывание солдат интендантами и командирами» [Там же, с. 223] и т. п.

Тем не менее реалистическая традиция художественной литературы в полной мере раскрывается в проанализированных нами текстах о Крымской войне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Крымская война 1853–1856 гг. занимает в исторической памяти россиян прочное место и привлекает к себе внимание исследователей. Военное поражение, которое потерпела Россия, заставляет учёных вновь и вновь анализировать предпосылки, причины, ход, итоги этого события.

В диссертации рассмотрено значение Крымской войны 1853–1856 гг. в исторических судьбах России, исследовано ее влияние на внутри- и внешнеполитические процессы. Проанализировано отражение в общественном мнении центральных событий Крымской войны и ее результатов. С одной стороны, война показала многочисленные «слабые места» — проблемы, существовавшие в политической системе, экономике России середины XIX в. Окончание Крымской войны послужило стимулом к проведению прогрессивных реформ: отмены крепостного права, модернизации экономики и др. С другой стороны, Крымская война явила силу и стойкость русского духа, оказала воздействие на народное сознание.

В работе изучена трансформация оценок Крымской войны в научных источниках разных периодов – от военно-исторических трудов второй половины XIX в. до современных исследований. Видна тенденция ухода от упрощенной трактовки этой военной кампании как однозначного поражения. В связи с этим отмечается, что Россия в годы Крымской войны успешно вела борьбу на большинстве театров военных действий, а официальное поражение было предопределено политической изоляцией страны, военным противостоянием мощной коалиции европейских государств одновременно на нескольких фронтах. Кроме этого, ни с дипломатической, ни с военной точки зрения победа противников России не может считаться полной, так как потери в живой силе союзных армий были сопоставимы с потерями русской армии. Территориальная целостность России была практически не нарушена. А вскоре страна вернула себе и Черноморский флот, и статус Дунайской державы. В то же время важнейшим внутривнутриполитическим итогом Крымской войны стала отмена крепостного права, а

также осуществленная в течение нескольких следующих десятилетий модернизация российской экономики.

В диссертации предпринят фронтальный обзор русской периодической печати: материалов газет «Русский инвалид», «Северная пчела», «Московские ведомости», журналов «Москвитянин», «Морской сборник», «Современник», «Отечественные записки», региональных печатных изданий. Дана характеристика идейных платформ изданий, выявлен круг авторов, освещавших события Крымской войны. Новости о ходе кампании, в том числе извлечения из официальных донесений, материалы, представлявшие собой попытку не столько злободневного, сколько философского осмысления происходящего, читатели могли найти в широком спектре рубрик, освящавших как внутреннюю, так и внешнюю политику. Зачастую сообщения о событиях в Крыму выходили на первой полосе, во многих изданиях они публиковались под заголовком «Известия из Крыма». Значительное место в периодических изданиях занимали публикации, в которых были детально описаны подвиги защитников Севастополя, особенно нижних чинов. Поскольку особую роль в освещении событий Крымской войны играл телеграф, в периодических изданиях присутствовали указания на то, что сведения получены именно таким путем. Установлено, что публицистика 1853–1856 гг. имела патриотическую направленность: в ней отражались высокий боевой дух русских войск, религиозный смысл войны, готовность русских воинов помочь братьям-христианам, стремление защитить на поле боя не только Отечество, но и Православную веру.

Проведенный в работе обзор периодической печати свидетельствует о зарождении в этот исторический период в России военной журналистики.

В диссертации проведен целостный анализ эпистолярных произведений периода Крымской войны XIX в., запечатлевших ее основные эпизоды, в первую очередь Севастопольскую оборону. Выявлен идейно-тематический круг эпистолярия, отразивший патриотические настроения корреспондентов. В ходе исследования была установлена связь тематического диапазона писем современников событий 1853–1856 гг. с их родом деятельности во время войны.

Это письма участников сражений разных званий и родов войск (А. С. Меншикова, М. Д. Горчакова, П. И. Лесли, братьев В. Н. и П. Н. Худековых и др.), военных врачей (К. Н. Леонтьева), сестер милосердия (А. П. Стахович, Е. М. Бакуниной, М. Меркуровой и др.), инженеров (А. П. Орды), священников (А. Г. Лебединцева) и др. В письмах военных деятелей преобладали сообщения о диспозиции войск, состоянии укреплений и другие сведения практического содержания. Эти сведения зачастую сопровождалось и эмоциональным откликом на успехи и неудачи в войне, на героизм русских бойцов. В письмах, носящих неофициальный характер, авторы часто обсуждали погоду, передавали приветы близким, старались успокоить адресатов, в связи с чем зачастую избегали описаний страшных эпизодов военных будней.

В общей тенденции мемуарной литературы второй половины XIX в. рассмотрены посвященные событиям Крымской войны воспоминания военнослужащих (В. И. Барятинского, Д. И. Святополк-Мирского, М. А. Вроченского, Д. А. Столыпина, П. В. Алабина, В. Ф. Никатова, С. Д. Кожухова, В. А. Докудовского и др.), сестер милосердия, представителей духовенства и других современников. Выявлено влияние рода деятельности мемуаристов на отражение в их воспоминаниях военных событий. В диссертации проведен фронтальный обзор как мемуарного наследия, посвященного обороне Севастополя, так и воспоминаний, в которых описываются действия на других театрах военных действий: в Петропавловске-Камчатском (воспоминания Ю. Е. Завойко, жены губернатора Камчатской области В. С. Завойко), Одессе (мемуары К. А. Скальковского), Евпатории (мемуары В. С. Ракова, Ф. С. Стулли). В рамках работы также проведен обзор воспоминаний, оставленных потомками участников войны: это мемуары племянницы князя М. Д. Горчакова Е. С. Горчаковой и дочери участника Севастопольской обороны Е. Н. Кедрина Л. Кедринной. По мемуарам Ю. Е. Завойко, Е. М. Бакуниной, дневникам А. К. Федотовой были изучены особенности женского восприятия войны. В рамках диссертации были рассмотрены воспоминания, оставленные не только участниками войны, но и их потомками (воспоминания племянницы князя

М. Д. Горчакова Е. С. Горчаковой и дочери участника Севастопольской обороны Е. Н. Кедрина Л. Кедринной).

Проведенный в работе обзор мемуарных произведений, в которых нашли отражение события Крымской войны, свидетельствует о том, что в большинстве мемуаров прослеживается взаимовлияние и взаимная обусловленность индивидуального и типического.

В диссертации уделено особое внимание Севастопольским рассказам Л. Н. Толстого с точки зрения формирования его творческих принципов. В Севастопольских рассказах отразились философские размышления автора над биномом войны и мира, ставшим в творчестве писателя ключевой темой. В работе обозначена сюжетная, идейная связь Севастопольских рассказов с будущими произведениями Толстого, в частности с «Войной и миром».

В работе проведено исследование художественной системы поэтических образов стихотворных произведений периода Крымской войны. В стихах, написанных во время войны и нацеленных на поддержание боевого духа армии и всего народа, преобладали христианские мотивы, мотив самоутверждения нации, а также целый комплекс ключевых образов: образ Родины-матери, Матери-природы, русского солдата, образ врага и др. В послевоенных поэтических произведениях наряду с прежними мотивами появляются новые: мотив драматизма и трагизма войны, мотив забвения.

В рамках исследования в научный оборот вовлечены поэтические и прозаические произведения, которые ранее не изучались в контексте Крымской войны или подвергались только общему осмыслению.

Изучена поэтика художественной прозы, в которой нашли отражение события Крымской войны. Исследованные художественные произведения впитали литературные традиции эпохи и заложили основы нового этапа русского реализма. С точки зрения базовых принципов русской реалистической литературы в них выявлено традиционное и новаторское.

Прозу, посвященную событиям Крымской войны, отличает внимание авторов к эпизоду, деталям, неофициальным сведениям. В связи с этим появляются

сюжеты, где описываются не подвиги, а отношение к ним народа, не героизм, а военные будни солдат. Авторы стремились показать не только героизм защитников Севастополя, но и трудности, с которыми им пришлось столкнуться.

В прозаических произведениях XIX – начала XX в., в которых в той или иной степени отразились события Крымской войны, поднимаются проблемы преемственности поколений, солдатского образования, христианского отношения к врагу и православным святыням.

Установлено, что преобладающим жанром в литературе о Крымской войне стал рассказ. Его малая форма позволяла авторам описывать отдельные эпизоды войны. Героями прозаических произведений становились, как правило, простые люди: солдаты, казаки, старики – ветераны и инвалиды, старушки – свидетельницы боевых действий, матросы, дети. Большая часть произведений, отражавших события Крымской войны, адресована взрослым, однако среди рассказов есть и такие, читателями которых должны стать дети. В этом случае повествование ведётся упрощённо, в нём усиливаются просветительская и воспитательная составляющие.

Таким образом, в диссертации представлено комплексное исследование литературных источников (художественных, публицистических, мемуарных и эпистолярных произведений), сформировавших национальную память о Крымской войне 1853–1856 гг., описаны общие тенденции, определившие восприятие участниками и очевидцами этого исторического события.

БИБЛИОГРАФИЯ**ИССЛЕДОВАНИЯ**

1. *Аношкина В. Н.* Афанасий Афанасьевич Фет // История русской литературы XIX века. 40–60-е годы: Учебное пособие для вузов / Под ред. В. Н. Аношкиной, Л. Д. Громовой. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 137–161.

2. *Антипов М. А.* Матрос Кошка Пётр Маркович, герой обороны Севастополя // Война и личность: роль и место личности в истории войн: Мат. Всерос. (с междунар. участ.) научн. конф.; под ред. В. И. Баяндина и А. В. Запорожченко. Новосибирск: НГПУ, 2016. С. 133–135.

3. *Антипов М. А.* Участие дружин курского государственного подвижного ополчения в защите Севастополя (в период Крымской войны 1853–1856 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4/4 (64). С. 7–9.

4. *Бадалян Д. А.* «Признавая за этими бумагами высшее государственное значение...»: Архив И. С. Аксакова в Императорской Публичной библиотеке и издание III и IV томов его писем. Публикация Д. А. Бадаляна // Исторический архив. 2014. № 6. С. 3–25.

5. *Базилевич К. В.* Почта в России в XIX веке. М.: Связь, 1927. 196 с.

6. *Басалай С. И., Тебиев Б. К.* Развитие военной экономики России после Крымской войны 1853–1856 годов // Вестник экономической интеграции. 2013. № 4 (61). С. 119–126.

7. *Бахтин М. М.* Проблемы творчества Достоевского. М.: Алконост, 1994. 178 с.

8. *Бердяев Н. А.* Судьба России / сост., вступ. ст. и коммент. В. В. Шкоды. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2000. 734 с.

9. *Березовская В. В.* Традиции Л. Толстого в произведениях второй половины XIX века о Крымской войне // Толстовский сборник: Докл. и сообщения XII Толстовских чтений; под ред. М. П. Николаева. Вып. 5. Тула: Тульский пединститут, 1975. С. 150–160.

10. *Бесов А. Г.* О причинах и итогах Крымской войны 1853–1856 годов // Восточный архив. 2006. № 14–15. С. 5–10.
11. *Блуднова Е. Ю.* Мемуары Н. П. Игнатъева как исторический источник: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.09. М., 2007. 26 с.
12. *Бобылев Б. Г.* «И как свято они умирали!» (А. Н. Апухтин о Крымской войне) // Русская речь. 2016. № 2. С. 16–20.
13. *Богданова Т. А.* Два церковно-государственных проекта: *Русский Афон* архиепископа Иннокентия (Борисова) и *Русская Палестина* архимандрита Антонина (Капустина) [тезисы доклада] // От Зауралья до Иерусалима: личность, труды и эпоха архимандрита Антонина (Капустина). Материалы конференции. Долматово, 2016. С. 47–54.
14. *Богданова Т. А.* «На мою долю выпал жребий весьма завидный, он научит меня переносить трудности в жизни слуги Церкви и Отечества!»: архимандрит Моисей (Рыбальский) по письмам к епископу Иеремии (Соловьеву) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. Вып. 3 (15). Екатеринбург, 2016. С. 185–232.
15. *Богданович М. И.* Восточная война 1853–1856 годов / Соч. ген.-лейт. М. И. Богдановича. СПб.: тип. Ф. Сущинского, 1876.
16. *Брагина А. А.* К единству стиля художественного текста («Севастопольские рассказы» Л. Н. Толстого) // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1978. № 3 (105). С. 54–60.
17. *Бурнашёва Н. И.* Жанровое своеобразие «Севастопольских рассказов». Л. Н. Толстого // Проблемы художественного метода и жанра в истории русской литературы XVIII–XIX вв. М., 1978. С. 87–104.
18. *Бурнашёва Н. И.* Комментарии. Произведения 1852–1856 гг. // Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений: в 100 т. Т. 2: 1852–1856. М.: Наука, 2002. С. 283–517.
19. *Бурнашёва Н. И.* Севастопольские рассказы Л. Н. Толстого из Измалковской библиотеки // Библиофилы России. Альманах. 2010. Т. VII. С. 486–493.

20. *Вакулова Т. В.* Крымская война: конфликт цивилизаций // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21. № 6. С. 38–45.

21. *Вакулова Т. В.* Фортификатор Крымской войны // Парадигмы истории и общественного развития. 2018. № 9. С. 42–47.

22. *Васильев А. И.* Воспоминания очевидцев Крымской войны (по материалам российской периодики 50-х гг. XIX века) // Материалы научной сессии, г. Волгоград, 26–30 апреля 2010 г. Вып. 2: Философские, социальные и исторические науки. Волгоград, 2010. С. 284–290.

23. *Васильев Н. Л.* К вопросу об авторстве анонимного стихотворения эпохи Крымской войны «Кто кому нужнее?» («Итак, не сказка уже это...») // Русская литература. 2019. № 3. С. 92–103.

24. *Васильева Д. К.* Журнал «Современник» о Крымской войне. Годы 1853–1856 // Научн.-практ. конф., посв. 145-летию окончания первой героической обороны Севастополя. Симферополь: Таврия-Плюс, 2001. С. 48–53.

25. Введение в литературоведение: учебник для академического бакалавриата / Н. Л. Вершинина [и др.] // под общ. ред. Л. М. Крупчанова. М.: Юрайт, 2016. 479 с.

26. *Введенский В. В.* Роль эпитета при создании пейзажных зарисовок в «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстого // Л. Н. Толстой и русская отечественная мысль о национальном воспитании: Сб. научн. тр. по мат. междунар. науч.-практ. конф. Орехово-Зуево: ГГТУ, 2016. С. 74–79.

27. *Веприцкая Л. В.* Становление и развитие печатных средств военно-патриотической пропаганды в России (на примере газеты «Русский инвалид») // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 11. С. 13–19.

28. *Володина Н. В.* Майковы (Серия «Преданья русского семейства»). СПб.: Наука, 2003. 344 с.

29. *Воркачев С. Г.* Благодарность в русском паремическом фонде // Русистика без границ. 2019. Т. 3. № 3. С. 34–39.

30. *Выжимов Е. Д.* «Тамбовские губернские ведомости» как источник изучения патриотической деятельности жителей губернии в период Крымской войны 1853–1856 гг. // Вестник Тамбовского государственного университета. 2007. № 2 (46). С. 129–131.

31. *Гейрот А. Ф.* Описание Восточной войны 1853–1856 гг. СПб.: тип. Э. Гоппе, 1872. 544 с.

32. *Гершельман С. К.* Нравственный элемент под Севастополем. СПб.: тип. Гл. упр. Уделов, 1897. 467 с.

33. *Глинникова С. В.* Декабрист А. Н. Муравьев о Крымской войне и крестьянской реформе. Письма к брату Н. Н. Муравьеву (Карскому) // Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 74 с.

34. *Голованова Л. Д., Криворуцкая И. Е.* Письма «восточных рабочих» — документы по истории Второй мировой войны // Калининградские архивы. 2003. № 4. С. 40–43.

35. *Головина Т. И.* Мемуары как источник культурологического исследования: автореф. дис. ... канд. культурол. наук: 24.00.02. СПб., 1998. 21 с.

36. *Горизонтов Л. Е.* Крымская война как испытание России на имперскую прочность // The Crimean War 1853–1856. Colonial Skirmish or Rehearsal for World War? Empires, Nations, and Individuals / Ed. by J. W. Borejsza. Warsaw: Wydawnictwo Neriton; Institut Historii PAN, 2011. С. 191–216.

37. *Гулин А. В.* Лев Толстой и пути русской истории. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 253 с.

38. *Гурьева Н. В.* Крымская война в изображении Т. Толычевой // Человек и война в русской литературе XIX–XX веков: Сб. научн. тр. / под ред. М. В. Строганова. Тверь: Золотая буква, 2005. С. 39–44.

39. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому / предисл. Н. Н. Страхова. СПб.: Глаголь: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1995. 513 с.

40. *Дегоев В. В.* «Странная» Крымская война: еще раз о ее причинах и уроках // Свободная мысль. 2009. № 3 (1598). С. 133–146.

41. *Дмитриев А. П.* Г. С. Аксаков в должности судейского чиновника и губернского прокурора: честность, компетентность, религиозность (по его неопубликованным письмам к родным) // Историко-правовое и духовное наследие семьи Аксаковых в социально-культурном пространстве России, к 200-летию со дня рождения первого Уфимского губернатора Г. С. Аксакова: Сб. мат. Всерос. науч.-практ. конф. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2020. С. 40–46.

42. *Дмитриев А. П.* И. С. Аксаков о святителе Филарете (Новые материалы из фондов рукописного отдела ИРЛИ РАН) // Филаретовский альманах. 2014. № 10. С. 43–68.

43. *Дмитриев А. П.* Неопубликованное письмо К. С. Аксакова к А. С. Хомякову в контексте переписки В. С. Аксаковой и М. Г. Карташевской о картине А. А. Иванова «Явление Христа народу» // Русская литература. 2017. № 1. С. 76–94.

44. *Дмитриев А. П.* Новое об историсофских взглядах И. С. Аксакова. Два неизвестных его письма к Ф. И. Тютчеву 1871 и 1873 гг. / Публ. А. П. Дмитриева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб.: Дм. Буланин, 2014. С. 193–213.

45. *Дмитриев А. П.* Святитель Филарет в годы Крымской войны (по неизданным материалам архива Аксаковых-Карташевских) // Филаретовский альманах. 2010. № 6. С. 121–136.

46. *Дмитриев А. П.* Спор о русской жертве за болгарских братьев: (По неизданной переписке В. С. Аксаковой и М. Г. Карташевской) // София: Альманах: Евразийство и А. Ф. Лосев: миф и эйдос в русской мысли. Уфа: Андрей Словохотов, 2013. Вып. 3. С. 332–349.

47. *Дмитриев А. П., Федоров Д. А.* Крымская война и русский мир в переписке Веры Аксаковой и Марии Карташевской // Крымская война в истории России и в жизни славянофильского семейства: Переписка Веры Аксаковой и Марии Карташевской. 1853–1856. СПб.: Росток, 2016. С. 3–26.

48. *Дмитриев В. Е.* Проблема письма в европейской философии: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. М., 1999. 20 с.

49. *Домановский Л. В.* Крымская война в русском народном творчестве // Русский фольклор. Вып. 6. М.-Л.: Акад. наук СССР, 1961. С. 245–269.
50. *Дубровин Н. Ф.* Восточная война 1853–1856 годов: обзор событий по поводу сочинения М. И. Богдановича. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1878. X, 508 с.
51. *Дубровин Н. Ф.* История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. 1–3. СПб.: тип. Т-ва «Обществ. Польза», 1900. Т. 1. 438 с.; Т. 2. 516 с.; Т. 3. 480 с.
52. *Дьяконова И. А.* Севастополь 1854–1855 гг. в воспоминаниях участников обороны (По материалам фондов Музея героической обороны и освобождения Севастополя) // Героические подвиги воинов Российской армии и флота в период Крымской войны 1853–1856 гг. и обороны Севастополя 1854–1855 гг. в исторических исследованиях, экспозициях, памятниках истории и культуры города: Мат. науч.-практ. конф. Севастополь: Вебер, 2004. С. 24–31.
53. *Зайончковский М. И.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1–2. СПб.: Эксп-я заготовления гос. бумаг, 1908–1913. Т. 1. 1908. 763 с.; Т. 2. 1913. 1248 с.
54. *Зайончковский М. И.* Синопское сражение и Черноморский флот осенью 1853 года. С рис. и черт. СПб.: тип. Гл. упр. Уделов, 1903. [2], 97 с.
55. *Зубков К. Ю.* «Молодая редакция» журнала «Москвитянин». Эстетика. Поэтика. Полемика: монография, М.: Биосфера, 2012. 212 с.
56. *Зубкова Н. А., Сухоруков Л. Н.* Война и милосердие (Крымская война 1853–1856 гг. в фонде Императорского Дома Романовых) [Электронный ресурс] // Доклад в рамках III научн. конф-и «История отечественной культуры в архивных документах» (22–23 октября 2020 г.). URL: <http://nlr.ru/manuscripts/RA3677/III-konferentsiya-Istoriya-otechestvennoy-kultury> (дата обращения: 24.10.2021).
57. *Иванова О. А.* Служба сердобольных вдов в годы Крымской войны // Патриотизм и гражданственность в истории России: Мат. междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В. Н. Скворцова. СПб.: ЛГУ, 2013. С. 142–146.
58. Исторический путеводитель по Севастополю: составлен к 50-летию его обороны / под ред. А. М. Зайончковского. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1907. 295 с., 7 л. карт.

59. *Ищенко Н. А.* Крымская война 1853–1856 годов: Очерки истории и культуры. Симферополь: Крымский Архив, 2004. 142 с.

60. *Ищенко Н. А.* Мифотворчество в военном дискурсе: национальный миф о Крымской войне 1853–1856 годов в литературе Великобритании второй половины XIX века: дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.04. Симферополь, 2008. 426 с.

61. *Ищенко Н. А.* Перо сильнее, чем клинок. Мифология Крымской войны 1853–1856 годов в литературе Великобритании второй половины XIX века: Монография. Симферополь: Крымский Архив, 2007. 324 с.

62. *Калиновский В. В.* К вопросу о публикации эпистолярного наследия архиепископа Иннокентия (Борисова) профессором Н. И. Барсовым: Крымский аспект // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Исторические науки. 2014. Т. 27 (66). № 3. С. 32–43.

63. *Каптарь Д. Л.* Крымская война: новые подходы к оценке итогов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. Т. 7. № 3 (27). С. 6–10.

64. *Касьяненко С. А.* Журнал «Морской сборник» как источник изучения истории Севастопольской Морской библиотеки в период Крымской войны 1853–1856 гг. // Героические подвиги воинов Российской армии и флота в период Крымской войны 1853–1856 гг. и обороны Севастополя 1854–1855 гг. в исторических исследованиях, экспозициях, памятниках истории и культуры города: Мат. науч.-практ. конф. Севастополь: Вебер, 2004. С. 32–42.

65. *Керсновский А. А.* История русской армии: в 4 т. М.: Голос, 1993. Т. 2. 336 с.

66. *Кириченко С. Н.* Героическое в произведениях А. А. Фета о Крымской войне в контексте эстетической полемики XIX века // Культура народов Причерноморья. 2015. № 65. С. 100–103.

67. *Ковалева И. Н.* Славянофилы и западники в период Крымской войны (1853–1855 гг.) // Исторические записки / отв. ред. А. А. Сидоров. Т. 80. М.: Наука, 1967. С. 181–206.

68. *Ковалева Н. А.* Русское частное письмо XIX века: коммуникация, жанр, речевая структура: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. М., 2002. 537 с.

69. *Коваль Т.* Образ Родины в значении «Родина-мать»: патриотический дискурс // Общество и этнополитика: Мат. II междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАГС, 2009. С. 199–204.

70. *Кондратенко А. И.* Православные пастыри — участники обороны Севастополя во время Крымской войны // Орловский военный вестник. 2014. Спецвып. № 1. С. 62–65.

71. *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX века. М.: Высшая школа, 1993. 446 с.

72. *Косякова Е. Ю.* Отражение славянского вопроса в цикле стихотворений А. Н. Майкова «Из славянского мира» // Вестник Чувашского государственного ун-та. 2008. № 1. С. 292–295.

73. *Котков С. И.* Русская частная переписка XVII–XVIII вв. как лингвистический источник // Вопросы языкознания. 1963. № 6. С. 107–116.

74. *Кочукова О. В.* Дневник В. С. Аксаковой как исторический источник периода Крымской войны // Славянский сборник: Межвуз. сб. научн. тр. Вып. 13. Саратов: СГУ, 2015. С. 82–89.

75. *Кочукова О. В.* Записки А. Н. Минха о Крымской войне как исторический источник // Внешнеполитические интересы России: история и современность: Сб. мат. VIII-й Всерос. научн. конф. / отв. ред. А. В. Сквозников. Самара: СГУ, 2020. С. 109–117.

76. *Кошелев А. В.* Письма А. С. Пушкина. Проблемы текстологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. СПб., 2002. 20 с.

77. *Краснов Г. В.* Стиль «Севастопольских рассказов» Л. Н. Толстого // Учёные записки Горьковского государственного университета. Серия историко-филологическая. 1956. Вып. XXIX. С. 57–96.

78. *Крестьянников В. В.* Врачи Черноморского флота в Крымскую войну // Причерноморье. История, политика, культура. 2015. № 17. С. 14–36.

79. *Кузьмин И. А.* Материалы к биографии А. А. Фета // Русская литература. 2003. № 1. С. 122–142.

80. *Курьянова В. В.* Крымская война и начала антивоенной публицистики Л. Н. Толстого. Статья третья. Статьи и трактаты 1860–1880-х годов // Вопросы русской литературы. 2014. № 29 (86). С. 186–192.

81. *Курьянова В. В.* Крымский текст в творчестве Л. Н. Толстого: монография. Симферополь: Бизнес-Информ, 2015. 220 с.

82. *Лапунов С. В.* Жанровое своеобразие военной прозы А. Ф. Погосского // Наука — образованию, производству, экономике: Мат. XXI Регион. науч.-практ. конф. Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2016. С. 137–138.

83. *Лапунов С. В.* Образ солдата в военной прозе А. Ф. Погосского / Наука — образованию, производству, экономике: Мат. XXIII Регион. науч.-практ. конф. Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2018. С. 171–172.

84. *Лапунов С. В.* Ценностные ориентиры и их воплощение в «солдатской» прозе А. Ф. Погосского // Аксиологический диапазон художественной литературы: Сб. научн. ст. / под научн. ред. В. Ю. Боровко, Е. В. Крикливец. Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2020. С. 127–129.

85. *Ларин Д. А.* Криптографическая деятельность в период Крымской войны // Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2014. № 11 (133). С. 25–34.

86. *Летисевич Н. З.* Журнал «Морской сборник» как источник по истории обороны Севастополя: к 160-летию со дня начала блокады города англо-французскими войсками // Пространство и Время. 2014. № 3 (17). С. 157–164.

87. *Ли Кэ* Концепция «войны» и «мира» в «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстого: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Воронеж, 2003. 15 с.

88. *Линькова Е. В., Болливье М. де.* Французская историография Крымской войны (1853–1856 гг.): основные направления и тенденции // Вестник РУДН. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 1. С. 240–253.

89. *Макарова С. Э.* Психология русского характера на примере событий Крымской войны 1853–1856 годов (по воспоминаниям Н. В. Берга) // Актуальные

вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2015. № 53. С. 33–42.

90. *Макарова С. Э.* Состояние русской обороны Севастополя в феврале–июне 1855 года (по воспоминаниям Н. В. Берга) // *Universum: общественные науки: электрон. научн. журн.* 2016. № 1–4 (22). URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/3091> (дата обращения: 01.10.2021).

91. *Макеев М. С.* Николай Некрасов. М.: Молодая гвардия, 2017.

92. *Макушина А. И.* Благотворительная деятельность купечества города Николаева во второй половине XIX – в начале XX в. // *Науковий вісник Одеського національного економічного університету.* 2019. № 3 (266). С. 217–237.

93. *Малиновски П., Линькова Е. В.* Крымская война 1853–1856 гг. в пространстве памяти России и Франции // *Вестник РУДН. Серия: История России.* 2021. Т. 20. № 2. С. 205–215.

94. *Мельникова Л. В.* Патриотическая деятельность архиепископа Иннокентия (Борисова) в годы Крымской войны (1853–1856 гг.) // *Вестник церковной истории.* 2007. № 4 (8). С. 73–88.

95. *Мере А. Р.* Провинциальное общество в годы Крымской войны на страницах газеты «Пензенские губернские ведомости» // *История. Историки. Источники: электронный научный журнал.* 2021. № 1. С. 12–16.

96. *Миловидов Б. П.* Иностранцы военнопленные и российское общество в годы Крымской войны // *Российская история.* 2010. № 5. С. 153–164.

97. *Морозова Н. В.* Крымская война на страницах журнала «Москвитянин» // *Оптимизация сельскохозяйственного землепользования и усиление экспортного потенциала АПК РФ на основе конвергентных технологий: Мат. Междунар. науч.-практ. конф.: в 6 т. Волгоград: ВГАУ, 2020. Т. 6. С.68–73.*

98. *Некрасова М. Ю.* «Письмо с фронта» и «письмо к редактору» как виды эпистолярного дискурса Крымской войны // *Гуманитарные чтения «Свободная стихия»: Мат. науч.-практ. конф.; под ред. Е. А. Барминой, О. А. Москаленко. Севастополь: СГУ, 2016. С. 33–39.*

99. Некролог князя Виктора Ивановича Барятинского — отца последних владельцев усадьбы при селе Шереметьево-Песочня. 13.05.2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://62info.ru/history/node/12606> (дата обращения: 03.10.2021).

100. Оборона Севастополя: Подвиги защитников: Краткий исторический очерк с иллюстрациями / Сост. полковник Зайончковский. СПб.: Комитет по восстановлению памятников Севастопольской обороны, 1904. 78 с., 1 л. карт.: ил., порт., табл.

101. *Острейковская Н. В.* Записи Е. В. Новосильцевой о Крымской войне на занятиях по внеаудиторному чтению // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты: Мат. IV Междунар. науч.-метод. конф. Омск: Изд-во Ипполитова, 2018. С. 316–319.

102. *Острейковская Н. В.* «Невоенная» история войны в записях Е. В. Новосильцевой (Т. Толычевой) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2009. Т. 9. № 4. С. 67–70.

103. *Острогорский В. П.* Русские писатели как воспитательно-образовательный материал для занятий с детьми и для чтения народу. М.: «Начальная школа» Е. Н. Тихомировой, 1891. X, II, 339 с.

104. *Павленко О. В.* Крымская война в исторической памяти Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2014. № 18 (140). С. 9–37.

105. *Павлова И. А.* Газета «Северная пчела» о Крымской войне (1853–1856) // Журналистика в 2017 году: творчество, профессия, индустрия: Мат. Междунар. науч.-практ. конф. М.: МедиаМир, 2018. С. 249–250.

106. *Павлова И. А.* Тематическое пространство публикаций о Крымской войне в газете «Олонецкие губернские ведомости» // Медиа в современном мире. Молодые исследователи: мат. 17-й междунар. конф. студентов, магистров и аспирантов (14–16 марта 2018 года) / Под ред. А. С. Смоляровой; сост. А. Н. Марченко. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2018. С. 53–55.

107. *Панкратова Н. П.* К истории лексики и фразеологии XVII века (на материале частной переписки): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 1970. 16 с.

108. *Патрикеева М. В.* Актуализация в русской поэзии воспоминаний об Отечественной войне 1812 года в контексте Крымской войны 1853–1856 годов // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 45–54.

109. *Патрикеева М. В.* Крымская война 1853–1856 гг. в сюжетах русских басен // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27. № 3. С. 102–106.

110. *Патрикеева М. В.* Русская драматургия периода Крымской войны 1853–1856 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27. № 4. С. 100–106.

111. *Первых Д. К.* Очерки Н. П. Сокальского как этап становления отечественной военной журналистики // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2018. Т. 4 (70). № 4. С. 197–215.

112. *Первых Д. К., Первых В. В.* Военные корреспонденции Н. В. Берга в журнале «Москвитянин» (1855 г.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2015. Т. 1 (67). № 1. С. 95–103.

113. *Первых Д. К., Первых В. В.* Политическая карикатура и лубок периода Крымской войны (на материале журнала «Современник» 1854–1856 гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2015. Т. 1 (67). № 4. С. 73–79.

114. *Перевалова Е. В.* «Московские ведомости» (1851–1855) — первый редакторский опыт М. Н. Каткова // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2015. № 2. С. 94–102.

115. *Перевалова С. В.* Традиции русской литературной классики в произведениях участников Сталинградской битвы // Вопросы литературы. 2020. № 3. С. 13–32.

116. *Пиреев А. И.* Записки А. Н. Минха о Крымской войне // Отечественные архивы. 2018. № 1. С. 77–82.
117. *Подтергера И. А.* Письма и послания Симеона Полоцкого: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. СПб., 2000. 23 с.
118. «Преемство от отцов». К. Н. Леонтьев и И. И. Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Сост., вступ. статья, подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Приложение. Кн. I. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2012. 752 с., ил.
119. *Прокофьева Н. А., Щеглова Е. А.* Номинации военных действий и их участников в публицистике периода Крымской войны // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. № 3. С. 283–292.
120. *Проскурина Т. Д.* Прославление мира как естественного состояния жизни в «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстого // Мировая наука. 2018. № 12 (21). С. 370–374.
121. *Простаков С. А.* Мрачное семилетие 1848–1855 годов // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2014. № 2. С. 62–69.
122. *Райхлина Е. Л.* Тема патриотизма и своеобразие ее художественного воплощения в «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстого // Толстовский сборник — 2008. Л. Н. Толстой — это целый мир: Мат. XXXI Междунар. Толстовских чтений. Тула: ТГПУ, 2008. С. 208–210.
123. *Рассел Уильям Х.* Британская экспедиция в Крым: в 2 т. М.: PRINCIPUM, 2014. Т. 1. 576 с.; Т. 2. 544 с.
124. *Ратников К. В.* Крымская война и русская поэзия (1853–1856 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. 1999. Т. 2. № 2. С. 40–60.
125. *Розенблюм Л. А.* А. Фет и эстетика «чистого искусства» // Вопросы литературы. 2003. № 2. С. 105–162.
126. Россия во времени и пространстве. Легендарный Севастополь, неприступный для врагов / А. П. Аксёнова [и др.] // Наука и образование: новое время. 2015. № 3 (8). С. 443–447.

127. *Самойлова Г. М.* События Крымской войны в гендерном аспекте (глазами Екатерины Бакуниной и Льва Толстого) // Вестник Курганского государственного университета. 2018. № 2 (49). С. 53–55.

128. *Самохин К. В.* Экономическая модернизация России во второй половине XIX – первые годы XX веков // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2013. Т. 19. № 2. С. 468–474.

129. *Сартаков Е. В.* Публицистика М. П. Погодина времен Крымской войны // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2015. № 5. С. 37–50.

130. *Сафонова Т. В.* Колоративная лексика в «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстого // Духовное наследие Л. Н. Толстого в контексте мировой литературы и культуры: Мат. XXXVII Междунар. Толстовских чтений. Тула: ТГПУ, 2020. С. 183–186.

131. *Саюнов И. О.* Крым в стихотворениях А. Н. Яхонтова // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 292–297.

132. *Свалова Е. Н.* Наивная философия в личных письмах деревенского человека // Традиционная культура. 2018. Т. 19. № 5. С. 229–236.

133. *Сеидов В. Г.* Журналистика и дипломатия периода Крымской войны // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 1979. № 1. С. 51–59.

134. *Сеидов В. Г.* Освещение Крымской войны в русской печати середины XIX века: проблема в взаимоотношении журналистики и дипломатии: автореф. дис. канд. ... истор. наук: 07.00.10. М., 1979. 25 с.

135. *Сидорчук Е. А.* Вклад жителей в оборону Севастополя как пример взаимодействия власти и общества в условиях военного времени // Причерноморье. История, политика, культура. 2018. № 24. С. 74–79.

136. *Смекалина О. Н.* «Севастопольские рассказы» Л. Н. Толстого: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1953. 15 с.

137. *Смолин Н. Н.* Роль морального фактора Русской армии в ходе Крымской войны. 1853–1856: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. М., 2002. 20 с.
138. *Смолин Н. Н.* Характерные черты массового героизма русских войск в ходе Крымской войны 1853–1856 гг. // Военно-историческая антропология: ежегодник 2003/2004 гг.: Новые научные направления. М.: РОССПЭН, 2005. С. 91–100.
139. *Смолин Н. Н., Ковин В. Н.* Морально-боевое состояние русской армии в период Крымской войны (1853–1856 гг.): монография. Челябинск, 2017. 152 с.
140. *Соболев Г. Е.* Организационно-правовые основы военной службы казачества в Российской империи и ее особенности на Кубани: конец XVIII – первая четверть XX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 34 с.
141. *Соловьев В. С.* Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. 822 с.
142. *Степанов В. Л.* Крымская война и экономика России // Вопросы теоретической экономики. 2018. № 1 (2). С. 117–137.
143. *Степанова И. Н.* Частная переписка как жанр и форма человеческого существования // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 4 (26). С. 95–98.
144. *Суитман Дж., Мерсер П.* Крымская война. Британский лев против русского медведя. М.: Эксмо, 2011. 213, [2] с.
145. *Табакова З. П.* Крымская война в отблесках русской поэзии (из серии «История России в отблесках русской поэзии») // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 4-4. С. 39–44.
146. *Тарасова Г. В.* Мемуары как литературоведческий источник: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08. Тбилиси, 1990. 19 с.
147. *Тарле Е. В.* Сочинения: в 12 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. Т. 8. 561 с.
148. *Тарле Е. В.* Крымская война: в 2 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. Т. 1. 1950. 567 с. Т. 2. 1953. 653 с.

149. *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика: опыт источниковедческого изучения. М.: Наука, 1980. 312 с.
150. *Тартаковский А. Г.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: От рукописи к книге. М.: Наука, 1991. 286 с.
151. *Таршина Е. А.* Военные действия в период Крымской войны (1853–1856 гг.) на страницах журнала «Русская старина» // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. 2005. Т. 18 (57). № 1. С. 167–174.
152. *Терушкин Л. А.* Письма советских евреев периода Второй мировой войны — источники по истории Холокоста // Гуманитарные науки и образование в XXI веке (история, молодежная политика, туризм): Междисциплинарный сб. научн. ст. Кемерово — Орел: Орлик, 2017. С. 277–287.
153. *Тимошина Т. М.* Экономическая история России: учебное пособие М.: Филинь: Юстицин-форм, 2001. 432 с.
154. *Ткачев А. В.* Подпоручик Севастопольский: Мистерия войны и мира. М.: Русский Миръ, 2013. 872 с.
155. *Токарева Н. А.* Тема Крымской войны в эпистолярном и творческом наследии Н. А. Добролюбова // Уроки прошлого, вызовы XXI века и творчество Н. А. Добролюбова. Тема войны в исторической, художественной и философской памяти: Сб. докл. XXXIX Междунар. научн. конф. «Добролюбовские чтения — 2015». Н. Новгород: Гладкова О. В., 2016. С. 40–49.
156. *Тотлебен Э. И.* Описание обороны г. Севастополя: в 2 ч. / Сост. под рук-м ген.-адъютанта Тотлебена. СПб.: тип. Н. Тиблена и комп., 1863–1872.
157. *Турбина О. А.* Отражение социальной значимости гостеприимства в русских пословицах Т. В. Захарова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2008. № 16 (116). С. 46–53.
158. *Федотова М. С.* Севастопольская оборона (1854–1855 гг.) в культурной памяти дореволюционной России: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. СПб., 2012. 19 с.

159. *Федянова Г. В.* Жанровое своеобразие лирики Я. П. Полонского (1850-е гг.) // Вестник ТГУ. 2008. № 4. С. 25–27.
160. *Федянова Г. В.* Крымская война в русской поэзии 1850-х годов: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Коломна, 2008. 220 с.
161. *Фетисенко О. Л.* Война и Юг: К. Н. Леонтьев и его письма с Крымской кампании // Наше наследие. 2016. № 119. С. 56–61.
162. *Фруменкова Т. Г.* Православное духовенство в годы Крымской войны // Новый часовой. 1994. № 2. С. 13–18.
163. *Хомяков А. С.* Семирамида. Исследование истины исторических идей // А. С. Хомяков Сочинения: в 2 т. Работы по историософии. М.: Медиум, 1994. Т. 1. С. 15–448.
164. *Цимеринов Б. М.* Произведения о Крымской войне перед судом царской цензуры // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.: Сб. ст. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 214–223.
165. *Ченнык С. В.* Крымская кампания (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.). Ч. I. Вторжение. Севастополь: Телескоп, 2010. 320 с.
166. *Ченнык С. В.* Крымская кампания (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.). Ч. II. Альма. Севастополь: Полмет ГМБХ, 2011. 320 с.
167. *Ченнык С. В.* Крымская кампания (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.). Ч. III. Противостояние. Севастополь: Гала, 2012. 320 с.
168. *Ченнык С. В.* Крымская кампания (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.). Ч. IV. От Балаклавы к Инкерману. Севастополь: Полмет ГМБХ, 2014. 303 с.
169. *Ченнык С. В.* Крымская кампания (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.). Ч. V. Последний штурм. Севастополь: Полмет ГМБХ, 2014. 320 с.
170. *Ченнык С. В.* Крымская война на книжных страницах // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21. № 6. С. 83–91.

171. *Черешнева Г. П.* Религиозно-патриотические настроения в поэзии Ивана Саввича Никитина в период Крымской войны 1853–1856 годов // Литература и История. XIX век: Сб. научн. тр. М.: МГОУ, 2016. С. 169–176.
172. *Черноморский М. Н.* Мемуары как исторический источник. М.: [б. и.], 1959. 80 с.
173. *Чечулин Н. Д.* Мемуары, их значение и место в ряду исторических источников. СПб.: ред. журн. «Библиограф» (Н. М. Лисовского), 1891. 16 с.
174. *Чешенова Т. В.* Оборона Севастополя. Пластуны Черноморского казачьего войска в Крымской войне // Военная история России: проблемы, поиски, решения: Мат. III Междунар. научн. конф. Волгоград: ВолГУ, 2016. С. 232–239.
175. *Чичева К. Ю.* Трагедия войны в «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстого и «Суровых днях» И. С. Шмелева // Война и мир в Отечественной и мировой истории: Мат. междунар. научн. конф. СПб.: СПбГУПТИД, 2020. С. 1173–1180.
176. *Шановалова Н. В.* Источниковедческий анализ мемуаров об обороне Севастополя 1854–1855 гг.: к постановке вопроса // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 3. С. 1–12.
177. *Шановалова Н. В.* Художественная литература и мемуары как источник по изучению обороны Севастополя в 1854–1855 годах: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.00, 07.00.09. М., 2018. 221 с.
178. *Шах-Парониани Л. М.* Граф Л. Н. Толстой как военный писатель по его «Севастопольским рассказам». Петроград: Тип. В. Д. Смирнова, 1915. 17 с.
179. *Шендрикова С. П.* Культурная жизнь Севастополя в период Крымской войны (1854–1856 гг.) // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Мат. III Междунар. научн. конф. / под общ. ред. С. В. Беспаловой. Донецк: ДНУ, 2018. С. 43–45.
180. *Шепарнева А. И.* Крымская война в оценке русского общественного мнения, 1853–1856 гг.: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Орел, 1995. 21 с.

192. *Ferbalier M.* Histoire de la campagne de Crimée et du siège de Sébastopol par M. de Ferbalier, officier d'état-major. Paris, 1854. (In French)
193. *Giustiniani H. de* Commentaire sur les opérations militaires en Crimée. Paris, 1857. (In French)
194. *Gouttman A.* La Guerre de Crimée. 1853–1856. La première guerre moderne. Paris: Perrin, 2006. 438 p. (In French)
195. *Kinglake A. W.* The invasion of the Crimea. Its origin and an account of its progress down to the death of Lord Raglan. Vol. 1–8. Edinburgh, London: William Blackwood and Sons, 1868–1887. (In English)
196. *Lecat Bazancourt C.* Cinq mois au camp devant Sébastopol. Paris, 1855. (In French)
197. *Lecat Bazancourt C.* L'expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol: chroniques de la guerre d'Orient / par le baron de Bazancourt. Paris: Amyot, 1856. (In French)
198. *Lecat Bazancourt C.* La marine française dans la Mer noire et la Baltique: chronique maritimes de la guerre d'Orient. Paris: Amyot, 1856–1857. (In French)
199. *Lecat Bazancourt C.* L'expédition de Crimée. L'armée française à Gallipoli, Varna et Sébastopol. Chroniques militaires de la guerre d'Orient par le Baron de Bazancourt. Paris, 1860. (In French)
200. *Roy J.-J.-E.* Histoire du siège et de la prise de Sébastopol précédée d'une notice sur la Crimée et sur les causes et les principaux événements de la guerre d'Orient. Tours, 1856. (In French)
201. *Sumner B. H.* Krimskaya voina (The Crimean War) by E. V. Tarle // "The Slavonic and East European Review". 1947, vol. 25, № 65, pp. 578–582. (In English)

ИСТОЧНИКИ

202. *А. Л. Петрозаводск*, 1-го января 1855 г. // Олонецкие губернские ведомости. 1855. № 1. Отд. 2. Часть неофициальная. С. 1–2.
203. *А. С. Меншиков в Крымской войне. Дневники. Письма. Воспоминания.* Ч. 1 / сост. А. В. Ефимов. Симферополь: ООО «Антиква», 2018. 288 с.

204. А. С. Меншиков в Крымской войне. Ч. 2. Приказы 1853–1855 гг. / сост. А. В. Ефимов. Симферополь: ООО «Антиква», 2019. 280 с.
205. Аксаков И. С. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: в 4 т. М.: Тип. М. Г. Молчанинова, 1892. Т. 3. 466 с.
206. Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. М.: Наука, 1994. 653 с.
207. Аксакова В. С. Дневник Веры Сергеевны Аксаковой / Ред. и примеч. кн. Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева. СПб.: Огни, 1913. VIII, 174 с., 5 л. портр., факс.
208. Аксакова В. С. Дневники. Письма. СПб.: Пушкинский дом, 2013. 589 с.
209. Алабин П. В. Из походных записок // Северная пчела. 1855. № 221. С. 1167–1168.
210. Алабин П. В. Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1854–56 и 1877–78 годах: в 4 ч. М.: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°. Ч. 1: Венгерская война. 1849. 1888. [6], 160, XLVIII, V с.; Ч. 2: Восточная война (1853–1854). 1890. VIII, 332 с.; Ч. 3: Защита Севастополя (1854–1856). 1892. IV, [3], 789 с.
211. Александр Нам-ий. Разговор бессрочно-отпускного кавалера с ребятами перед Крымской войной // Сборная книжка / сост. А. Погосский. СПб.: изд-е Жуковского и Фену, 1876. С. 11–14.
212. Анненский И. Ф. Кипарисовый ларец: Книга стихов. М.: Яуза, 1995. 192 с.
213. Апухтин А. Н. Полное собрание стихотворений. Л.: Наука, 1991. 448 с.
214. Арбузов Е. Ф. Воспоминания о компании на Крымском полуострове в 1854 и 1855 годах // Военный сборник. 1874. № 4. С. 389–410.
215. Бабенчиков П. А. День и ночь в Севастополе. Сцены из боевой жизни (Из записок артиллериста) // Военный сборник. 1875. № 8. С. 315–364.
216. Бакунина Е. М. Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины (1854–1860) // Быть сестрой милосердия. Женский лик войны. М.: Алгоритм, 2017. С. 10–263.
217. Барятинский В. И. Полвека назад (Оборона Севастополя). Воспоминания князя В. И. Барятинского (1852–1855). М.: Унив. тип., 1905. 133 с.

218. *Башмаков И. И.* Обхождение русских с врагами. Подвиг Донских казаков на Черном море 2-го ноября 1854 года. М.: тип. А. Семена, 1855. 16 с.

219. *Бейтнер В. Ф.* Действие в Альминском сражении Московского пехотного полка 8-го сентября 1854 года под непосредственным распоряжением князя Меншикова // Сборник рукописей, представленных е. и. в. государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами: в 3 т.3. СПб.: тип. и лит. А. Траншеля, 1873. С. 283–355.

220. *Берг Н. В.* Севастопольские письма // Москвитянин. 1855. Т. 6. № 12. Кн. 2. С. 38–64.

221. *Берг Н. В.* Записки об осаде Севастополя: в 2 т. М.: Тип. Каткова и К°, 1858. Т. 1. 264 с.; Т. 2. 244 с.

222. *Блудова А. Д.* Воспоминания // Русский архив. 1878. Кн. 3. № 11. С. 348–368.

223. *Бугайский П. Я.* Казаки и пластуны. Ист.-воен. очерк. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1877. 46 с.

224. *Бульмеринг Е. М.* Воспоминания инженер-полковника Бульмеринга // Сборник рукописей, представленных е. и. в. государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами: в 3 т. Т. 1. СПб.: тип. и лит. А. Траншеля, 1872. С. 46–52.

225. *Валуева-Мунт А. П.* Севастополь и его славное прошлое. СПб.: А. Ф. Девриен, ценз. 1899. 179 с.

226. *Владимиров М.* Альбом патриотических стихотворений / Написаны по случаю современной войны. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1854. 45 с.

227. Влияние нынешней войны на торговые отношения России и Англии // Олонецкие губернские ведомости. 1855. № 7. Отд. 2. Часть неофициальная. С. 54–55.

228. Внутренние известия // Северная пчела. 1855. № 24. С. 115–118.

229. *Воеводский П. В.* Извлечение из письма П. В. Воеводского // Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя: сборник,

издаваемый Комитетом по устройству Севастопольского музея. Вып. I / Под ред. Н. Дубровина. Приложения. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1871. С. 96–97.

230. Военные известия неофициальные // Современник. 1855. Т. 53. № 9. С. 30–56.

231. Восемь месяцев в плену у французов (после Альмского дела). Рассказ рядового Московского пехотного полка Павла Таторского // Современник. 1855. Т. 53. № 10. С. 161–210.

232. Воспоминания севастопольца с 1854 по 1856 годы // Сборник рукописей, представленных е. и. в. государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами: в 3 т. Т. 2. СПб.: тип. и лит. А. Траншеля, 1872. С. 3–35.

233. Восстани, спяй, и воскресит тя Христос! Рассказ. СПб.: Изд. журнала «Чтение для солдат», 1886. 16 с.

234. *Вроченский М. А.* Севастопольский разгром: воспоминания участника славной обороны Севастополя. Киев: типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К^о в Москве, 1893. 256, V с.

235. *Вышеславской А.* Севастополь в последние месяцы осады (Из записок медика) // Русская беседа. 1860. Кн. 20. Отд. V. С. 47–96.

236. *Вяземский П. А.* Нахимов, Бебутов — победы близнецы! // Москвитянин. 1854. Т. 1. № 1. Кн. 1. С. 1.

237. *Горбунов Н. А.* Воспоминания об участии при защите г. Севастополя бывшего в то время полковым адъютантом Владимирского пехотного полка поручика, ныне отставного майора Наума Александровича Горбунова // Сборник рукописей, представленных е. и. в. государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами: в 3 т. Т. 1. СПб.: тип. и лит. А. Траншеля, 1872. С. 55–88.

238. *Горчакова Е. С.* Воспоминания о Крыме. М.: тип. О-ва распространения полез. кн., 1883. 182 с.

239. *Горький М.* На дне // *Горький М.* Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 т. Т. 7. М.: Наука, 1970. С. 107–182.

240. *Гунаропуло С. А.* Воспоминания старого моряка. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1903. 35 с.
241. *Ден В. И.* Записки генерал-лейтенанта Владимира Ивановича Дена // Русская старина. 1890. Т. 65. С. 551–574.
242. Дневник русского солдата, взятого в плен при Бомарзунде в 1854 году / подгот. и ред. И. Загородникова; сообщ. П. С. Лебедев // Русская старина. 1893. Т. 80. № 10. С. 185–212.
243. *Добролюбов Н. А.* Собрание сочинений: в 9 т. / Под общ. ред. Б. И. Бурсова и др.; вступ. ст. В. В. Жданова. М.; Л.: Гослитиздат, 1964. Т. 9: Письма. 699 с.
244. *Додуковский В. А.* Воспоминания генерал-майора Василия Абрамовича Докудовского. Рязань: Ряз. учен. арх. комис., 1898. 279 с.
245. *Драхенфельс фон Ф.* Воспоминания Ф. фон Драхенфельса // Сборник рукописей, представленных е. и. в. государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами: в 3 т. Т. 2. СПб.: тип. и лит. А. Траншеля, 1873. С. 45–67.
246. *Дудышкин С. С.* «Севастополь в декабре месяце», г. Л. Н. Т. // Отечественные записки. 1855. Т. 101. № 7. Отд. IV. Библиографическая хроника (Журналистика). С. 65.
247. *Ершов А. И.* Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера. СПб.: тип. Штаба Отд. корп. вн. Стражи, 1858. 290 с.
248. *Желиховская В. П.* Мозаичная переписка: Роман для юношества в письмах. М.: т-во И. Д. Сытина, 1908. 208 с.
249. Журнал военных действий в Крыму. Сентябрь – декабрь 1854 года / сост. А. В. Ефимов. Симферополь: Антиква, 2010. 192 с.
250. Журнал военных действий в Крыму. Январь – август 1855 года / сост. А. В. Ефимов. Симферополь: Антиква, 2016. 302, [1] с.
251. *Завойко Ю. Е.* Воспоминания о Камчатке и Амуре (1854–1855). М.: Унив. тип., 1876. 64 с.

252. *Зарубаев В. П.* Воспоминания о Севастополе бывшего командира 1-й карабинерной роты Алексопольского егерского полка Валериана Зарубаева // Сборник рукописей, представленных е. и. в. государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами: в 3 т. Т. 2. СПб.: тип. и лит. А. Граншеля, 1872. С. 435–488.

253. *Златковский М. Л.* Аполлон Николаевич Майков. 1821–1897 г. СПб.: тип. П. П. Сойкина, 1898. 122 с.

254. Знамение перста Божия в деле по Восточному вопросу // Русский инвалид. Военный листок. 1855. № 80. С. 381–382.

255. *И. В.* Отрывки из писем о Высокопреосвященном Иннокентии // Венок на могилу Высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа Таврического. М.: тип. М. П. Захарова, 1864. С. 118–130.

256. Известия из Крыма // Северная пчела. 1855. № 14. С. 66.

257. Извлечения из писем госпожи начальницы Крестовоздвиженской общины Сестёр попечения о раненых в Крыму // Морской вестник. 1855. № 10. С. 63–80.

258. Из записок севастопольца // Русский архив. Историко-литературный сборник. 1867. № 12. С. 1579–1637.

259. Из походных воспоминаний о Крымской войне // Русский архив. Историко-литературный сборник. 1870. № 11. С. 2044–2059.

260. *Иннокентий (Борисов)* Письма Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического к Гавриилу, архиепископу Рязанскому и Зарайскому. М.: Унив. тип. (Катков и К), 1869. II, 104 с.

261. *Кавелин К. Д.* Дворянство и освобождение крестьян. Берлин: В. Behr's Buchh. (E. Vock), 1862. 68 с.

262. *Каратыгин П. П.* История религий и тайных религиозных обществ Древнего и Нового мира: Древ. мир. Т. 3. СПб.: тип. д-ра М. Хана, 1870. 280, XI с.

263. *Картамышев К.* Письмо из Одессы к А. К. // Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя: сборник, издаваемый Комитетом по

устройству Севастопольского музея. Вып. II / Под ред. Н. Дубровина. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1871. С. 74–87.

264. *Кедрина Л* Из моих воспоминаний // Русский архив. 1917. Кн. 1. С. 102–135.

265. *Кичеев П. И.* Воспоминания о бытности неприятеля в Москве в 1812 году // Русский инвалид. Военный листок. 1855. № 79. С. 377.

266. *Клемм Т.* «Друг за друга стояли грудью». Записки ветерана Крымской войны // Источник. 1998. № 1. С. 31–55.

267. *Кобылянский Я. П.* Записки о Крымской войне 1853–1856 гг. // Река Времен. Книга истории и культуры. Кн. 1: Государь. Государство. Государственная служба: альманах. М.: Эллис-Лак, 1995. С. 79–175.

268. *Кожухов С. Д.* Из Крымских воспоминаний последней войны Русский архив. Историко-литературный сборник. 1869. № 9. С. 381–394.

269. *Колчак В. И.* Война и плен. 1853–1856 гг. Из воспоминаний о давно пережитом: С приложением посмертных записок последнего начальника Малахова кургана, контр-адмирала П. А. Карпова. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1904. 8, 178 с.

270. *Комовский А. Д.* Некоторые ошибки и заблуждения в рассказах и сочинениях о Крымской войне. СПб.: Тип. Н. Греча, 1859. 36 с.

271. *Кондараки В. Х.* В память столетия Крыма. История Крымской войны: С частными эпизодами (с портретами и видами). М.: Тип. В. В. Чичерина, 1883. XVI, 292, 90 с.

272. *Кононов А.* Современные стихотворения. СПб.: Тип. штаба военно-учебных заведений, 1854. 16 с.

273. *Корвин-Павловский И.* Из воспоминаний севастопольца // Военный сборник. 1871. Т. 82. № 12. С. 287–326.

274. *Корженевский Е. Р.* Воспоминания о Севастополе Евгения Романова Корженевского // Сборник рукописей, представленных е. и. в. государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами: в 3 т. Т. 3. СПб.: тип. и лит. А. Траншеля, 1873. С. 3–103.

275. *Короленко В. Г.* У казаков (Из летней поездки на Урал) // Полное собрание сочинений в 9 т. Т. 6. 1914. СПб.: А. Ф. Маркс. С. 130–258.
276. *Крестовский В. В.* Панургово стадо. Ч. 1–3. Лейпциг: В. Гергард, 1970. Ч. 1. 500 с.
277. Критика и библиография // Москвитянин. 1854. Т. 2. № 5. Кн. 1. С. 1–24.
278. *Крупская А.* Воспоминания Крымской войны сестры Крестовоздвиженской общины Александры Крупской. СПб.: Тип. И. Огризко, 1861. 62 с.
279. Крымская война в истории России и в жизни славянофильского семейства: Переписка Веры Аксаковой и Марии Карташевской (1853–1856) / ИРЛИ РАН; Изд-е подготовили Андрей Дмитриев и Денис Федоров. СПб.: Изд-во «Росток», 2016. 464 с.
280. Крымская экспедиция: Рассказ очевидца, фр. генерала. / Пер. Маркова. М.: тип. т-ва Волкова и К°, 1855. 94 с.
281. *Кутикин В. Ю.* Крымская война: взгляд из-за монастырских стен из писем игумена Антония (Бочкова) к оптинскому старцу Макарию (Иванову). 1848–1856 гг. // Исторический архив. 2015. № 4. С. 41–56.
282. *Лавронский П. А.* Поездка во внутреннюю Чехию весною 1860 года // Утро. Литературный и политический сборник. М.: тип. газеты «Русский», 1868. Т. 3. С. 93–246.
283. *Латинский Н. С.* Воспоминание об осаде Севастополя майора 5-го пехотного Калужского Его Императорско-Королевского Величества Императора Германского и Короля Прусского полка Николая Семеновича Латинского // Сборник рукописей, представленных е. и. в. государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами: в 3 т. СПб.: тип. и лит. А. Траншеля, 1872. Т. 1. С. 123–179.
284. *Лебединцев А. Г.* Письма протоиерея Арсения Лебединцева, б. благочинного церкви Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию, архиепископу Херсонскому и Таврическому, с донесением о ходе военных

действий и состоянии церквей и духовенства во время 11-месячной осады Севастополя. Киев: Тип. «Корчак-Новицкого», 1896. 185 с.

285. *Лебецкий С.* Еще воспоминание о 1812 годе // Русский инвалид. Военный листок. 1855. № 74. С. 353–354.

286. *Ленин В. И.* Лев Толстой как зеркало русской революции // *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 17: Март 1908 – июнь 1909. М.: Политиздат, 1968.

287. *Леонтьев К. Н.* Собрание сочинений: в 9 т. Т. 9: Воспоминания (1831–1868 гг.). СПб.: В. М. Саблин, 1919. 411 с.

288. *Леонтьев К. Н.* Избранные письма, 1854–1891. СПб.: Пушкин. фонд, 1993. 637 с.

289. *Леонтьев К. Н.* Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. / Редкол.: В. А. Котельников (гл. ред.) и др. Т. 1. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2000. 684, [3] с., [1] л. портр.

290. *Лесли П. И.* Письма отставного флота капитан-лейтенанта Петра Ивановича Лесли // Сборник рукописей, представленных е. и. в. государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами: в 3 т. СПб.: Тип. и лит. А. Траншеля, 1872. Т. 2. С. 293–432.

291. *Л. Н. Т.* Севастополь в декабре месяце // Современник. 1855. Т. 51. № 6. С. 333–348.

292. *Максимов С. В.* Кавалер Иван Сысоев. СПб.: Досуг и дело, 1871. 70 с.

293. *Мачтет Г. А.* Васька-горнист. М.: тип. М. Г. Волчанинова, 1896. 57 с.

294. *Меншиков А. С.* Известия из Крыма // Морской сборник. 1855. Т. 14. № 1. С. 29–31.

295. *Милошевич Н. С.* Из записок севастопольца. СПб.: Сенат. тип., 1904.

296. *Минх А. Н.* Записки о Крымской войне. Саратов: Изд-во СГЮА, 2019. 276 с.

297. *Модестов С. С.* «Помянух лета древнии и поучахся...»: воспоминания московского священника (середина XIX – начало XX в.). М.: Перо, 2020. 320 с.

298. Москвитянин. 1855. Т. 1. № 1. Кн. 1.

299. Московские ведомости. 1855. № 112.
300. *Муравьев А. Н.* Впечатления Украины и Севастополя. СПб.: Тип. III Отд., 1859. 89 с.
301. *Н. Б.* Рассказ солдата Сидорова о военных событиях, происходивших при бомбардировании англо-французами Севастополя англо-французами. М.: Тип. М. Смирновой, 1855.
302. *Накко О. Е.* Рассказ дедушки Максима о Севастопольской обороне во время Крымской войны (для детей народных училищ) Одесса: Тип. Южнорус. общ-ва печ. дела, 1904. 36 с.
303. *Нарышкина Е. А.* Мои воспоминания. Под властью трех царей. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 688 с.
304. Наши богатыри: Кн. 1–2. / сост. А. Ф. Погосский. Кн. 1. СПб.: Досуг и дело, 1869. 137 с.
305. *Некрасов Н. А.* Заметки о журналах за декабрь 1855 и январь 1856 года // Современник. 1856. Т. 55. № 2. С. 201–223.
306. *Некрасов Н. А.* Заметки о журналах за сентябрь 1855 года // Современник. 1855. Т. 53. № 10. С. 165–185.
307. *Некрасов Н. А.* Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Л.: Наука, 1982. Т. 4: Поэмы 1855–1877. 655 с.
308. *Некрасов Н. А.* Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); редкол.: Н. Н. Скотов (отв. ред.) и др. СПб.: Наука, 1981–2000. Т. 14, кн. 1. Письма. 1840–1855. 1998. 371 с.
309. *Немирович-Данченко В. И.* Севастополь // Маслов П. В. Крым: Хрестоматия по истории края / Под ред. В. Овсейчика и др. Симферополь: Крымское гос. изд-во, 1930. С. 103.
310. *Никатов В. Ф.* Лайкович, безногий юнкер, в Севастополе: из воспоминаний бывшего севастопольского охотника. СПб.: Н. Фену и К°, 1897. 15 с.
311. *Никатов В. Ф.* Подвиги некоторых сподвижников Тарутинского пехотного полка, павших в побоище 24 октября 1854 года на Инкермане, вблизи

Севастополя: (Выдержка из воспоминаний бывшего севастопольского охотника — унтер-офицера этого полка). СПб.: Досуг и дело, 1874.

312. Новости заграничные // Северная пчела. 1855. № 24. С. 118–120.

313. Ночь весною 1855 года в Севастополе // Современник. 1855. Т. 53. № 9. С. 5–30.

314. Об издании «Современника» в 1856 году // Современник. 1855. Т. 54. № 12. С. 3–13.

315. Обзор военных действий 1854–1855 годов: VI. Крымская экспедиция // Отечественные записки. 1855. Т. 103. Кн. 12. Отд. Современная хроника России. С. 81–112.

316. Оборонительная казарма бастиона № 5 // Сборник рукописей, представленных е. и. в. государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами: в 3 т. Т. 1. СПб.: тип. и лит. А. Траншеля, 1872. С. 89–109.

317. *Ознобишин Д. П.* Был век!... // Москвитянин. 1854. Т. 2. № 5. Кн. 1. С. 3–4.

318. *Орбинский Р. В.* Заграничные письма // Русское слово. 1859. № 9. Отд. III. Смесь. С. 1–34.

319. *Орда А. П.* Письмо севастопольца // Русская старина. 1893. Т. 80. С. 609–614.

320. *Осинин И. Т.* Торжество в Крестовоздвиженской общине сестер милосердия и несколько слов о самой общине. СПб.: тип. Деп-та уделов, 1865. 15 с.

321. Петрозаводск // Олонецкие губернские ведомости. 1854. № 13. Отд. 2. Часть неофициальная. С. 93.

322. *Писемский А. Ф.* Письмо А. Н. Островскому от 26 июля 1855 года // А. Ф. Писемский. Материалы и исследования. М., Л.: АН СССР, 1936. С. 82.

323. Письма из Севастополя // Русский инвалид. Военный листок. 1855. № 92. С. 441–443.

324. *Погодин М. П.* Новое издание Пушкина и Гоголя // Москвитянин. 1855. Т. 6. № 12. Кн. 2. С. 1–4.

325. *Погосский А. Ф.* Майорская дочка. СПб.: Тип. (бывшая) А. М. Котомина, 1879. 148 с.
326. *Погосский А. Ф.* Оборона Севастополя: Беседы о войне 1853–1856 гг. для войск и народа СПб.: Тип. и лит. В. А. Тиханова, 1903. 162 с.
327. *Погосский А. Ф.* Покойный Иван Иванович Иванов: Рассказ из Крымской войны. СПб.: Тип. и лит. В. А. Тиханова, 1905. 46 с.
328. *Погосский А. Ф.* ... Сибирлетка, полковая собака. СПб.: Н. Фену и К°, ценз. 1893. 84 с.
329. *Погосский А. Ф.* Старики: Рассказ из Крымской войны. СПб.: Тип. и лит. В. А. Тиханова, 1902. 67 с.
330. Пожертвования в пользу войск // Олонецкие губернские ведомости. 1854. № 13. Отд. 2. Часть неофициальная. С. 93.
331. *Попадаки Э.* Остров Кандия. Несколько заметок кандиота о географии, истории и нынешнем состоянии острова. СПб.: тип. и лит. А. Траншеля, 1867. [2], VI, 78, III с., 1 л. карт., портр.
332. *Раич С. Е.* Война и мир // Москвитянин. 1854. Т. 2. № 6. Кн. 2. С. 52–55.
333. *Раич С. Е.* Грекам // Москвитянин. 1854. Т. 2. № 6. Кн. 2. С. 50–51.
334. *Раков В. С.* Мои воспоминания о Евпатории в эпоху Крымской войны 1853–1856 гг. Евпатория: Тип. М. Л. Мурованского, 1904. 56 с.
335. *Рачинский А. В.* Походные письма ополченца из Южной Бессарабии 1855–1856 г. М.: Тип. Александра Семена, 1858. 76 с.
336. *Реймерс В-В. Г.* Воспоминания командира 4-го бастиона капитана 1-го ранга Реймерса (бывшего капитан-лейтенантом) о восьмимесячной бытности его в Севастополе во время его бомбардирования // Сборник рукописей, представленных е. и. в. государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами: в 3 т. Т. 1. СПб.: тип. и лит. А. Траншеля, 1872. С. 26–45.
337. *Репнина В. Н.* Воспоминания о бомбардировании Одессы в 1854 г. // Русский архив. 1891. Кн. 3. № 11. С. 400–415.

338. Речь их императорским высочествам, государям великим князьям Николаю Николаевичу и Михаилу Николаевичу, произнесенная преосвященным Иннокентием при вступлении их высочеств 4 октября 1854 г. в Одесский Кафедральный Преображенский собор // Олонецкие губернские ведомости. 1854. № 42. Отд. 2. Часть неофициальная. С. 331–332.

339. *Розин А. И.* Очерки из Крымской войны (дневник очевидца) А. Розина // Сборник рукописей, представленных е. и. в. государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами: в 3 т. Т. 2. СПб.: тип. и лит. А. Траншеля, 1872. С. 199–291.

340. Русские моряки во Франции: Октябрь 1893 г. (Бесплатное народное издание Евгения Васильевича Богдановича). СПб.: типо-лит. Р. Голике, 1894. 48 с.

341. Русский инвалид. 1855. № 72.

342. Русский инвалид. 1855. № 73.

343. Русский инвалид. 1855. № 74.

344. Русский инвалид. 1855. № 75.

345. Русский инвалид. 1855. № 76.

346. Русский инвалид. 1855. № 77.

347. Русский инвалид. 1855. № 78.

348. Русский инвалид. 1855. № 80.

349. Русский инвалид. 1855. № 81.

350. Русский инвалид. 1855. № 85.

351. Русский инвалид. 1855. № 92.

352. Русский инвалид. 1855. № 93.

353. *Рыжов И. И.* О сражении под Балаклавой // Русский вестник. 1870. Т. 86. № 4. С. 463–469.

354. *Салтыков-Щедрин М. Е.* Наша общественная жизнь // Современник. 1864. Т. 101. № 3. Отд. Современное обозрение. С. 27–62.

355. Сведения о подвигах морских чинов в Севастополе, извлеченные из донесений Генерал-Адъютанта князя Меншикова // Морской сборник. 1854. Т. 13. № 12.

356. *Святополк-Мирский Д. И.* Воспоминания князя Дмитрия Ивановича Святополк-Мирского о сражении при Чёрной речке 4-го августа 1855 года. Пенза: Тип. Губ. Правление, 1896. 28 с.
357. Севастополь в нынешнем состоянии. Письма из Крыма и Севастополя. М.: В тип. Александра Семена, 1855. 52 с.
358. Неизданные стихотворения. // Сборная книжка / сост. А. Погосский. Спб.: изд-е Жуковского и Фену, 1876. С. 15–17.
359. Сборник известий, относящихся до настоящей войны, издаваемый с выс. соизволения Н. Путиловым: Кн. 1. Спб., 1854–1859.
360. Сборник рукописей, представленных е. и. в. государю наследнику о севастопольской обороне севастопольцами: в 3 т. Спб.: тип. и лит. А. Траншеля, 1872–1873. Т. 1. 1872. [7], 476 с. Т. 2. 1872. [1], 489 с. Т. 3. 1873. [3], 447 с.
361. *Семякин К. Р.* Выписки из писем покойного генерала от инфантерии Константина Романовича Семякина к его покойной супруге // Сборник рукописей, представленных е. и. в. государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами: в 3 т. Т. 3. Спб.: тип. и лит. А. Траншеля, 1873. С. 107–225.
362. Синопский бой. Спб.: издание склада учебных пособий для войск В. А. Березовского, 1882. 30 с.
363. *Скальковский А. А.* Письма одесского жителя о Восточном вопросе // Русский инвалид. Военный листок. 1855. № 78. С. 371–372.
364. *Скальковский К. А.* Воспоминания молодости (по морю житейскому) 1843–1869. Спб.: Тип. А. С. Суворина, 1906. 410 с.
365. *Скарретка В.* Чувство и любовь слепца к престолу и Отечеству. М.: Тип. А. Семена, 1855. 20 с.
366. Славянский съезд в Праге и годовщина съезда в Москве. М.: Унив. тип. (Катков и К), 1868.
367. Слово, произнесенное Высокопреосвященным Иннокентием, Архиепископом Херсонским и Таврическим, в Севастополе в лагерной, что на

северном укреплении, церкви июня 25-го 1855 года // Олонецкие губернские ведомости. 1855. № 33. Отд. 2. Часть неофициальная. С. 251–253.

368. Слово, сказанное Высокопреосвященным Иннокентием, Архиепископом Херсонским и Таврическим, июня 26-го 1855 года в Севастопольском Николаевском соборе, во время бомбардирования сего города неприятелями // Московские ведомости. 1855. 17 сентября. № 112. С. 993–994.

369. *Смирнов П. А.* Слово по случаю тридцатипятилетия осады Севастополя произнесенное в Исаакиевском соборе 20-го февраля 1890 года, в присутствии Его Императорского Высочества Великого князя Михаила Николаевича. СПб.: [б. и.], 1890. 8 с.

370. Собрание донесений о военных действиях и дипломатических бумаг и актов, относящихся до войны 1853, 1854, 1855 и 1856 годов. СПб.: Воен. тип., 1858. 550 с.

371. Собрание патриотических стихотворений, написанных разными авторами по случаю военных действий и побед, одержанных Российским победоносным воинством: в 2 ч. / Собр. Н. Клячковым. М.: Тип. М. Смирновой, 1854. Ч. 1. [2], 51 с. Ч. 2. 86, II с.

372. Собрание писем сестер Крестовоздвиженской общины попечения о раненых. СПб.: тип. Почтового Деп-та, 1865.

373. Современник. 1855. Т. 52. № 8.

374. *Сокальский Н. П.* Русский солдат и зуав // Современник. 1855. Т. 54. № 11. С. 23–24.

375. *Сокальский Н. П.* Современные рассказы из военной жизни русских солдат, составленные под редакцией Н. Сокальского. СПб.: Тип. Гл. штаба по воен.-учеб. заведениям, 1856. 4, 138 с.

376. *Соколов А. А.* Сестра милосердия: Роман в 3 ч. Ч. 1–3. СПб.: типо-лит. П. И. Шмидта, 1885.

377. Спектакль в пользу войск, действующих в Крыму // Олонецкие губернские ведомости. 1854. № 49. Отд. 2. Часть неофициальная. С. 385–387.

378. *Станюкович К. М.* Севастопольский мальчик. Повесть из времён Крымской войны. СПб.; М.: Товарищество М. О. Вольф, 1905. 236 с.
379. *Степанов Н. А.* Карикатуры Н. А. Степанова: в 3 вып. СПб.: Изд-е А. Беггрова, 1855.
380. *Степанов Н. А.* Современные шутки. СПб.: Изд-е А. Беггрова. 1856. 10 л. ил.
381. *Стеценко В. А.* Крымская кампания. Воспоминания и рассуждения контр-адмирала Стеценко // Сборник рукописей, представленных е. и. в. государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами: в 3 т. Т. 1. СПб.: тип. и лит. А. Траншеля, 1872. С. 193–320.
382. *Столыпин Д. А.* Из личных воспоминаний о Крымской войне и о земледельческих порядках. Две статьи. М.: Тип. В. Готье, 1874. 31 с.
383. *Стулли Ф. С.* Из эпохи Крымской войны // Вестник Европы. 1876. Т. 60. Г. 11. Т. IV. С. 433–475.
384. *Татаринов П.* Бог, Вера и Царь, или Герои нынешней войны. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1854. 17 с.
385. *Татаринов П.* Морской рак, или Шаг вперед, да два назад. СПб.: Тип. Экбертса, 1854. 17 с.
386. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 2: Отрочество. Юность. М.: ГИХЛ, 1935. 411 с.; Т. 9: Война и мир. Том первый. М.: ГИХЛ, 1937. 516 с.; Т. 11. Война и мир. Том третий. М.: ГИХЛ, 1940. 466 с.; Т. 27: Произведения 1889–1890 гг. М.: ГИХЛ, 1936. 761 с.; Т. 45: Путь жизни (1910 г.). М.: ГИХЛ, 1936. 599 с.; Т. 57: Дневники и записные книжки. М.: ГИХЛ, 1952. 426 с.; Т. 59: Письма 1844–1855. М.: ГИХЛ, 1935. 387 с.; Т. 66: Письма 1891 (июль–декабрь) – 1893. М.: ГИХЛ, 1953. 528 с.
387. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: в 100 т. / коммент. Н. И. Бурнашевой. М.: Наука, 2002. Т. 2: Художественные произведения, 1852–1856. 599 с.
388. *Тольчева Т.* Рассказы о домашнем быте севастопольских жителей во время осады 1854–1855 гг. // Русский вестник. 1880. Т. 149. № 9. С. 181–205.

389. *Толычева Т.* Рассказы очевидцев о двенадцатом годе, собранные Т. Толычевой (Е. В. Новосильцевой). М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1912. 115 с.
390. *Толычева Т.* Рассказы старушки об осаде Севастополя // Человек и война в русской литературе XIX–XX веков: Сб. научн. тр. / под ред. М. В. Строганова. Тверь: Золотая буква, 2005. С. 45–62.
391. *Троицкий А. Г.* Вытерга 4-го октября 1854 г. // Олонецкие губернские ведомости. 1854. № 40. Отд. 2. Часть неофициальная. С. 312–313.
392. *Тургенев И. С.* Письмо М. Н. и В. П. Толстым от 17 октября 1855 года // Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма. В 18 т. / [редкол.: М. П. Алексеев (гл. ред.) и др.]; ИРЛИ. 2-е изд., испр. и доп. Т. 3. Письма, 1855–1858. М.: Наука, 1987. С. 65.
393. *Тушканова М. И.* Нестерпимая досада на турецкого салтана // Сборная книжка / сост. А. Ф. Погосский. СПб.: Жуковский и Фену, 1876. С. 19.
394. *Тютчев Ф. И.* Полное собрание сочинений / С крит.-биогр. очерком В. Я. Брюсова, под ред. и предисл. П. В. Быкова. СПб.: Т-во А. Ф. Маркс, 1913. 468 с.
395. *Тютчев Ф. И.* Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1987. 447 с.
396. *Тютчева А. Ф.* Письма А. Ф. Тютчевой к м-ль Гранси, 1854–1858 // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2009, Т. XVIII. С. 334–426.
397. *Федоров Г.* Русский солдат. СПб.: Тип. Экбертса, 1854. 16 с.
398. *Федотова А. К.* Воспоминание о Крымской кампании и Севастопольской обороне: Занятие Керчи и Севастополя союзными войсками: Сост. по дневнику сестры милосердия А. К. Федотовой. Керчь: Тип. «Юж. курьера», 1904. 44 с.
399. *Фет А. А.* Полное собрание стихотворений А. А. Фета: в 3 т. / Под ред. [и с предисл.] Б. В. Никольского. СПб.: Изд-е А. Ф. Маркса. Т. 1. 1901. СХІІ, 496 с.

400. *Филарет*. Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандриту Антонию. 1831–1867 гг.: в 4 ч. М.: Тип. Э. Лисенера и Ю. Романа. 1883. Ч. 3: 1850–1856. 433 с.
401. *Филарет*. Письма Филарета, митрополита Московского к князю Сергею Михайловичу Голицыну. М.: Унив. Тип. (М. Катков), 1884. [3], 121 с.
402. *Хомяков А. С.* Политические письма 1848 г. // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 109–132.
403. Хроника военных современных известий // Современник. 1855. Т. 53. № 9. С. 1–56.
404. *Худеков В. Н., Худеков П. Н.* Из эпохи Крымской войны (Из переписки В. и П. Худековых). Рязань: Тип. Губерн. правл., 1909. 70 с.
405. *Цебрикова М. К.* Пятидесятые годы (Из воспоминаний о войне 1853–1856 гг.) // Вестник всемирной истории. 1901. № 10. С. 1–32.
406. *Чаплинский Г* Сборник рукописей, представленных е. и. в. государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами: в 3 т. Т. 2. СПб.: тип. и лит. А. Траншеля, 1872. С. 69–193.
407. *Чернышевский Н. Г.* Детство и отрочество. Сочинение графа Л. Н. Толстого. Военные рассказы графа Л. Н. Толстого // *Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 3. М.: Гослитиздат, 1947. С. 421–431.
408. *Чернышевский Н. Г.* Рассказ о Крымской войне (по Кинглеку) // *Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 10: Статьи и рецензии 1862–1889 гг. М.: Гослитиздат, 1951. С. 193–440.
409. *Чернышевский Н. Г.* Палитра, новые стихотворения // Современник. 1855. Т. 53. № 9. Отд. IV. Библиография. С. 19–21.
410. *Чернышевский Н. Г.* Рассказ солдата Сидорова при бомбардировании Севастополя англо-французами // Современник. 1855. Т. 53. № 9. Отд. IV. Библиография. С. 18.
411. *Чистяков М. А.* Русская душа // Зима: Новые повести и рассказы, преимущественно из рус. быта. СПб.: Изд. М. О. Вольфа. 1870. С. 71–40.

412. Что читать детям? Вып. 1. Разбор 264 детских книг / Педагогический музей военно-уч. завед. в СПб. Отдел критики и библиографии детской литературы. СПб: Тип. Е. Евдокимова, 1898. XXXVI, 172 с.

413. *Шевырев С. П.* Русские воины при переходе через Дунай // Москвитянин. 1854. Т. 2. № 6. Кн. 2. С. 49.

414. *Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л.* Воспоминания: в 2 т. М.: Худ. лит., 1967. Т. 1. 501 с.

415. *Юнович М. М., Попов П. С.* Толстой Л. Н. // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 11. / гл. ред. Луначарский А. В. М.: Худож. лит, 1939. С. 301–345

СЛОВАРИ

416. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 752 с.

417. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. 509 с.

418. Энциклопедический словарь: в 86 т. / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб.: типо-лит. И. А. Ефрона. Т. 3А. 1891. 956 с.; Т. 15. 1895. 489 с.

* * *

419. ОР РГБ. Ф. 178.1. № 7070/II.24. Отрывок из письма из Тифлиса [Рукопись]. [1850-гг.].